

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ 1895-2005

КРИШНАМУРТИ

Комментарии к жизни

КНИГА ПЕРВАЯ

LITRU.RU

«Комментарии к жизни» зафиксировали письменно встречи Кришнамурти с искателями истины, шедшими разными дорогами жизни. Здесь он даст комментарии к противоречивым вопросам, являющимися общими для всех, кто жаждет расширить границы личности и избавиться от самоограничения. Том 1 из трехтомного издания раскрывает взгляды Кришнамурти на многие важные для любого человека темы.

Джидду Кришнамурти
Комментарии к жизни. Книга первая

Три набожных эгоиста

Недавно меня посетили три набожных эгоиста. Первый был из саньяси, человек, отрекшийся от мира сего. Второй был востоковедом и сильно верил в братство людей. А третий оказался заядлым борцом за какую-то странную утопию. Все трое усердствовали на своем поприще и свысока посматривали на точку зрения и интересы других. Каждый из них находил подтверждение своим убеждениям, был пылко предан своей особой форме верования, и каким-то странным образом все они были нетерпимы.

Они убеждали меня, особенно приверженец утопии, что готовы пожертвовать собой и отречься от своих друзей ради своей веры. Они казались кроткими и добрыми, особенно сторонник братства, но в них была жесткость сердца и та особая нетерпимость, характерная для высокомерия. Они были избранными, вестниками, они знали и были уверены в своих знаниях.

Человек саньяси в ходе серьезной беседы признался, что готовится к последующей жизни. Эта жизнь, заявил он, мало что может ему дать, так как он уже осознал всю иллюзорность жизни в этом мире и отказался от мирских путей. У него еще оставались кое-какие слабости и была трудность в сосредоточении, добавил он, но в следующей своей жизни он непременно станет тем идеалом, который он избрал для себя.

Весь его интерес и жизненная энергия сосредоточились в его убеждении, что в следующей жизни он станет кем-то. Мы говорили долго, но он всегда делал акцент на завтрашнем дне, на будущем. Прошлое существует, заявил он, но всегда в связи с будущим. Настоящее — это всего лишь переход к будущему, а сегодня интересно только из-за того, что наступит завтра. Если бы не было завтра, спросил он, зачем же тогда было бы прилагать столько усилий? С таким же успехом можно быть растением или просто коровой.

Вся жизнь представляла одним постоянным движением из прошлого через мимолетное настоящее к будущему. Нам нужно использовать настоящее, говорил он, чтобы стать кем-то в будущем: быть мудрым, сильным, сострадающим. Оба, и настоящее и будущее скоротечны, но «завтра» приносит плоды. Он настаивал, что «сегодня» — всего лишь ступенька на пути достижения цели, что не стоит слишком тревожиться и вникать в происходящее. Нам нужно четко представлять свой идеал в будущем и плодотворно совершить это путешествие. В общем, он был равнодушен к настоящему.

Верящий в людское братство был более образован, его речь более поэтична. Он был знатоком, умело пользующимся словами, вполне учтив и убедителен. Он тоже приберег себе на будущее божественную нишу. Ему также хотелось стать кем-то выдающимся. Эта мысль наполняла его сердце, и ради этого будущего он собрал вокруг себя своих последователей. Смерть прекрасна, сказал он, так как она приближает нас к той божественной нише, ради которой он и существовал в отвратительном и наполненном скорби мире.

Он был абсолютным сторонником передела этого мира, его усовершенствования и усердно трудился ради братства людей. Он считал, что такое стремление с сопутствующей ему жестокостью и разрушением было неизбежным в этом мире, с которым надо что-то делать. К несчастью, если вы хотите выполнения определенных организационных мероприятий, вам придется быть немного безжалостным. Это дело было необходимостью, потому что помогло бы человечеству, и от любого противостоящего ему надо было бы избавляться, конечно, аккуратно. Претворение в жизнь этого дела было крайне важно и не терпело помех. «У других свои пути, — говорил он, но наш путь — особый, и любой, кто мешает, — не с нами».

Приверженец утопии был странной смесью идеалиста и практичного человека. Он руководствовался не Старым, а Новым Заветом. Он знал исход будущего, так как Новый Завет

предвещает, что будет в конце. В его план входило создать суматоху, организовать и исполнить то, что предвещал Новый Завет. Настоящее, он говорил, было искажено и должно быть уничтожено, а на его руинах будет построено новое. Надо пожертвовать настоящим ради будущего. По сути, значение имел только человек будущего, а не настоящего. «Мы знаем, как создать такого человека», сказал он, «мы можем сформировать его сознание и сердце. Но мы должны получить власть для выполнения любого благого дела. Мы принесем в жертву себя и других, чтобы установить новый порядок. Мы убьем любого, стоящего у нас на пути. Любые средства хороши, когда цель их оправдывает».

Если итогом происходящего будет мир, то можно использовать любую форму насилия. Если, в конце концов, каждый будет свободен, то тирании в настоящем не избежать. «Как только власть окажется в наших руках, — заявил он, — мы прибегнем к любому виду принуждения ради создания нового мира без классовых различий».

Мы ни на шаг не отойдем от своей догмы, мы твердо верим в нее, но наша стратегия и тактика будет варьироваться в зависимости от изменения обстоятельств. Мы планируем, организуем и прилагаем все усилия для уничтожения человека настоящего ради человека будущего.

Человек саньяси, верящий в человеческое братство, и приверженец утопии — все они живут ради завтрашнего дня, ради будущего. В обычном понимании они не властолюбивы, им чужды высокие почести, богатство или признание. Они жаждут власти в более утонченном ее виде. Приверженец утопии показал свою принадлежность к общности, которая, по его мнению, будет обладать властью для изменения мира. Верящий во всемирное братство жаждет быть возвеличенным, а человек саньяси — достичь своей цели. Все поглощены собственным становлением, своими достижениями и распространением своей идеи. Они не видят, как их желания отталкивают мир, равенство, величайшее счастье.

Стремление к цели в любом его проявлении: либо совместными усилиями, либо для личного спасения или духовного роста — это действие в будущем. Извечное желание будущего. Желание стать — это бездействие в настоящем. «Теперь и сейчас» имеет большее значение, чем «завтра». В «теперь и сейчас» заключено все время, понять «теперь и сейчас» означает освободиться от времени. «Стать» — это значит продлить время, продлить скорбь. «Стать» не включает в себя «быть». «Быть» — это всегда в настоящем, быть — это высший путь превращения. «Стать» — всего лишь означает видоизменяющееся продолжение, а полное преобразование заключено только в настоящем, в «быть».

Отождествление

Почему вы отождествляете себя с другими, с обществом, со страной? Почему вы называете себя христианином, хинду, буддистом или почему вы являетесь членом одной из многочисленных сект? Религиозно или политически человек отождествляет себя с той или иной группой по традиции или по привычке, по внутреннему побуждению или предубеждениям, подражая кому-то, или из-за лени. Такое отождествление прекращает всякое творческое понимание, и тогда человек становится простым инструментом в руках партийного боса, начальника священника или духовного лидера.

На днях один человек сказал, что он «кришнамуртиец», а он состоял в то же самое время в другом обществе. Когда он так говорил, это было совершенно бессознательное применение такого отождествления. Ни в коей мере его нельзя было назвать глупцом, напротив, он был хорошо начитан и образован. Не был он ни эмоционален, ни сентиментален в этом вопросе, наоборот, он был четок и понятен.

Почему он вдруг стал последователем Кришнамурти? До этого он являлся членом иных обществ и организаций, и тут вдруг выяснилось, что он «кришнамуртиец». Из того, что он рассказал, казалось, что его искания окончились. Вот здесь он остановился, это было его итогом.

Свой выбор он сделал, и ничто не могло поколебать его. Теперь он спокойно осядет и будет следовать всему, что было сказано и что будет сказано.

Когда мы отождествляем себя с кем-то другим, является ли это отождествление отождествлением из-за любви? Разве отождествление означает переживание? Разве отождествление не влечет за собой угасание любви переживания? Отождествление — это овладение чем-то, утверждение в чем-то, отстаивание права собственности, а собственность отрицает любовь, не так ли? Владеть — значит быть в безопасности, обладание — это защита, неуязвимость. В отождествлении также есть доля сопротивления, либо грубого, либо утонченного. А разве любовь является способом самозащиты? Присутствует ли любовь там, где есть защита?

Любовь — ранимая, мягкая, уступчивая. Она представляет собой высшую форму чувствительности, а отождествление приводит к бесчувственности. Отождествление и любовь не могут быть рядом, так как первое уничтожает вторую. Отождествление — это в основном умственный процесс, с помощью которого ум оберегает себя. В процессе отождествления с кем-то он должен сопротивляться и защищаться, он должен обладать и избавляться. В этом процессе становления ум или «я» делается выносливее и способнее. Но это не любовь. Отождествление уничтожает свободу, а наивысшая форма чувствительности рождается только в свободе.

Чтобы переживать, нужно ли отождествление? Разве сам акт отождествления не кладет конец исследованию и открытию? Счастье истины не бывает без переживания в процессе самопознания. Отождествление препятствует открытию. Это все лишь еще один вид лени. Отождествление — это следование опыту другого человека, следовательно, это абсолютно искусственный опыт.

Чтобы переживать, надо отбросить все отождествления. Чтобы переживать, нельзя бояться. Страх мешает познанию. Из-за страха мы прибегаем к отождествлению с другими, с обществом, с идеологией и тому подобным. Страх должен препятствовать и сдерживать, а как можно отважиться на путешествие по морю, не отмеченному на карте, если вы ожидаете нападения? Истину или счастье нельзя постичь без путешествия по дорогам собственного «я». Вы не уплывете далеко, если вы сбросили якорь. Отождествление — это убежище. Убежище

нуждается в защите. А то, что требует защиты, рано или поздно будет разрушено. Отождествление несет в себе разрушение, отсюда возникают постоянные конфликты.

Чем больше мы сражаемся за или против отождествления, тем сильнее противодействие пониманию. Если человек осознал весь процесс отождествления, внешний и внутренний, если он понял, что внешнее выражение отражает внутреннюю потребность, тогда открывается возможность для познания и счастья. Тот, кто отождествил себя с кем-то или чем-то, никогда не познает свободы, только лишь в которой и существует полная истина.

Домыслы и тревоги

Как забавно схожи домысел и тревога. Оба они являются продуктом деятельности неустанного размышления. У неутомимого ума должен быть арсенал чередующихся выражений и поступков. Он должен занимать себя постоянно нагнетающимися чувствами и меняющимися интересами. Все это составляющие домыслов.

Домысел — это полное противопоставление ясности и искренности. Распространять слухи означает убегать от себя, а бегство от реальности — причина беспокойства. По своей сути уход от действительности это и есть беспокойство. Озабоченность делами других кажется естественной для большинства людей, что проявляется в массовом чтении газетных и журнальных статей, распространяющих слухи об убийствах, разводах и т. п. Как нам интересно, что другие думают о нас, так и нам ужасно важно знать все о других. Отсюда возникает неявная, едва заметная, вкрадчивая форма цинизма и поклонения авторитету. Таким образом, мы становимся все более и более подвержены влиянию внешних факторов, а внутри пустеем. Чем больше внимания мы уделяем внешнему миру, тем больше чувств и увлечений у нас появляется. Все это играет на руку уму, не знающему покоя, который не способен на глубокий поиск и открытие.

Домысел — это проявление беспокойного ума. Если вы молчите, это еще не означает спокойствие ума. Спокойствие не возникает вместе с воздержанием или ограничением, оно возникает в результате понимания того, что есть. Чтобы понять то, что есть, необходимо быстрое осознание, так как то, что есть, не является неподвижным.

Если бы не беспокойство, большинство из нас, наверное, не чувствовали бы себя живыми. Быть снедаемым како-то проблемой для большинства из нас показатель существования. Мы не можем представить жизнь без проблем. Чем сильнее мы загружаем свои умы проблемами, тем более бдительными, как нам кажется, мы становимся. Постоянное напряжение из-за проблем, созданных самой же мыслью, только оглушает ум, делая его невосприимчивым и истощенным.

Тогда зачем же эта непрекращающаяся поглощенность мыслей проблемами? Разве тревога решит проблему? Или все-таки решение проблемы придет, когда наш ум успокоится? Но для большинства людей спокойный ум — это что-то пугающее. Они боятся спокойствия, потому что одному богу известно, что они могут обнаружить внутри себя, а беспокойство избавляет от этого. Ум, который вечно боится открытий, вынужден защищаться, а тревога и есть защита.

Из-за постоянного напряжения в силу привычки и влияния внешних факторов, часть нашего сознания стала возбужденной и беспокойной. Современная жизнь поддерживает в нас такое состояние. Она отвлекает наше внимание, что является лишь способом самозащиты. Защита — это сопротивление, мешающее пониманию.

Тревога, как и домысел, имеет сходство с напряжением и важностью, но если присмотреться, то можно понять, что тревога берет свое начало в увлечении, а не искренности. Увлечения постоянно меняются, поэтому объекты тревоги и домыслов тоже изменчивы. Перемена — это всего лишь видоизмененное продолжение. Волнениям и домыслам можно положить конец только тогда, когда вы осознаете причину беспокойства вашего ума. Простое воздержание, контроль или дисциплина не приносят спокойствия, а только отупляют ум, делают его нечувствительным и ограниченным.

Любопытство — это не путь к пониманию. Понимание приходит с самопознанием. Тот, кто страдает, не любопытен, но простое любопытство с его ярким оттенком предположения, является помехой к самопознанию. Предположение, как и любопытство, есть показатель беспокойства ума и каким бы гениальным он ни был, он разрушает понимание и счастье.

Мысль и любовь

Мысль, с ее эмоциональным и чувственным содержанием, не является любовью. Мысль постоянно отрицает любовь. Мысль основана на воспоминаниях, а любовь — это не воспоминание. Когда вы думаете о том, кого вы любите, ваша мысль не является любовью. Вы можете вспомнить привычки вашего друга, его поведение, черты характера, вспомнить приятные и неприятные моменты в ваших с ним взаимоотношениях. Но возникающие картинки и мысли не есть любовь. По своей природе мысль разделяющая. Ощущение времени и пространства, разлуки и скорби порождаются в процессе мышления, а любовь возникает только тогда, когда процесс мышления останавливается.

Мысль неизбежно возвращает чувство собственности. Чувство собственности, сознательное или неосознанное, культивирует ревность. Там, где ревность, нет любви, это очевидно. И все-таки большинство людей воспринимают ревность как показатель любви. Ревность — это продукт мысли, это ее отклик эмоционального содержания. Когда чувство владения или что вами владеют блокируется, возникает такая пустота, что зависть уступает место любви. Все трудности и горести возникают оттого, что мысль играет роль любви.

Если бы вы не думали о ком-то, вы бы сказали, что не любите этого человека. Но разве это любовь, когда все же вы думаете о нем? Если бы вы перестали думать о любимом человеке, то это скорее всего испугало вас, не так ли? Если бы вы перестали думать о друге, который умер, вы бы считали себя предавшим его, не любящим. Вы будете воспринимать такое состояние как бессердечное, равнодушное и таким образом вы станете думать о нем. У вас в руках или в вашей голове появятся фотографии или картинки. Но если вот так заполнять свое сердце воспоминаниями ума, то не останется места для любви. Когда вы рядом с вашим другом, вы не думаете о нем. Только в его отсутствие мысль начинает воссоздавать сцены и переживания, которые уже мертвы. И это возрождение прошлого называют любовью. Поэтому для большинства из нас любовь есть смерть, отрицание жизни. Мы живем с прошлым, с мертвецами, поэтому мы сами мертвы, хотя называем это любовью.

Процесс мышления извечно отрицает любовь. Это мысль эмоционально запутанна, не любовь. Мысль — величайшая помеха любви. Мысль создает разделение между тем, что есть, и тем, что должно быть, на этом разделении основана этика (нравственный закон). Но ни моральное, ни аморальное не знают любви. Структура морали, созданная умом, чтобы укрепить социальные взаимоотношения, не является любовью, а всего лишь скрепляющее вещество, похожее на цементный раствор. Мысль не ведет к любви, не возвращает ее, потому что любовь нельзя вырастить в саду, как растение. Само желание культивировать любовь — результат работы мысли.

Если вы полностью все осознали, вы поняли всю важность роли мысли в нашей жизни. У мысли есть определенные задачи, но они никоим образом не связаны с любовью. То, что связано с мыслью, может быть понято ею, а то, что не связано, ум не может уловить. Вы спросите, что же такое любовь? Любовь — это состояние бытия, где нет мысли. Но сама попытка дать определение любви является мыслительным процессом, поэтому это уже не любовь.

Нам необходимо понять саму мысль, а не пытаться уловить любовь посредством мысли. Отрицание мысли не приведет к любви. Освобождение от мысли приходит только после полного осознания ее глубинного значения, а для этого необходимо очень тщательное самопознание, а не показное, поверхностное суждение. Погружение в себя, а не повторение, осознание, а не определение, открывают пути мысли. Без осознания и понимания путей мысли не может быть любви.

Одиночество и уединение

Солнце село, и на фоне темнеющего неба деревья стали черными, с четкими формами. Широкая могучая река была тихой и спокойной. Луна только что появилась над горизонтом. Еще не создавая теней, она поднималась между двумя большими деревьями.

Мы шли вдоль крутого берега реки и вышли на дорогу, огибавшую зеленевшие пшеничные поля. Эта дорога была очень древней: по ней прошли тысячи людей. Она была знаменита преданиями и тишиной. Она блуждала среди полей и манговых деревьев, тамариндов и брошенных могил. Вдоль нее попадались участки с садами, а сладкий горох аппетитно наполнял воздух своим ароматом. Птицы мостились, готовясь к ночи, а в большом пруду уже начали отражаться звезды. Природа была молчаливой тем вечером. Деревья стояли отчужденно, они погрузились в молчание и темноту. Мимо проехали на велосипедах несколько болтавших жителей деревни, и снова воцарилась глубокая тишина и тот покой, который наступает, когда все остается наедине с собой.

Такое уединение — это не болезненное, пугающее одиночество. Это состояние, когда ты сам с собой, ничем не нарушенное, полное и насыщенное. У тамариндового дерева нет иного существования, кроме как быть собой. Это и есть уединение. Каждый становится сам собой, как огонь, как цветок. Мы не осознаем чистоту этого состояния, его необъятность. Общаться по-настоящему можно только, когда ты сам с собой. Быть самому в себе не означает отречение или замкнутость. Быть самому в себе означает очищение от всех побуждений, повседневных дел и целей. Уединение — это не желаемая цель ума. Нельзя пожелать уединения. Такое желание — это лишь побег от боли из-за неспособности к общению.

Одиночество со своими страхами и болью — это отстранение, неизбежный поступок вашего «я». Причина отстранения, неважно, масштабного или нет, берет свое начало в смущении, конфликте, горе. Отстранение не может породить уединение. Нужно избавиться от первого, чтобы позволить второму быть. Уединение — неделимое, а одиночество — это отделение себя. Тот, кто уединился, восприимчив, поэтому легко переносит все. Только уединившийся может общаться с тем, что беспричинно и безмерно. Для уединившегося жизнь вечна, для уединившегося нет смерти. Уединившийся никогда не прекратит свое существование.

Луна только всходила над вершинами деревьев, и тени были явными и черными. Залаяла собака, когда мы миновали маленькую деревушку и возвращались назад вдоль реки. Река была такой спокойной, что она отражала в своей воде звезды и огни длинного моста. Высоко на берегу стояла детвора и смеялась, а маленький ребенок плакал. Рыбаки чистили и сворачивали свои сети. Мимо тихо пролетела ночная птица. На противоположном берегу реки кто-то начал петь, и его слова были понятными и трогательными. И снова охватившее все вокруг уединение жизни.

«Знаете, мне сказали, что ученик одного мастера», — начал он. «Вы думаете, так и есть? Мне действительно нужно знать, что вы думаете об этом. Я состою в одном обществе, о котором вы знаете. Лидеры внешних дел, которые представляют лидеров внутренних дел, сказали мне, что благодаря моей работе на благо общества меня произвели в ученики. Мне объяснили, что в этой жизни есть возможность получить посвящение первой степени». Все это он принимал близко к сердцу, и мы продолжили разговор.

Награда в любом ее виде очень радует ум, особенно духовная награда, в особенности если личность мало заинтересована в мирских почестях. Или, когда такая личность не делает особых успехов в этом мире, ей доставляет удовольствие принадлежность к группе особо избранных кем-то, кто считается высоко продвинутым духовно. Таким образом, личность становится частью команды, трудящейся на благо великой идеи и, естественно, личность должна быть поощрена за свое послушание, за жертвы, принесенные ради этой цели. Это не в прямом смысле награда, это признание чьего-либо духовного продвижения. Как, например, в эффективно функционирующих организациях чья-либо производительность подтверждается вознаграждением с целью стимулирования личности работать еще лучше.

В мире, где поклоняются успеху, такой способ самопродвижения ценят и одобряют. Но когда вас называют учеником или вы сами так начинаете думать, появляются ужасные формы эксплуатации. К несчастью, и эксплуататор, и эксплуатируемый чувствуют себя окрыленными в своем взаимодействии. Нарастающее мнимое удовлетворение считается духовным ростом. Все это становится особенно отвратительным и ужасным, когда между учителем и учеником есть посредник, когда, например, учитель в другой стране или недоступен по другим причинам, и у вас нет прямого физического контакта с ним. Эта недостижимость и нехватка прямого взаимодействия открывают двери самообману и великим детским иллюзиям. А уже эти иллюзии используются хитрецами, за которыми стоят слава и сила.

Награда и наказание существуют только тогда, когда отсутствует смирение. Смирение — это не конечный результат духовных практик и отречений. Смирение — это не подвиг, не добродетель, которую нужно возвращать. Добродетель, которая превращается в культ, перестает быть добродетелью, так как она становится очередным видом подвига, рекорда, который нужно достичь. Культ добродетели — это не отречение от своего «я», это негативное восприятие себя.

В смирении нет разделения на высших и низших, на мастера и ученика. Как только появляется разделение «мастер» — «ученик», окружающий мир и свое «я», понимание становится невозможным. В осознании сути нет мастера и ученика, нет продвинутых и отстающих. Суть — это понимание того, что есть, от мгновения к мгновению, без груза и наследия прошлого.

Награда и наказание только укрепляет «я», отрекающееся от смирения. Смирение является частью настоящего, а не будущего. Вы не можете стать смиренным. Само такое становление есть продолжение самомнения, прикрывающегося творением благодетели. Как же сильно наше желание преуспеть, стать кем-то значимым! Как же могут сосуществовать успех и смирение? Тем ни менее, это то, чего добиваются эксплуататор и эксплуатируемый, именно здесь заложено противоречие и страдание.

«Вы имеете в виду, что никакого мастера не существует, и то, что я его ученик, всего лишь иллюзия, выдумка?» — спросил он.

Существует ли мастер или нет, по сути, маловажно. Это важно для эксплуататора, для

тайных школ и обществ. Но для человека, который ищет дарующую счастье истину, этот вопрос безразличен. Богач и кули несут в себе тот же смысл, что и мастер и ученик. Существует ли мастер или нет, есть ли различия между посвященными и учениками, и т. п. — не суть важно. Важно лишь понимать себя. Без самопознания ваша мысль, к которой вы пришли в ходе размышления, не имеет основания. Если сначала вы не познаете себя, как можете вы познать суть? Вам не избежать иллюзий без самопознания. Глупо верить словам других, которые вам говорят, что вы то или иное. Берегитесь человека, обещающего вам награду в этом мире или мире ином.

Богатые и бедные

Было сыро и душно, и шум огромного города наполнял воздух. С моря дул теплый ветер, принося запах смолы и бензина. Даже на закате солнца, красневшем в воде за горизонтом, жара все еще не спадала. Большая группа, наполнявшая комнату, покинула ее, и мы вышли на улицу.

Попугаи, похожие на большие ярко-зеленые огни света, возвращались домой на ночлег. Рано утром они улетали на север, где раскинулись фруктовые сады, зеленые лужайки и открытый простор, а вечером возвращались, чтобы провести ночь среди деревьев большого города. Их полет был неровным, всегда небрежным, шумным и ярким. Они никогда не летели прямо, как другие птицы, а виляли справа налево или неожиданно обрушивались на дерево. В полете они самые суетливые птицы, но как они прекрасны: красные клювы и золотистая зелень пели гимн цвету. Грифы, громоздкие и ужасные, усаживались на ночь на пальмах.

Вот приближался человек, играющий на флейте. Он был каким-то слугой. Продолжая играть, он взобрался на холм, и мы последовали за ним. Ни на миг не прекращая игру, он свернул в одну из примыкающих улиц. Было странно слышать звук флейты в шумном городе. Звук ее проникал в глубь сердца. Музыка была прекрасной, и мы шли за играющим еще какое-то расстояние. Мы пересекли несколько улочек и вышли на более освещенную и широкую улицу. Далее играющий на флейте присоединился к группе людей, сидевших со скрещенными ногами на обочине у дороги. Мы последовали его примеру. Мы все сидели вокруг него, пока он играл. Большинство сидящих были прислугой, водителями, ночными сторожами, было еще несколько детей и одна или пара собак. Мимо проезжали машины. В одной из них горел свет. Там за рулем сидела женщина, прекрасно одетая, но одинокая. Одна из машин подъехала, водитель вышел и сел рядом с нами. Все они разговаривали и радовались, смеялись и жестикулировали, но песнь флейты ни разу не дрогнула, и это вызывало восторг.

Немного времени спустя мы ушли оттуда и отправились дорогой, ведущей к морю, мимо хорошо освещенных домов состоятельных людей. Богатых окружает какая-то своя особая атмосфера. Как бы ни были они образованны, любезны, родовиты и изысканны, в них есть непроницаемая и надменная отчужденность, та нерушимая самоуверенность и твердость, которую трудно разрушить. Они не владельцы богатств, наоборот, богатства владеют ими, что хуже смерти. Благотворительность — их тщеславие. Они считают себя попечителями собственного богатства, они организуют благотворительные фонды, пожертвования, они — творцы, строители, дающие. Они строят церкви, храмы, но их бог — бог золота. Там, где существует такая бедность и деградация, надо было родиться толстокожим, чтобы стать богатым. Многие из них начинают задавать себе вопросы, спорить и искать истину. Бедные жаждут стать богатыми и наделенными властью, а богатые уже поймались в ловушку собственных поступков. И все же они верят и рискуют дальше. Они спекулируют не только на рынке, но и на основе основ. Они играют и там, и тут, но преуспевают только в делах, которые ближе их сердцам. Их верования и обряды, их страхи и надежды ни имеют никакого отношения к действительности, так как их сердца пусты. Чем напыщеннее показное представление, тем больше внутренняя бедность.

Отказаться от мира богатства, комфорта и положения в обществе сравнительно простое дело. Но чтобы избавиться от хотения быть, стать богатым, требуется значительная сообразительность и усилие рассудка. Власть, обретаемая с богатством, — это препятствие к пониманию реальности, так же как власть одаривать и власть иметь возможность. Это особая форма самоуверенности, это продукт нашего «я». Хотя это и трудно, эту самоуверенность можно преодолеть. Но что еще более изощренное и скрытое — это сила и задор, основа которых

страстное стремление стать кем-то. Самовозвеличивание в любом его проявлении, будь то богатство или добродетель, — это процесс противопоставления, порождающий противоречия и суматоху. Ум, обремененный задачей стать кем-то, никогда не будет спокоен, так как спокойствие не наступает в результате тренировок или истечения времени. Спокойствие — это состояние понимания, а желание стать кем-то отвергает понимание. Желание стать кем-то дает ощущение времени, что в действительности есть откладывание понимания на потом. «Я стану» — это иллюзия, порожденная самоуверенностью.

Море было таким же беспокойным, как и город, но его беспокойность имела глубину и содержание. На горизонте появилась вечерняя звезда. Назад мы возвращались по улице, наводненной автобусами, машинами и людьми. На тротуаре лежал голый спящий человек. Он был попрошайкой и был смертельно истощен недоеданием, но его разбудить было трудно. Вдали простирались зеленые лужайки и виднелись пестрые цветы городского сада.

Обряды и посвящения

Окруженная большой оградой, среди деревьев, стояла церковь. Белокожие и смуглолицые люди входили и выходили из нее. Внутри нее света было больше, чем в европейских церквях, но обстановка была такая же. Церемония шла своим чередом, и она по-своему была красива. Когда она окончилась, мало кто из белых вступал в разговор со смуглолицыми и наоборот. Все мы вышли и пошли своими дорогами.

На другом материке стоял храм. В нем пели песнь на санскрите. Исполнялся пуйа, обряд Хинду, а сами прихожане принадлежали иной культуре. Тональность слов санскрита очень экспрессивна и проникновенна, она обладает необычайной глубиной и значением.

Вы можете быть обращенным из одной религии в другую, поменять одну догму на другую, но нельзя стать посвященным в познание действительности. Вера не есть действительность. Можно изменить мнение, решение, но истина или бог — это не убеждение, это переживание, не основанное на вере, догме или прошлом опыте. Если у вас есть опыт религиозного переживания, то ваш опыт — это условный отклик той веры. Если ваше переживание неожиданно и спонтанно, и вы формируете ваш дальнейший опыт на его основе, тогда ваши переживания — это всего лишь продолжение памяти, которая реагирует при взаимодействии с настоящим. Память всегда мертва, возвращаясь к жизни только в соприкосновении с переживаемым настоящим моментом.

Обращение — это смена одной формы веры на другую, одного вида обряда на другой более удовлетворяющий, но это не открывает дверь в реальность, наоборот, удовлетворение — это помеха на пути к реальности. И, тем не менее, это то, что устоявшиеся религии и религиозные группировки пытаются сделать: заставить вас верить в более-менее разумную догму, религиозное суеверие или надежду. Они предлагают вам клетку получше. Она может быть, а может и не быть удобной, в зависимости от вашего характера. Но в любом случае это тюрьма.

На религиозном или политическом уровнях, при разных культурных этапах развития это обращение в веру происходит всегда. Организации со своими лидерами буйно процветают, удерживая человека в рамках идеологии, будь то политической или религиозной, которую они предлагают. В этом процессе заключена взаимная эксплуатация. Истина за пределами всяких рамок, страхов и надежд. Если вы ощутите радость познания истины, я уверен, вы отбросите соблюдение всех церемоний и идеологических традиций. Ум находит безопасность в религиозных и политических рамках, и это то, что дает жизненную силу организациям. Всегда существуют консерваторы и новички. Они поддерживают жизнедеятельность организаций благодаря своим вложениям и собственности. Сила и престиж организаций привлекают тех, кто боготворит успех и обывательский здравый смысл. Когда ум не находит удовлетворения и жизненной силы в старых рамках, он обращается к другим, более крепким и успокаивающим учениям и догмам. Таким образом, ум — это продукт жизнедеятельности окружающей среды, подстраивающийся и поддерживающий себя на чувствах и отождествлениях. Поэтому ум цепляется за нормы поведения, шаблоны мышления и т. п. Пока ум будет принадлежать прошлому, он никогда не сможет обнаружить истину или впустить ее. В своем стремлении удержаться в организациях он отбрасывает поиск истины. Очевидно, что ритуалы предлагают своим участникам обстановку, в которой они чувствуют себя комфортно. Оба вида ритуалов, коллективные и одиночные, дарят уму покой, они — существенный контраст скучной повседневной жизни. В церемониях есть некая доля красоты и порядка, но в целом они действуют как стимулирующее средство. И как все стимуляторы они вскоре отупляют ум и сердце. Они становятся привычкой, необходимостью, без которой не обойтись. Считается, что

эта необходимость есть духовное возрождение, накопление жизненных сил, еженедельная или ежедневная медитация и т. п. Но если вникнуть глубже в этот процесс, то можно увидеть, что ритуалы — это повторяемое действие, предлагающее превосходный и приемлемый уход от самопознания. Без самопознания действие малозначительно. Повторение молитв, слов или фраз усыпляет ум, хотя какое-то время они служат стимуляторами. В этом сонном состоянии действительно происходят переживания, но они самоспроецированы. Как бы они ни удовлетворяли, такие переживания иллюзорны. Переживание действительности происходит не путем повторения, не путем тренировки. Истина — это не следствие, не результат, не цель. Ее нельзя заманить, так как она не творение ума.

Мы ждали поезд, а он опаздывал. Платформа была шумной и грязной, а воздух едким. Там было много ожидающих подобно нам. Плакали дети, мать кормила грудью малыша, торговцы трезвонили о своем товаре, продавался чай и кофе — в общем, это было беспокойное и оживленное место. Мы прохаживались туда-сюда по платформе, наблюдая за собственными шагами и движением жизни вокруг нас. К нам подошел мужчина и заговорил на ломаном английском. Он сказал, что присматривался к нам и почувствовал побуждение сказать нам кое-что. С величайшим чувством он пообещал вести правильную жизнь и с этого момента больше не курить. Он признался, что он всего лишь необразованный рикша, но у него были выразительные глаза и приятная улыбка.

Через некоторое время подошел поезд. В вагоне нам представился один мужчина. Он был известным лингвистом, владел многими языками и свободно цитировал на них. Он был в возрасте, много знал и был состоятелен и амбициозен. Он рассказывал о медитации, но создавалось впечатление, что он говорит, не основываясь на собственном опыте. Его бог — бог книг. У него было традиционное и устоявшееся отношение к жизни, и он верил в ранний и заранее спланированный брак и в строгие нормы жизни. Он чувствовал принадлежность к своей касте или классу и осознавал разницу интеллектуальных способностей каст. Его переполняла гордость за свои знания и положение.

Садилось солнце, поезд мчался по прекрасной сельской местности. Домашние животные возвращались домой, и в воздухе кружилась золотая пыль. На горизонте виднелись огромные черные тучи, а вдалеке слышались раскаты грома. Сколько радости вмещает в себя зеленый луг, и как мила эта деревня в обрамлении извивающейся горы. Наступала темнота. Большой голубой олень пасся на лугу, и он даже не поднял голову, когда поезд прогрохотал мимо.

Знание — это вспышка света в промежутках между тьмой. Но знание не может подняться над тьмой или выйти за ее пределы. Знание имеет значение для техники, как топливо для машины, но оно не может проникнуть за пределы неизвестного. Неизвестное нельзя поймать в сеть известного. Знание нужно отодвинуть в сторону, чтобы возникло неизвестное, но как же это трудно сделать!

У нас есть память о нашем прошлом, наши мысли основаны на прошлом. Прошлое — это известное, отголосок прошлого вечно отбрасывает тень на настоящее, на неизвестное. Неизвестное относится не к будущему, а к настоящему. Будущее есть результат того, как прошлое прокладывает свое путь сквозь неясное настоящее. Этот промежуток, этот интервал наполнен скачкообразными вспышками знаний, прикрывающих пустоту настоящего. Но в этой пустоте содержится чудо жизни.

Привязанность к знаниям схожа с любой другой привязанностью. Она предлагает уход от страха перед пустотой, одиночеством, разочарованием, страхом быть ничем. Свет знаний — это покрывало, под которым темнота, непостижимая для ума. Ум пугается неизвестного, поэтому он прибегает к знаниям, теориям, надеждам, воображению. Все эти знания — это препятствие для понимания неизвестного. Избавиться от знаний означает впустить страх, а не отречься от ума, который является единственным инструментом восприятия у человека, означает стать уязвимым для грусти и радости. Но отстраниться от знаний непросто. Быть невеждой — это не означает быть свободным от знаний. Невежество — это нехватка знаний о себе самом, неосведомленность. А знание — это невежество из-за отсутствия понимания путей, проходимых собственным «я». Понимание своего «я» — это ключ к свободе от знания.

Свобода от знаний возникает тогда, когда понят процесс собирания информации и желания

вобрать в себя информацию. Желание накопить в себе есть желание безопасности, уверенности. Такое желание определенности через отождествление, через осуждение и оправдание — это причина страха, разрушающего общность. Когда есть общность, нет необходимости накопления. Накопление — это замкнутое в себе противостояние, усиленное знаниями. Преклонение перед знаниями — это лишь способ идолопоклонства, оно не избавит от страдания и противоречий в жизни. Покров знаний скрывает, но никогда не избавляет нас от усиливающихся сомнений и печали. Пути ума не приведут к истине и счастью. Знать значит отрицать неизвестное.

Он утверждал, что не жаден, что довольствуется малым и что жизнь была благосклонна к нему, хотя и на его долю выпадали обыкновенные человеческие страдания. Он был человеком скромным, спокойным и надеялся, что его не потревожат на жизненном пути. Он сказал, что не был честолюбив, что в своих молитвах благодарил бога за все, что есть в его жизни, за семью, за уклад его жизни. Он был благодарен за то, что не погряз в конфликтах и проблемах, как его друзья и родственники. Очень быстро он стал уважаем и был счастлив, что был одним из «избранных». Его не влекло к другим женщинам, наоборот, у него была спокойная семейная жизнь, хотя не без обычных пререканий между мужем и женой. Не было у него и особых пороков, он много молился и восхвалял бога. «Что со мной не так», спросил он, «у меня же нет проблем?» Не дожидаясь ответа, он удовлетворенно улыбнулся и как-то мрачно продолжил рассказ о своем прошлом: чем он занимался, какое образование он дал своим детям. Он продолжил, сказав, что не был расточителен, а давал понемногу там и здесь. Он был уверен, что каждый должен бороться, чтобы занять свое место в этом мире.

Уважение — это проклятие, разъедающее ум и сердце. Оно подкрадывается незаметно и разрушает любовь. Быть уважаемым значит уметь успех, обеспечить себе положение в этом мире, выстроить вокруг себя стену одобрения, той уверенности, которая приходит с деньгами, властью, успехом, возможностями или благодетелью. Эта исключительная уверенность возвращает в обществе ненависть и противостояние человеческих отношений. Уважаемые — всегда сливки общества, поэтому они являются причиной споров и несчастья. Уважаемые, как и презируемые, всегда в зависимости от милости обстоятельств. Для них очень важно влияние окружающего мира и имеют значение традиции, поскольку они скрывают их внутреннюю бедность. Уважаемые всегда боятся, подозрительны и готовы защищаться. В их сердцах страх, а в их добродетели — злость. Их благие дела и набожность — это их защита. Они словно барабаны, пустые внутри, но звонкие, если по ним ударить. Уважаемые, как и презируемые, никогда не в состоянии открыться реальности, они замкнулись в уверенности в собственном совершенстве. Им не дано счастье, так как они избегают истины.

«Быть неалчным» и «быть нерасточительным» имеют тесную взаимосвязь. Оба эти процесса есть замкнутость в себе, сконцентрированность на себе с отрицательной частицей «не». Чтобы быть жадным, нужно быть активным. Направлять свою деятельность вовне. Вы должны бороться, соперничать, быть агрессивным. Если у вас нет такого побуждения, это не означает, что вы свободны от алчности, просто она у вас спрятана внутри. Ваша внешняя деятельность — это расстройство, болезненная борьба. Проще скрыть это в себе, прикрывшись словом «неалчный». Быть щедрым на руку — это одно, но быть щедрым от сердца другое. Щедрость от руки ясна и проста и зависит от условий культурного достижения. А вот щедрость от сердца имеет гораздо более широкое и глубокое значение, требуя расширенного осознания и понимания. Быть нерасточительным — опять же приятно, но это слепая замкнутость в себе, внешняя бездеятельность. В этом состоянии поглощения собой есть внутренняя деятельность, как у спящего, но она никогда не пробудит вас. Процесс пробуждения болезненный, поэтому молоды вы или стары, вы предпочитаете быть наедине с собой, чтобы стать уважаемым, чтобы умереть.

Как и щедрость сердца, щедрость руки — это поступок, направленный вовне, но часто он болезненный, обманчивый, саморазоблачающий. Щедрость руки легко доступна, а щедрость сердца непросто взрастить, это свобода от накопления. Чтобы простить, должна быть нанесена обида, чтобы оказаться обиженным, надо скопить в себе гордыню. Щедрость сердца

отсутствует, пока память тихо шепчет «мне» и «мое».

Высоко в горах целый день шел дождь. Это был не легкий проливной дождик, а один из тех обильных ливней, которые смывают дороги и выворачивают на склонах деревья с корнями, вызывают оползни и бурные потоки, утихающие через несколько часов. Маленький мальчик, промокший до мозга и костей, играл в пустом бассейне и не обращал ни малейшего внимания на громкий голос матери. Когда мы взбирались по грязной дороге, навстречу нам спускалась корова. Казалось, что небеса разверзлись и покрыли водой всю землю. Мы насквозь промокли, сняли почти всю свою одежду, и по нашей коже приятно застучал дождь. Дом стоял высоко на склоне горы, а внизу простирался город. С запада дул сильный ветер, нагоняя все больше неистовых черных туч.

В комнате горел огонь, и несколько человек сидели в ожидании разговора. Из-за дождя, стучащего по окнам, на полу образовалась большая лужа. Вода проникала даже через камин, отчего костер потрескивал.

Он был очень известным политиком, реалистом, яростно искренним и твердым патриотом. Не являясь низменным и корыстным, он использовал свои амбиции не для собственной выгоды, а ради идеи, ради народа. Он был не просто красноречивым пустословом, а переживал за свое дело, и, хотя это и было удивительно, но он не был ожесточен. Он был больше похож на ученого, чем на политика. Но политика являлась дыханием его жизни, его партия следовала за ним, хотя стихийно. Он был мечтателем, но ради политики оставил все. Здесь также находился его друг, ведущий экономист. Он владел сложными теориями и фактами, касающимися показателей ежегодных государственных доходов. Казалось, он был знаком с экономистами как правых, так и левых, но у него имелись собственные теории по решению экономических трудностей человечества. Говорил он легко, не раздумывая над словами. Оба они имели опыт публичных выступлений перед огромными толпами.

Вы замечали, сколько места занимают в газетах и журналах статьи о политиках, их высказываниях и делах? Конечно, есть и другие новости, но политические преобладают. Политическая и экономическая жизнь стала важнее всего. Внешние условия — комфорт, деньги, положение и власть, кажется, доминируют и формируют наше существование. Внешние атрибуты: титул, одежда, салют, флаг становятся все более значимыми, а сам процесс жизни забыт или нарочно отложен в сторону. Гораздо легче окунуться в политическую или социальную деятельность, чем понимать жизнь как единое целое. Слияние с какой-то устоявшейся идеей, с политической или религиозной деятельностью дает преимущество культурного ухода от мелочности и незначительности повседневной жизни. Имея маленькое сердце, можно говорить о значительных вещах, о политических лидерах, можно спрятать свою пустоту за простыми словами о мировых делах. Ваш беспокойный ум может радостно и с всеобщей поддержкой приняться за пропаганду новой или старой религиозной идеологии.

Политика — это примирение результатов, а раз большинство из нас обеспокоены результатами, внешнее возымело доминирующее значение. Манипулируя результатами, мы надеемся установить порядок и мир, но, к сожалению, это не так просто, как кажется. Жизнь это всеобщий процесс, и внутренний, и внешний. Определенно внешнее влияет на внутреннее, но внутреннее намного превосходит внешнее. То, кем вы являетесь, ваше внутреннее «я» формирует окружающий вас мир. Внешнее и внутреннее нельзя отделить и изолировать друг от друга, так как они постоянно взаимодействуют. Но внутренняя жажда, скрытые мотивы и стремления всегда сильнее. Жизнь не зависит от политической или экономической деятельности. Жизнь — не просто внешнее проявление.

Жизнь — это всеобъемлющий процесс, красоту и прелесть которого можно обнаружить только в объединении. Такое объединение не происходит на поверхностном уровне политического или экономического согласования. Его нужно искать вне причины и следствия.

Из-за того, что мы играем с причиной и следствием, и никогда не выходим за их пределы, кроме как на словах, наша жизнь пуста и малозначительна. По этой причине мы стали рабами политических движений и религиозного сентиментализма. Надеяться можно только на объединение различных процессов, проходящих в нас. Подобное объединение не возникнет благодаря идеологии, следованию за каким-либо авторитетом, религиозным или политическим. Оно приходит только через обширное и глубокое понимание. Это понимание должно вникать в глубинные слои подсознания, а не довольствоваться поверхностными ответами.

Переживание

Долина покрылась тенью, а садящееся солнце коснулось далеких горных вершин. Казалось, их вечернее мерцание исходит изнутри. К северу от длинной дороги горы, опустошенные огнем, были голыми и бесплодными. На юге же склоны были зелеными и отягощенными кустарниками и деревьями. Дорога тянулась прямо, разделяя широкую и грациозную долину. Особенно в этот вечер горы казались такими близкими, такими неземными, такими светлыми и трогательными. В небе легко и непринужденно кружились грузные птицы. Лениво переходили дорогу бурундуки, а вдалеке слышался шум самолета. По обеим сторонам дороги были хорошо ухоженные апельсиновые сады. После жаркого дня стоял терпкий аромат фиолетового шалфея, прогретой солнцем земли и сена. Апельсиновые деревья были темными, но их плоды яркими. Кричали перепела, бегун на тропинке скрылся за кустами. Потревоженная собакой длинная змееподобная ящерица, извиваясь, исчезла в сухих корнях. Вечерняя тишина подкрадывалась к земле.

Пережитое — это одно, а переживание — другое. Пережитое — это преграда на пути состояния переживания. Как бы ни был приятен или ужасен ваш опыт, он мешает раскрытию переживания. Пережитое уже в сетях времени, оно уже в прошлом, оно уже стало воспоминанием, возрождающимся как отклик на настоящее. Жизнь — это настоящее, это не пережитое. Значимость и сила пережитого отбрасывает свою тень на настоящее, таким образом переживание становится опытом. Ум — это опыт, известное, он никогда не достигнет состояния переживания, так как то, что он переживает, есть продолжение его опыта. Уму понятно только продолжение, он не может понять новое, пока есть продолжение. То, что имеет продолжение, нельзя ввергнуть в состояние переживания. Накопление опыта — это не способ переживания, в переживании нет опыта. Чтобы возникло переживание, нужно прекратить накопление опыта.

Ум допускает только собственные проекции, известное. Пока ум не прекратит переживать пережитое, переживать неизвестное не получится. Мысль — это проявление пережитого, мысль — это отклик памяти. Там, где появляется размышление, исчезает переживание. Нет средства и нет метода положить конец пережитому, так как само средство — это препятствие переживанию. Знать окончание — значит знать продолжение, иметь способ окончания — значит поддерживать известное. Хотение достичь должно угаснуть. Именно это хотение создает средство и окончание. Для переживания необходимо смирение. Но как велико желание ума втянуть переживаемое в пережитое! Как ловко и быстро он обдумывает новое и таким образом превращает его в старое! Так он определяет переживающего и пережитое, рождая противоречие двойственности.

В состоянии переживания нет переживающего и пережитого. Дерево, собака, вечерняя звезда не для того, чтобы быть пережитыми переживающим. Они — само движение жизни. Между наблюдателем и наблюдаемым нет разрыва. Нет времени, нет пространства, нет отрезка, в котором мысль отождествляет себя. Мысль полностью отсутствует, есть только бытие. Об этом состоянии бытия нельзя думать или размышлять, его нельзя достичь. Переживающему нужно прекратить накапливать опыт, тогда появится бытие. В спокойствии его движения есть вечность.

Добродетель

Море было синим, а на белом песке едва виднелась зыбь. Вдоль широкого залива, к северу, стоял город, а к югу, почти у самой воды, росли пальмы. Едва видимые за горизонтом, появились первые акулы, за ними рыбацьи лодки, представлявшие собой несколько бревен, связанных вместе канатом. Они направлялись южнее пальм в маленькую деревню. Закат был великолепен, но не там, где его ожидали, а на востоке. Это был закат наоборот. Тучи, массивные и объемные, были залиты всеми цветами радуги. В реальности это выглядело весьма фантастически, и это было почти болезненно переживать. Вода поймала яркие краски и соткала из них путь из света к горизонту.

Из деревни в город возвращались несколько рыбаков, и пляж был почти пуст и тих. Над облаками появилась единственная звезда. На обратном пути к нам присоединилась женщина и заговорила о серьезных вопросах. Она сказала, что состоит в каком-то обществе, члены которого медитируют и исповедуют важные добродетели. Каждый месяц выбиралась одна добродетель, и в течение последующих дней ее придерживались и практиковали. Из ее речи и манер выло видно, что она была строга к себе и была как-то нетерпима к тем, кто не разделял ее настрой и цели.

Добродетель исходит от сердца, а не от ума. Развивать добродетель означает хитрый расчет, самозащиту, умное приспособление к окружающему миру. Самосовершенствование — это отрицание добродетели. Откуда же взяться добродетели, если есть страх? Страх от ума, а не от сердца. Страх скрывается под различными видами: добродетель, уважение, приспособленность, служение и т. п. Страх всегда будет существовать во взаимоотношениях и деятельности ума. Ум неотделим от своей деятельности, но он отделяет себя, таким образом наделяя себя продолжением и постоянством. Как ребенок играет на пианино, так и ум искусно играет на добродетели, чтобы стать более сильным и главенствующим во встрече с жизнью, чтобы достичь наивысшего в его понимании. Во встрече с жизнью должна присутствовать чуткость, а не почетная стена замкнутой в себе добродетели. Высшего нельзя достичь, к нему нет пути, нет математической прогрессии. Истина должна прийти, вы не можете пойти к ней, и ваша искусственная добродетель не приведет вас к ней. То, чего вы достигнете, — не истина, а вами же выдуманное желание. А счастье только в истине.

Искусное умение ума приспособляться в собственном увековечивании поддерживает страх. Именно этот страх нужно глубоко осмыслить, а не то, как стать добродетельным. Мелочный ум учится добродетели, но остается мелочным. Добродетель становится уходом от его собственной мелочности, а сама добродетель превращается в мелочную. Если не понять эту мелочность, как можно переживать реальность? Как может мелочный, но добродетельный ум быть открытым для неизмеримого?

Добродетель возникает при понимании умственного процесса, своего «я». Добродетель — это не накопленное сопротивление, это спонтанное осознание и понимание того, что есть. Ум не может понять, он может перевести в действие то, что понято, но он не способен к пониманию. Чтобы понять, должна быть теплота, мягкость познания и принятия, которую может дать только сердце, когда ум замолкает. Но молчание ума — это не хитрый расчет. Желание этого молчания есть проклятие достижения с его бесконечными противоречиями и болью. Стремление быть хорошим или плохим — это отрицание добродетели сердца. Добродетель — это не противоречие и достижение, повторяющееся упражнение и результат, а состояние бытия, не являющееся результатом проекции желания. Там нет бытия, где идет борьба за него. В борьбе за бытие присутствует сопротивление и отрицание, умерщвление и отречение,

но преодоление этого — не благодетель. Благодетель — это спокойствие и свобода от жажды быть, спокойствие от сердца, не от ума. Посредством упражнения, принуждения, сопротивления ум может успокоить себя. Но такая дисциплина разрушает добродетель сердца, без которой нет мира, нет благословения, ибо добродетель сердца — это понимание.

Простота сердца

Небо было ясным и чистым. Не было видно больших ширококрылых птиц, парящих от долины к долине, и даже плывущего облачка. Деревья стояли тихо, а цепь гор щедро отбрасывала тень. Любопытный олень, поглощенный любопытством, стоял, наблюдая, а затем неожиданно бросился прочь при нашем приближении. Под кустом сидела землистого цвета плоская усатая жаба, неподвижная, с яркими глазами. На западе, на фоне садящегося солнца, горы были четкими и выразительными. Далеко внизу стоял большой дом. При нем был бассейн, в котором плавало несколько человек. Дом был окружен красивым садом. Выглядело это место процветающим и уединенным и имело ту особую атмосферу богатства. Чуть дальше на большой дороге в сухом поле стояла хижина. Даже издали ощущалась бедность, запущенность и тяжкий труд. С той высоты было видно, что оба дома были недалеко друг от друга. Уродство и красота соприкасались друг с другом.

Простота сердца имеет гораздо большее значение и важность, чем простота обладания. Довольствоваться малым относительно легко. Отказ от комфорта, курения или других привычек не показывает простоту сердца. Носить набедренную повязку в мире, озабоченном одеждой, удобствами и развлечениями, не есть показатель свободы существования. Один человек отказался от мира и всего мирского, но страсти и желания обуревали его. Он надел робу монаха, но покоя не знал. Его глаза были вечно алчущими, а ум разрывался от сомнений и надежд. Внешне вы дисциплинированы и отказываете себе в чем-то, вы следуете своим курсом, шаг за шагом, чтобы достичь результата. Вы соизмеряете прогресс своих достижений со стандартами добродетели: насколько вы можете отказаться от того или иного, насколько вы контролируете свое поведение, как вы терпимы и добры, и т. д. Вы научились искусству концентрации и вы уходите в лес, монастырь или темную комнату для медитации. Вы проводите ваши дни в молитвах и соблюдении обрядов. Внешне вы сделали вашу жизнь простой и за этот продуманный и расчетливый ход вы надеетесь получить благословение свыше. Но разве реальность постигается внешними действиями и контролем? Хотя, конечно, внешняя простота, отказ от комфорта необходимы, но откроет ли этот жест дверь в реальность? Увлечение комфортом и успехом отягощает ум и сердце, а нам необходима свобода для путешествия. Но почему нас так волнуют внешние жесты? Почему мы так рьяно решаемся на внешнее выражение нашего побуждения? Страх ли это самообмана или того, что могут другие сказать? Почему мы хотим убедить себя в собственной честности? Разве вся эта проблема не содержится в нашем стремлении быть уверенными, убежденными в важности нашего становления?

Желание быть — это начало сложности. Ведомые вечно усиливающимся желанием быть, внутренним или внешним, мы принимаем или отрекаемся, поддерживаем или отрицаем. Понимая, что время обворовывает нас, мы примыкаем к бесконечному. Эта борьбы за бытие, положительное или отрицательное, через присоединение или отторжение, никогда не окончится с помощью внешнего жеста, дисциплины или практик. А понимание этой борьбы принесет естественно и спонтанно свободу от внешнего и внутреннего накопления противоречий. Реальность нельзя постичь отторжением. Она недостижима никакими средствами. Все средства и цели — это форма привязанности, они должны прекратиться ради бытия реальности.

Грани индивидуума

Он пришел навестить нас, окруженный своими учениками. Все они были разными: преуспевающий и бедный, высокопоставленное государственное лицо и вдова, фанатик и молодой человек с улыбкой. Они были приятной и счастливой компаний. На белых стенах дома плясали тени. В густой листве визжали попугаи, мимо с шумом пронесся грузовик. Молодой человек был нетерпелив и настаивал на важности роли гуру. Остальные соглашались с ним и восторженно улыбались, когда он доходчиво и объективно доказывал свою точку зрения. Небо было ярко-голубым, орел с белым опереньем на шее кружил прямо над нами, на расстоянии взмаха крыла. День был прекрасным. Как же мы разрушаем друг друга — ученик гуру, а гуру ученика! Как мы приспособливаемся, отдаляемся, чтобы снова обрести форму! Из сырой земли птица тащила длинного червя.

Мы множество, а не один. Одно не начинает существовать, пока множество не прекратит быть. Шумное множество воюет друг с другом днем и ночью, а эта война — боль жизни. Мы уничтожаем одного, но на его месте возникает другой. И этот кажущийся бесконечным процесс и есть наша жизнь. Мы пытаемся подsunуть одно вместо множества, но одно вскоре становится множеством. Голос множества — это голос одного, и этот единственный голос начинает властвовать. Но он является все еще множеством голосов. Мы — это голос множества, но мы пытаемся услышать тихий голос одного. Множество никогда не сможет обнаружить одно.

Наша проблема состоит не в том, как услышать в нас голос одного, но как понять композицию и состав множества, кем мы являемся. Одна грань множества не может понять множество. Одна сущность не может понять множество сущностей, кем мы являемся. Хотя одна грань пытается контролировать, воспитывать, формировать другие грани, ее попытки самоотгораждают и сужают. Целое нельзя понять через часть, поэтому мы никогда не понимаем. У нас никогда нет представления о целом, мы никогда не осознаем целое, потому что мы слишком заняты частью. Части делятся и становятся множеством. Для осознания целого, противоречия множества, должно быть понимание желания. У хотения есть только одна деятельность желания, хотя у него появляются варьирующиеся и противоречивые требования, преследования, но все это — результат желания. Желание нельзя возвеличивать или подавлять, оно должно быть понято без того, кто понимает. Если сущность, которая понимает, присутствует, тогда это все еще сущность желания. Понимать без переживающего означает освободиться от одного и множества.

Вся деятельность одобрения и опровержения, анализа и принятия только укрепляет переживающего. Переживающий никогда не сможет понять целое. Переживающий является накопившим прошлое, а в тени прошлого нет понимания. Зависимость от прошлого может предложить способ действия, но искусственное создание средства понимания еще не понимание. Понимание идет не от ума, не от мысли. Если мысль приучена к молчанию, чтобы улавливать то, что не от ума, тогда то, что переживается, есть проекция прошлого. При осознании всего этого процесса появляется молчание, не исходящее от переживающего. И только в этом молчании возникает понимание.

Стояла холодная зима, и деревья были без листьев, выставив свои голые ветви небу. Вечнозеленых деревьев было очень немного, но даже они чувствовали холодные ветры и морозные ночи. Вдалеке высокие горы были окутаны тяжелым снегом, а над ними висели белые волнистые облака. Трава была коричневой, так как дождя не было в течение многих месяцев, а весенние ливни прольются еще нескоро. Земля была дремлющей и залежалой. Не было никакого радостного движения гнездящихся птиц в зеленых оградах, а тропинки были утопанными и пыльными. На озере плавало несколько уток, остановившихся на своем пути к югу. Горы таили в себе обещание новой весны, и земля о ней грезилась.

Что случилось бы, если бы сон был неведом нам? У нас бы было больше времени, чтобы бороться, интриговать, причинять вред? Были бы мы более жестоки и безжалостны? Было бы больше времени для смирения, сострадания и бережливости? Были бы мы более находчивыми? Сон — странная вещь, но необычайно важная. Для большинства людей дневные события продолжают в их ночной дремоте. Их сон — продолжение их жизни, унылой или восхитительной, продление на ином уровне той же самой бесцветности или бессмысленных раздоров. Тело обновляется после сна.

Внутренний организм, имея собственную жизнь, восстанавливается. В течение сна желания находятся в покое и таким образом не мешают организму. В посвежевшем теле деятельность желания имеет дальнейшие возможности для помыкания и наступления. Очевидно, чем меньше вы вмешиваетесь в свой внутренний организм, тем лучше. Чем меньше ум берет ответственность за организм, тем более здоровым и естественным будет его функционирование. Но болезнь организма в результате умственной деятельности или собственной слабости — это другой вопрос.

Сон имеет большое значение. Чем больше обостряются желания, тем меньше значение сна. Желания, хорошие или плохие, являются фундаментально всегда активными, и сон — это временная приостановка этой активности. Сон — это не противоположность желания, сон — не бездействие, но состояние, через которое желание не может проникнуть. Во время сна происходит успокоение поверхностных слоев сознания, и таким образом они способны получать тонкие подсказки из более глубоких слоев. Но это — только частичное понимание целостной проблемы. Очевидно, что для всех слоев сознания возможно находиться в связи друг с другом в течение бодрствующих часов, также как и в течение сна, и, естественно, это жизненно важно. Эта связь освобождает ум от его собственного самомнения, и таким образом ум прекращает быть доминирующим фактором. Таким образом он освобождается непринужденно и естественно от своих стремлений и действий самоограничивающего характера. При этом процесс побуждения стать кем-то полностью растворяется, и не существует больше движущей силы накопления информации.

Но есть кое-что еще, что происходит во сне. Там находится искомый ответ на наши проблемы. Когда сознательное мышление находится в покое, оно способно получать отклик, что очень просто. Но что намного более существенно и важно, чем все это, это обновление, которое нельзя создать искусственно. Можно искусственно культивировать талант, способность или развить технику, разработать схему поступков и поведения. Но это не возрождение, культивирование — это не творчество. Такое творческое обновление не происходит, если существует любой вид усилия со стороны становящегося. Ум должен добровольно отбросить всякое побуждение накапливать, желание хранить опыт как средство в дальнейшем переживать и достигать. Именно это побуждение накопить, защитить себя порождает кривую времени и

предотвращает творческое обновление.

Сознание, как мы знаем это из-за времени, это процесс записи и хранения опыта на различных его уровнях. Что бы ни происходило в пределах этого сознания — это его собственное проектирование, оно обладает собственным количеством и измеримо. В течение сна это сознание либо усиливается, либо происходит кое-что совершенно иное. Для большинства из нас сон усиливает пережитое, это процесс записи и накопления, в котором есть усиление, но не обновление. Усиление дает чувство восторга, особого достижения, понимания и так далее. Но все это — не творческое возрождение. Этот процесс становления должен полностью завершиться не ради дальнейшего переживания, но ради самого окончания.

В течение сна, и часто во время часов бодрствования, когда желание стать кем-то полностью исчезло, когда причинно-следственный процесс завершился, тогда возникает то, что вне времени, вне пределов причины и следствия.

Любовь во взаимоотношениях

Дорожка проходила мимо фермы и поднималась на склон, где открывался вид на различные здания, где были видны коровы с их телятами, цыплята, лошади и множество сельхозтехники. Это была славная дорожка, петляющая через лес. Ею часто ходили олени и другие дикие животные, оставлявшие свои следы то здесь, то там в мягкой земле. Когда было очень тихо, голоса, смех и звуки с ферм доносились издалека. Это ферма была ухоженной и создавала о себе впечатление опрятности. Часто в гневе голоса повышались, а за этим следовало молчание детей. Среди деревьев слышалась песня, но сердитые голоса прорывались даже через эту песню. Внезапно из дома вышла женщина, хлопнув дверью. Она вошла в хлев и начала бить корову палкой. Резкий звук ударов достиг холма.

Как легко уничтожать то, что мы любим! Как быстро между нами возникает барьер — одно слово, жест, улыбка! Здоровье, хорошее настроение и желание отбрасывают свои тени, и что было ярко, становится тусклым и обременительным. Из-за использования мы изнашиваемся, и тот, кто был понятен и ясен, становится утомленным и запутанным. Из-за постоянного трения, из-за надежды и расстройств, тот, кто был прекрасен и прост, становится напуганным и выжидающим. Взаимоотношения сложны и трудны, и немногие могут выйти из них без ущерба для себя. Хотя нам бы хотелось, чтобы они были постоянными, длящимися вечно, непрерывными, но взаимоотношения — это движение, процесс, который должен быть глубоко и полностью понят, а не превращен в соответствие внутреннему или внешнему образцу. Соответствие, являющееся составляющей социальной структурой, теряет свое значение и власть только тогда, когда есть любовь. Любовь во взаимоотношениях — это процесс очищения, поскольку она раскрывает пути для нашего «я». Без этого раскрытия, отношения имеют малое значение.

Но как мы боремся против этого раскрытия! Борьба имеет множество форм: господство или подчинение, страх или надежда, ревность или принятие, и так далее и далее. Трудность состоит в том, что мы не любим, а если мы действительно любим, мы хотим, чтобы это происходило специфическим способом, мы не даем этому свободу. Мы любим нашими умами, а не нашими сердцами. Ум может изменяться, но любовь не может. Ум может делать себя неуязвимым, но любовь не может; ум может всегда отступать, быть исключительным, индивидуализироваться или обезличиваться. Любовь нельзя сравнивать, нельзя от нее отгородиться. Наша трудность скрывается не в том, что мы называем любовью, а что в действительности исходит от ума. Мы заполняем наши сердца твореньями ума и поэтому держим наши сердца вечно пустыми и выжидающими. Это ум, который цепляется, завидует, который удерживает и уничтожает. Наша жизнь — во власти материальных основ и ума. Сами мы не любим, и это нас устраивает, но жаждем быть любимыми. Мы даем, чтобы получить, что является щедростью ума, а не сердца. Ум вечно ищет уверенность, безопасность. А можно ли с помощью ума сделать любовь безопасной? Может ли ум, чья сущность временна, уловить любовь, которая является самой вечностью?

Но даже любовь сердца имеет свои собственные уловки из-за того, что мы так сильно развратили наши сердца, что они колеблются и запутываются. Вот это и делает жизнь настолько болезненной и утомительной. В одно мгновение мы думаем, что испытываем любовь, а в следующий миг она уходит. И вот возникает неведомая сила, не исходящая от ума, запасы которого не могут быть поняты. Эта сила снова разрушается умом, поскольку в этом сражении ум кажется неизменным победителем. Этот конфликт внутри нас нельзя решить с помощью хитрого ума или колеблющегося сердца. Нет никакого средства, никакого способа положить

конец этому конфликту. Сам поиск средства — еще одно убеждение ума, что он хозяин, что он избавляет нас от противоречия, чтобы быть умиротворенными, иметь любовь, стать кем-то.

Наша самая большая трудная задача состоит в том, чтобы ясно и глубоко осознать, что нет средства для любви, как ни желал бы того ум. Когда мы поймем это по-настоящему и глубоко, тогда есть возможность получить что-то свыше. Без контакта с этим высшим сделайте что хотите, а никакого длительного счастья в отношениях не может быть. Если вы получили это благословение, а я нет, естественно, вы и я окажемся в противоречивом положении. Вы можете не быть в конфликте, но я буду, и из-за своей боли и горя я отрываю себя. Горе так же разлучает, как и удовольствие, и пока существует та любовь, которая не является моим собственным творением, отношения приносят боль. Если есть благословение той любви, вам ничего не остается, как любить меня, кем бы я ни был, так как тогда вы не измеряете любовь согласно моему поведению. Неважно, какие уловки ум может применить, вы и я разделены. Хотя мы можем соприкоснуться друг с другом в некоторых точках, объединение происходит не с вами, а внутри меня самого. Такое объединение не порождается в любое время умом, оно возникает только тогда, когда ум совершенно замолкает, достигнув конца его собственной развязки. Только тогда отношения не причиняют никакой боли.

Известное и неизвестное

Длинные вечерние тени ложились на неподвижные воды, река становилась тихой в конце дня. Из воды выпрыгивали рыбешки, а грузные птицы прилетали на насест среди больших деревьев. На серебристо-синем небе не было ни облачка. По реке плыла лодка, полная людей, они пели и хлопали в ладоши. Вдалеке мычала корова. В воздухе стоял аромат вечера. Гирлянда из ноготков двигалась по воде, которая искрилась на заходе солнца. Насколько прекрасным и живым это все было: река, птицы, деревья и сельские жители.

Мы сидели под деревом, наблюдая за рекой. Около дерева был маленький храм, и вокруг него бродили несколько тощих коров. Храм был чист и хорошо выметен, а расцветший кустарник был полит и ухожен. Какой-то человек проделывал свои вечерние ритуалы, и его голос был терпелив и печален. Освященная последними лучами солнца вода была цвета только что распустившихся цветов. Теперь кто-то присоединился к нам и начал говорить о пережитом опыте. Он сказал, что посвятил много лет своей жизни поиску бога, жил строго и отказался от многих вещей, которые были ему дороги. К тому же, он оказал значительную помощь в социальной работе, постройке школы, и так далее. Он интересовался многими вещами, но его всепоглощающим стремлением было найти бога, и теперь, после многих лет, он услышал его голос и руководствовался им как в мелких, так и в значимых делах. У него не было собственной воли, он следовал внутреннему голосу бога. Он никогда не подводил его, хотя его ясность и смысл часто искажались. Его молитва была всегда за очищение сосуда, которое могло бы стать достойным получить.

Может ли то, что неизмеримо, быть найдено вами и мной? Может то, что не имеет времени, быть найденным тем твореньем, которое соткано из времени? Может ли старательная строгость к себе привести нас к неизвестному? Есть ли средство достижения того, что не имеет ни начала и ни конца? Может ли та действительность быть поймана в сети наших желаний? То, что мы можем ухватить, — это проекция известного. Но неизвестное не может быть поймано известным. То, что имеет название, — это не то, что нельзя назвать, а, называя, мы только пробуждаем обусловленные отклики. Эти отклики, хотя благородные и приятные, не имеют отношения к реальности. Мы реагируем на раздражители, но действительность не предполагает никакого раздражителя — она просто есть.

Ум перемещается от известного к известному, и он не может дотянуться до неизвестного. Вы не можете думать о том, чего вы не знаете, это невозможно. То, о чем вы думаете, выходит из известного, прошлого, пусть это давнее прошлое или минувшая секунда. Это прошлое одумывается, сформировывается и поддается многим влияниям, изменяясь согласно обстоятельствам и оказываемому давлению, но вечно оставаясь процессом времени. Мысль может только отрицать или утверждать, она не способна обнаружить или найти новое. Мысль не может натолкнуться на новое, но когда мысль затихает, тогда может появиться новое, которое немедленно преобразовывается мыслью в старое, в пережитое. Согласно образцу опыта мысль вечно формирует, изменяет, окрашивает. Функция мысли связывать одно с другим, но не находиться в состоянии переживания. Когда переживание прекращается, тогда мысль принимает это и дает ему название в пределах категории известного. Мысль не может проникнуть в неизвестное, поэтому она никогда не сможет обнаруживать или переживать действительность.

Строгость к себе, отречение, отрешенность, ритуалы, практика добродетели — все они, хотя и благородные проявления, но являются процессом мысли. А мысль может только работать ради

завершения, ради достижения, которое всегда является известным. Достижение — это безопасность, защищающая себя уверенностью известного. Искать безопасность в том, что является неназванным, означает отрицать это. Безопасность, которая будет найдена, есть только в проекции прошлого, известного. По этой причине ум должен полностью молчать, но это молчание не может быть куплено через жертву, возвеличивание или подавление. Это молчание наступает, когда ум больше не ищет, не охвачен больше процессом становления кем-то. Это молчание не является приобретенным с опытом, оно не может быть достигнуто путем практики. Это молчание должно быть столь же неизвестно уму как бесконечное. Если ум переживает молчание, тогда есть переживающий, результат прошлых переживаний, тот, кто помнит о прошлом молчании. И то, что испытывает переживающий, — это просто им самим спроектированное повторение. Ум никогда не может переживать новое, поэтому ум должен быть молчалив.

Ум может быть молчалив, когда он не переживает, то есть когда он не называет или не дает определения, не записывает и не сохраняет в памяти. Такое обозначение и регистрация — это постоянный процесс в различных отделах сознания, не только высшего разума. Но когда поверхностное сознание молчит, более глубокое сознание может проявить свои признаки. Когда же все сознание тихо и спокойно, свободно от извечного становления, что возникает спонтанно, только тогда возникает неизмеримое. Желание сохранить эту свободу придает продолжение памяти становящегося, что является помехой для действительности. Действительность не имеет никакого продолжения, она длится от мгновения до мгновения, вечно новая, вечно цветущая. То, что имеет продолжение, никогда не может быть созидательным.

Высший разум — это только инструмент общения, он не может измерить то, что неизмеримо. О действительности нельзя говорить, а когда так происходит, тогда это больше не действительность.

Это размышление.

Он преодолел очень длинный путь: тысячи миль на корабле и самолете. Он говорил только на родном языке и с огромнейшим трудом приспособивался к этой новой и беспокойной окружающей действительности. Он был совершенно непривычен к этому виду питания и к этому климату. Он родился и вырос на очень далекой высоте, поэтому влажность и высокая температура сказывались на нем. Он был начитанным человеком, ученым, и сам написал некоторые вещи. Ему, казалось, были хорошо знакомы и восточные, и западные философские учения, но сам он был римским католиком. Он сказал, что его давно не удовлетворяло все это, но так продолжалось из-за его семьи. Его брак был, как могли бы посчитать, счастливым, и он любил обоих своих детей. Они учились в колледже, теперь уже в той далекой стране, и у них было блестящее будущее.

Но эта неудовлетворенность в отношении его жизни и поступков постоянно нарастала с течением лет, и несколько месяцев назад она достигла предела. Он оставил свою семью, сделав все необходимое для своей жены и детей, и теперь он был здесь. У него было достаточно денег, только чтобы продержаться, и он приехал, чтобы найти Бога. Он сказал, что с душевным равновесием у него все в порядке и что его цель была ясна ему.

Душевное равновесие — это не явление, которое можно оценить по тому, расстроены ли вы или успешны. Преуспевающие могут быть неуравновешенными, а расстроенные становятся ожесточенными и циничными или находят спасение в некой самоспроецированной иллюзии. Уравновешенность не находится в руках аналитиков. Вписывание в нормы не обязательно указывает на равновесие. Сама норма может быть продуктом неуравновешенной культуры. Жадное общество с его образцами поведения и нормами является неуравновешенным, неважно, придерживается ли оно правых или левых, проявлена ли эта жадность в государстве или в его гражданах. Уравновешенность — это нежадность. Идея относительно уравновешенности и неуравновешенности находится все еще в пределах поля мысли и поэтому не может быть оценена. Непосредственно мысль, обусловленный отклик с его стандартами и суждениями не истина. Истина — это не идея или умозаключение.

Разве бога можно обнаружить, ища его? Вы можете проникнуть в непостижимое? Чтобы найти, вы должны знать то, что вы ищете. Если вы ищете, чтобы найти, то, что вы находите, будет собственной проекцией, это будет тем, чего вы желаете. А создание желания — не есть истина. Искать истину — значит отрицать ее. Истина не имеет никакого постоянного местонахождения, нет никакого проторенного пути, никакого путевода к ней, и слово — не истина. Разве истина должна быть найдена в определенном месте, в особом климате, среди конкретных людей? Разве она здесь, а не там? Разве только этот путевода приведет к истине, а другого нет? И вообще есть ли путевода? Когда правда разыскивается, то, что найдено, может только быть результатом невежества, так как сам поиск порожден невежеством. Вы не можете найти действительность, необходимо остановиться и позволить действительности быть.

«Но если я не смогу найти не имеющее названия? Я приехал в эту страну, потому что здесь есть более тонкое восприятие искомого. Материально здесь можно быть более свободным: нет потребности иметь так много вещей. Здесь как нигде больше имеющееся имущество не пересиливает. Частично вот поэтому уходят в монастырь. Но уход в монастырь есть психологический побег, и, поскольку я не хочу попасть в строгую изоляцию, я здесь проживаю свою жизнь, чтобы найти не имеющее названия. Способен ли я обнаружить это?»

Разве дело в способности? Разве способность не подразумевает следование

специфическому курсу действия, predeterminedного пути, со всеми необходимыми приспособлениями? Когда вы задали тот вопрос, разве вы не спрашивали о том, есть ли у вас, обыкновенного человека, необходимые качества, чтобы получить желаемое? Конечно, ваш вопрос подразумевает, что только исключительные находят правду, а не обыкновенный человек. Разве истина даруется только немногим, исключительно интеллектуально развитым? Почему мы спрашиваем, способны ли мы обнаружить ее? Мы имеем образец, пример человека, который, как предполагается, обнаружил истину, и образец, будучи вознесенным высоко над нами, порождает в нас неуверенность. Таким образом, образец приобретает большую значимость, происходит соревнование между образцом и непосредственно нами. Нам тоже ужасно хочется быть рекордсменами. Не возникает ли вопрос «Способен ли я?» из сознательного или подсознательного сравнения с тем, чем вы являетесь, и тем, что вы считаете за образец?

Почему мы сравниваем себя с идеалом? А приносит ли сравнение понимание? Действительно ли идеал отличается от нас самих? Разве это — не самопроецирование, самодельная модель, и не поэтому ли это мешает пониманию нас самих, какие мы есть? Разве сравнение — не уклонение от понимания нас самих? Есть так много способов сбежать от себя, и один из них — это сравнение. Естественно, что без понимания себя поиск так называемой действительности — это побег от себя. Без самопознания бог, которого вы ищете, — это бог иллюзии, а иллюзия неизбежно несет с собой конфликт и печаль. Без самопознания не может быть никакого правильного размышления, и к тому же, всякое знание есть невежество, которое может вести только к беспорядку и разрушению. Самопознание — это не окончательная цель, это — единственный способ, открывающий неиссякаемое.

Разве самопознание не чрезвычайно трудно, и разве не потребуется для этого очень долгое время?

Самая концепция, что самопознание трудно достижимо, — это помеха для самопознания. Можно порекомендовать? Не думайте, что это будет трудно, или что это займет время. Не predeterminedляйте то, что есть и чего нет. Приступайте. Самопознание должно быть обнаружено в ходе взаимоотношений, и весь этот процесс есть взаимоотношения. Самопознание не появляется в самоизоляции, в отдалении. Отказ от взаимоотношений — это смерть. Смерть — это окончательное сопротивление. Сопротивление, которое является подавлением, заменой или возвышением в любой его форме, есть помеха для потока самопознания. Но сопротивление должно быть обнаружено во взаимоотношениях, в действиях. Сопротивление, активное или пассивное, с его сравнениями и суждениями, его приговорами и отождествлениями, является отрицанием того, что есть. То, что есть, скрыто, и осознание скрытого, без всякой необходимости выбора, является раскрытием этого. Этот раскрытие — начало мудрости. Мудрость важна для того, чтобы возникло неизвестное, неиссякаемое.

Чувствительность

Это был прекрасный сад, с лужайками в виде углублений и со старыми тенистыми деревьями. Дом был большой, с просторными комнатами, грациозный и хорошо спроектированный. Деревья служили пристанищем множеству птиц и белок. К фонтану прилетали птицы любого вида, иногда орлы, но большей частью вороны, воробьи и шумные попугаи. Дом и сад находились в отдалении, более того, они были огорожены высокими белыми стенами. В пределах этих стен было приятно, а вне их стоял шум дороги и деревни. Дорога проходила мимо ворот, и через несколько ярдов по той дороге, в предместьях большого города, располагалась деревня. Деревня была грязной, с открытыми канавами по ее главному узкому переулку. Здания были покрыты соломой, а передние ступеньки украшены. В переулке играли дети. Несколько ткачей протянули длинные пряди нитей ярких расцветок, чтобы делать ткань, и группа детей наблюдала за их работой. Это была веселая, яркая, шумная и имеющая свой запах сцена. Сельчане недавно искупались, и на них почти не было одежды, так как климат был теплый. К вечеру некоторые из них напились и стали шумными и грубыми.

Прекрасный сад отделяла только тонкая стена от пульсирующей деревни. Отрицать уродство и придерживаться красоты значит быть нечувствительным. Культивирование противоположности извечно сужает ум и ограничивает сердце. Добродетель не является противоположностью, а если она имеет противоположность, то прекращает быть добродетелью. Осознавать красоту той деревни означает быть чувствительным к зеленому, цветущему саду. Мы хотим знать только о красоте, и мы отстраняемся от того, что некрасиво. Это подавление лишь воспитывает нечувствительность, оно не дает оценку красоты. Добро находится не в саду, далеко от деревни, а в чувствительности, которая находится вне обоих. Отрицание или отождествление приводит к ограниченности, которая нечувствительна. Чувствительность — не качество, которое тщательно лелеется умом, а то, которое только может отделять одно от другого и доминировать. Есть добро и зло, но преследование одного и избегание другого не ведет к той чувствительности, которая необходима для бытия действительности.

Действительность — не противоположность иллюзии, ложного, и, если вы попытаетесь приблизиться к ней, как к противоположности, она никогда не возникнет. Действительность может быть только, когда противоположности перестают быть. Осуждать или отождествлять значит порождать конфликт противоположностей, а конфликт только порождает дальнейшее противоречие. Факт, к которому подходишь бесстрастно, не отрицая или оправдывая, не вызывает конфликт. Факт сам по себе не имеет никакой противоположности. Он имеет противоположность только тогда, когда появляется радостное или настороженное отношение к нему. Именно это отношение воздвигает стены нечувствительности и уничтожает действие. Если мы предпочитаем оставаться в саду, появляется противление деревне, а где есть противление, там не может быть никакого действия и по отношению к саду, и по отношению к деревне. Может быть деятельность, но не действие. Деятельность базируется на идее, а действие — нет. Идеи имеют противоположности, а движение в пределах противоположностей есть просто деятельность, какой бы ни была она длительной или сменяющейся. Деятельность никогда не может быть освобождающей.

Деятельность имеет прошлое и будущее, а действие не имеет. Действие всегда в настоящем и поэтому переживаемое нами сейчас. Преобразовывание — это деятельность, а не действие, и тому, что преобразовано, требуется дальнейшее преобразование. Преобразовывание — это бездействие, деятельность, появившаяся как противоположность. Действие происходит от мгновения до мгновения, и, хотя это достаточно странно, оно не имеет никакого свойственного

ему противоречия. Деятельность же, хотя она может казаться непрерывной, полна противоречий. Революционная деятельность пронизана противоречиями и поэтому никогда не является освободительной. Конфликт, необходимость выбора — никогда не станут фактором освобождения. Если есть выбор, тогда есть деятельность, а не действие из-за того, что выбор базируется на идее. Ум может увлечься деятельностью, но он не может действовать. Действие возникает из совершенно другого источника.

Луна появилась над деревней, создавая тени в саду.

Человек и общество

Мы шли по кишасей людьми улице. Тротуары отяжелели под людской массой, а наши ноздри наполнял запах выхлопа автомобилей и автобусов. Магазины демонстрировали множество дорогостоящих и дешевых вещей. Небо было бледно-серебристым, и, когда мы вышли из оживленной улицы, в парке оказалось приятно. Мы пошли в глубь парка и сели.

Он говорил, что это государство, с его милитаризацией и законодательством, поглощало человека как индивидуальность почти всюду и что поклонение государству теперь занимало место поклонению богу. В большинстве стран государство проникало в личную жизнь свои граждан. Им указывали, что читать и что думать. Государство шпионило за своими гражданами, присматривая за ними свысока, продолжая функцию церкви. Оно стало новой религией. Раньше человек был рабом церкви, а теперь стал рабом государства. До этого церковь, а теперь государство контролировало его образование, и никто из них не был заинтересован в освобождении человека.

Каково отношение человека к обществу? Очевидно, общество существует для человека, а не наоборот. Общество существует на благо человека. Оно существует, чтобы дать свободу индивидууму, чтобы у него была возможность пробудить в себе наивысший интеллект. Этот интеллект — не простое культивирование техники или знания; он должен соприкоснуться с той творческой действительностью, которая не дана поверхностному уму. Интеллект — это не совокупный результат, а свобода от прогрессивного достижения и успеха. Интеллект никогда не находится в бездействии, его нельзя скопировать и подогнать под стандарты и, следовательно, нельзя преподавать. Интеллект нужно искать в свободе.

Коллективная воля и ее проявление, которое является обществом, не дают индивидууму эту свободу, так как общество, не будучи живым существом, находится вечно в статике. Общество составлено, соединено воедино для удобства человека. Оно не имеет никакого собственного независимого устройства. Люди могут захватить общество, руководить им, формировать его, тиранизировать над ним в зависимости от их психологического состояния. Но общество — это не хозяин человека. Оно может влиять на него, но человек всегда ломает его. Конфликт между человеком и обществом существует потому, что человек в конфликте с собой. А конфликт происходит между тем, что является неподвижным, и тем, что живет. Общество — внешнее выражение человека. Конфликт между человеком и обществом есть конфликт в нем самом. Этот конфликт, внутри и снаружи, будет вечно существовать, пока не пробужден наивысший интеллект.

Мы социальные объекты, так же как индивидуумы, мы граждане, так же как люди, отдельные «становящие» в горе и удовольствии. Если мы хотим мира, мы должны понять, что значит правильные отношения между человеком и гражданином. Конечно, государство предпочло бы, чтобы мы были полностью гражданами, но это глупость правительств. Сами мы хотели бы передать человека во власть гражданину, потому что быть гражданином легче, чем быть человеком. Быть хорошим гражданином значит функционировать эффективно в пределах норм данного общества. От гражданина требуются продуктивность и соответствие нормам, поскольку они закаляют его, делают его безжалостным. После этого он способен принести человека в жертву гражданину. Хороший гражданин не обязательно хороший человек. Но хороший человек обязан быть законопослушным гражданином, и не только какого-то одного общества или страны. Поскольку он, прежде всего хороший человек, его действия не будут антиобщественными, он не пойдет против другого. Он будет жить в сотрудничестве с другими хорошими людьми. Он не будет искать авторитет, поскольку для него нет никакого авторитета.

Он будет способен к продуктивной деятельности без жестокости. Гражданин будет пытаться принести человека в жертву, но человек, ищущий наивысшие знания, естественно избежит глупости гражданина. Таким образом, государство ополчится против хорошего человека, человека с интеллектом. Но этот человек свободен от всех правительств и государств.

Интеллектуальный человек создаст хорошее общество. Но хороший гражданин не положит начало обществу, в котором появится человек с высочайшим интеллектом. Конфликт между гражданином и человеком неизбежен, если преобладает гражданин. И любое общество, которое преднамеренно унижает человека, обречено. Согласие между гражданином и человеком появляется только тогда, когда психологический процесс в человеке понят. Государство, существующее общество не заинтересованы во внутреннем мире человека, а только во внешнем его проявлении, в гражданине. Оно может отрицать внутреннего человека, но он всегда одолевает внешнего, нарушая ловко разработанные гражданином планы. Государство жертвует настоящим ради будущего, вечно охраняя себя для будущего. Оно расценивает будущее, а не настоящее как существенно важное. Но для человека с высочайшим интеллектом настоящее, «сейчас», а не «завтра» имеет самое важное значение. То, что есть сейчас, можно понять только после исчезновения «завтра». Понимание того, что есть, приводит к преобразованию в непосредственном настоящем. Именно это преобразование имеет наивысшее значение, а не то, как примирить гражданина с человеком. Когда такое преобразование получается, конфликт между человеком и гражданином прекращается.

Напротив сидел человек, имеющий положение и власть. Он хорошо осознавал это, поскольку его внешность, его жесты, его поведение заявляли о его важности. В правительстве он занимал высокий пост, и люди вокруг него раболепствовали. Громким голосом говорил он кому-нибудь, что возмутительно было тревожить его по какой-то проблеме нижестоящих по должности. Он громогласно сообщал о делах его рабочих, и слушатели поглядывали на него тревожно и с опаской. Мы летели высоко над облаками, на высоте восемнадцать тысяч футов. Через промежутки в облаках было видно синее море. Когда облака немного расступались, можно было увидеть горы, покрытые снегом, острова и широкие открытые заливы. Как далеки и насколько красивы были уединенные дома и маленькие деревеньки! С гор к морю спускалась река. Она текло мимо очень большого города, задымленного и унылого, где вода в ней становилась загрязненной, но немного дальше она вновь была чистой и искрящейся. В нескольких местах от меня сидел офицер в униформе, уверенный и отстраненный, его грудь была украшена лентами. Он принадлежал отдельному классу, который существует во всем мире.

Почему происходит так, что мы жаждем быть признанными, быть повышенными по службе, быть награжденными? Почему мы являемся такими снобами? Почему мы цепляемся за исключительность нашего имени, положения, достижений? Разве анонимность приводит к деградации и быть неизвестным презренно? Почему мы гонимся за известностью, популярностью? Почему мы недовольны нами такими, как мы есть? Почему мы боимся и стыдимся того, каковы мы, так что имя, положение и достижения становятся настолько существенными? Любопытно, насколько сильно желание быть признанным, быть встреченным аплодисментами. В восторге сражения свершаются невероятные вещи, за которые следует вознаграждение. За убийство такого же человека, как и мы, становятся героями. Благодаря привилегии, уму, способности и трудоспособности оказываешься где-нибудь около вершины, хотя вершина никогда не является вершиной, так как опьянение от успеха захватывает все больше и больше. Страна или бизнес — это вы сами. От вас зависят важные явления, вы — это власть. Организованная религия подсовывает положение, престиж и почесть. В ней вы — важная персона, обособленная и значительная. Или опять же вы становитесь учеником какого-нибудь учителя, гуру или мастера, или вы сотрудничаете с ними в их деле. Вы все еще значимы, вы представляете их интересы, вы разделяете с ними их ответственность, вы даете, а другие получают. Хотя, действуя от их имени, вы — всего лишь пешка. Вы можете надеть набедренную повязку или одежду монаха, но это вы делаете красивый жест, это вы отрекаетесь.

Так или иначе, скрыто или явно, «я» подпитывается и поддерживается. Помимо его антиобщественных и вредных воздействий, зачем «я» еще должно самоутверждаться? Хотя мы и так живем в суматохе и печали, с мимолетными удовольствиями, зачем «я» цепляется за внешнее и внутреннее удовлетворение, за поиски его, которые неизбежно приносят боль и страдание? Жажда активной деятельности, как и пассивной, заставляет нас стремиться быть. Наше стремление заставляет нас чувствовать, что мы живы, что в нашей жизни есть цель, что мы постепенно избавимся от причин конфликта и горя. Мы чувствуем, что, если бы наша деятельность остановилась, мы были бы ничем, мы бы жили напрасно, вообще жизнь не имела бы никакого значения. Так что мы продолжаем вовлекаться в конфликты, в беспорядки, в антагонизм. Но мы также осознаем, что есть кое-что больше, что есть еще и иное, которое выше и вне всего этого страдания. Таким образом, мы находимся в постоянном сражении внутри нас самих.

Чем больше внешняя показная пышность, тем больше внутренняя бедность. Но свобода от

этой бедности — не набедренная повязка. Причина этой внутренней пустоты — желание стать, и делайте, что хотите, но эту пустоту никогда не заполнить. Вы можете убежать от нее грубым способом или с изяществом, но она, словно ваша тень, рядом с вами. Вы можете не хотеть заглянуть в эту пустоту, но, однако, она там. Декорации и отрицания, которые «я» использует, никогда не смогут скрыть эту внутреннюю бедность. Своими действиями, внутренними и внешними, «я» пробует заполнить себя, называя это опытом или давая этому иное название для собственного удобства и выгоды. «Я» никогда не будет анонимным, оно может надеть новую одежду, взять себе другое имя, но отождествление с чем-либо — в самой его сущности. Этот процесс отождествления мешает осознанию его собственной природы. Совокупный процесс отождествления создает «я», хорошее или плохое, и деятельность его всегда замкнута в себе, как бы обширна она ни была. Каждое стремление «я» быть или не быть — это отдаление от того, что есть. Кроме его имени, признаков, особенностей, имущества, что же является «я»? Останется ли что-нибудь от «я», самости, если убрать все его свойства? Именно это опасение быть ничем приводит «я» в деятельность. Но это есть ничто, это пустота.

Если мы способны встать перед лицом той пустоты, быть с тем болезненным одиночеством, тогда страх полностью исчезает и происходит фундаментальное преобразование. Для того, чтобы это случилось, нужно переживать это небытие, чему препятствует переживающий. Если есть желание пережить эту пустоту, чтобы преодолеть ее, подняться выше, за пределы ее, тогда нет никакого переживания, так как «я» имеет продолжение как идентичность. Если переживающий имеет опыт, состояния переживания не достичь. Именно переживание того, что есть, без определения его названия дает свободу от того, что есть.

Мы находились высоко в горах, там было очень сухо. Дождя не было в течение многих месяцев, и небольшие ручьи затихли. Сосны стали коричневого цвета, и некоторые уже погибли, но среди них гулял ветер. К горизонту, цепь за цепью, тянулись горы. Большая часть дикой жизни перешла к пастбищам попрохладней и получше, остались только белки и несколько соек. Были еще и другие птицы, поменьше, но они молчали в течение дня. Усохшая сосна стала белой по истечении многих лет. Она была красива даже в своей смерти, изящная и сильная, без тени сожаления. Земля стала тверда, а тропинки были каменистые и пыльные.

Она сказала, что принадлежала нескольким религиозным обществам и наконец-то остановилась на одном. Она работала на этом обществе в качестве лектора и пропагандиста, практически по всему миру. Ради этой организации она оставила семью, комфорт и много чего другого, сказала она. Она приняла ее верования, ее доктрины и предписания, следовала за его лидерами и пробовала медитировать. Ее высоко ценили как члены организации, так и ее лидеры. Теперь же, продолжив она, услышав, что я сказал о верованиях, организациях, опасности самообмана и тому подобном, она ушла из этой организации и прекратила свою работу. Ее больше не интересовало спасение мира, она занимала себя своим маленьким семейством и его проблемами и лишь слегка интересовалась беспокойным миром. Она была склонна к ожесточенности, хотя внешне была доброй и щедрой. Она сказала, что, кажется, ее жизнь была потрачена впустую. После всего ее прошлого энтузиазма и дел где оказалась она? Что случилось с нею? Почему она была настолько унылая и утомленная и в ее возрасте озабочена такими тривиальными вещами?

Как легко мы уничтожаем тонкую чувствительность нашего существа. Непрерывная борьба и спор, беспокойные побеги и страхи очень скоро притупляют ум и сердце. А хитрый ум быстро находит замену чувствительности к жизни. Развлечения, семья, политика, верования и боги занимают место ясности и любви. Ясность потеряна из-за знаний и веры, а любовь из-за ощущений. Разве вера приносит ясность? Разве крепкие сжимающие стены веры приводят к пониманию? Какова необходимость в верованиях, и разве они не загружают и без того переполненный ум? Понимание того, что есть, не требует веры, а лишь прямого восприятия, которое должно быть напрямую осознано, без вмешательства желания. Это желание создает беспорядок, а вера — распространение желания. Желание проникает в нас скрытыми путями, и без их понимания вера только усиливает конфликт, беспорядок и антагонизм. Другое название для веры — это доверие, а доверие — это также пристанище желания.

Мы обращаемся к вере как средству для взаимодействия. Вера дает нам ту специфическую силу, которой обладает исключительность, поскольку большинство из нас заинтересовано во взаимодействиях, вера становится потребностью. Мы чувствуем, что не можем действовать без веры, потому что вера дает нам то, ради чего можно жить и работать. Для большинства из нас жизнь не имеет никакого другого смысла, кроме того, который придает вера. Вера приобретает большее значение, чем жизнь. Мы думаем, что жизнь нужно прожить в рамках веры, поскольку как можно действовать без неких норм? Поэтому наши действия базируются на идее или на ее результате. И тогда действие не столь же важно, как идея.

Могут плоды ума, даже блестящие и утонченные, придать когда-либо полноту взаимодействию, привести к полному преобразованию в бытии личности и в социальном устройстве? Действительно ли идея — это средство для взаимодействия? Идея может вызвать некоторую последовательность действий, но это просто деятельность. А деятельность полностью отличается от действия. Именно в этой деятельности каждый пойман в ловушку, и,

когда по какой-либо причине деятельность останавливается, тогда личность теряется, и жизнь становится бессмысленной и пустой. Мы осознаем эту пустоту, сознательно или подсознательно, и, таким образом, идея и деятельность становятся наиболее существенными. Мы заполняем эту пустоту верой, и деятельность становится опьяняющей потребностью. Ради этой деятельности мы будем отрекаться, мы будем приспосабливаться к любому неудобству, к любой иллюзии.

Деятельность веры является запутывающей и разрушительной. Сначала она может казаться организованной и созидательной, но в ее следах остается конфликт и страдание. Каждый вид веры, религиозной или политической, мешает пониманию взаимоотношений, а без этого понимания не может быть никакого взаимодействия.

Машина была мощной и хорошо отлаженной. Она легко переезжала холмы, ехала без дребезжания, и датчики были в порядке. Дорога круто поднималась из долины и проходила между апельсиновыми садами и высокими, широко раскинувшимися деревьями грецкого ореха. С обеих сторон дороги сады простирались на полные сорок миль, до самого подножия гор. Становясь прямой, дорога проходила через один или два маленьких городишка, и затем продолжалась по открытой сельской местности, которая казалась ярко-зеленой от люцерны. И снова, извиваясь по многочисленным холмам, дорога наконец уходила в пустыню.

Дорога стала ровной, гул двигателя тихим, а уличное движение было очень слабым. Возникало удивительное осознание сельской местности, изредка проезжавшего мимо автомобиля, дорожных знаков, чистого синего неба, собственного тела, сидящего в автомобиле. Ум затих. Но это не было спокойствием после утомления или расслаблением, это было внимательное умиротворение. Не было никакого умысла в молчании ума. Не было никакого наблюдателя этого спокойствия, переживающий полностью отсутствовал. Хотя отрывками велась беседа, в этой тишине не возникало никакого колебания. Слышался рев ветра, когда автомобиль несся вперед, и все-таки это спокойствие было неотделимо от шума ветра, от звука автомобиля и от произнесенного слова. У ума не было никакого воспоминания о предыдущем спокойствии, о той тишине, которую он знал до этого. Он не сказал: «Это есть спокойствие». Не было никакого словесного определения, которое является только признанием и подтверждением некоторого подобного опыта, поскольку не было никакого словесного определения этому, мысль отсутствовала. Никакой записи об этом не было, и поэтому мысль оказалась неспособна уловить эту тишину или подумать о ней, так как слово «тишина» не означает тишину. Когда нет подходящего слова, ум не может работать, поэтому переживающий не может зарегистрировать это как средство для дальнейшего удовольствия. В этом ощущении не было никакого процесса сбора информации и даже не было поиска приближенного значения или уподобления. Движение ума полностью отсутствовало.

Автомобиль остановился у дома. Лай собаки, разгрузка автомобиля и общее волнение никоим образом не затрагивали эту необыкновенную тишину. Не было никакого волнения, и спокойствие продолжалось. Среди сосен гулял ветер, тени становились длинными, вдали среди кустарников кралась дикая кошка. В этой тишине было движение, и движение не было отвлечением. Не было никакого фиксированного внимания, чтобы быть отвлеченным. Отвлечение возникает, когда интерес перемещается с главного. Но в этой тишине было отсутствие заинтересованности, и не было никакого далекого ухода от действительности. Движение не происходило вне тишины, а было внутри нее. Это была неподвижность, не вызванная смертью, затуханием, а жизнью, в которой было полное отсутствие противоречия. Большинству из нас борьба между болью и удовольствием, побуждение к деятельности придает смысл жизни. А если это побуждение убрать, мы бы были в растерянности и скоро распались бы. Но эта неподвижность и ее движение были творчеством, вечно обновляющим себя. Это было движение, которое не имело никакого начала и никакого окончания. Это была вечность. Движение подразумевает время. Но здесь не существовало никакого времени. Время — это больше и меньше, близко и далеко, вчера и завтра. Но в этой неподвижности всякое сравнение прекращалось. Это не была тишина, которая заканчивается, чтобы начаться снова. Не было никакого повторения. Множественные уловки хитрого ума полностью отсутствовали.

Если бы эта тишина была иллюзией, она бы имела какое-то отношение к уму. Ум либо отклонил бы ее, либо уцепился бы за нее, логически опроверг бы ее или с тонким

удовлетворением отождествил бы себя с ней. Но так как он не имеет никакой взаимосвязи с этой тишиной, ум не способен принять или отвергнуть ее. Ум может оперировать только собственными проецированиями, тем, что находится в нем самом. Но у него нет никакой взаимосвязи с вещами, которые не его собственного происхождения. Эта тишина не принадлежала уму, поэтому ум не способен искусственно воссоздать ее или отождествить себя с ней. Содержание этой тишины нельзя измерить словами.

Отказ от богатства

Мы сидели в тени большого дерева, любуясь зеленой долиной. Суетились дятлы, муравьи длинной очередью носились туда-сюда между двумя деревьями. С моря дул ветер, принося издали запах дыма. Горы были синими и сонными. Часто они казались такими близкими, но теперь они были далеко. Маленькая птица пила из небольшого водоема, образовавшегося из-за прохудившейся трубы. Две серых белки с большими густыми хвостами гонялись друг за другом вверх и вниз по дереву. Они то поднимались на вершину, то спускались вниз, несясь с безумной скоростью почти до земли, и затем поднимались снова.

Когда-то он был очень богатым человеком, но отказался от своего богатства. Он обладал крупным имуществом и наслаждался грузом своей ответственности, поскольку он был щедрым и не слишком жестокосердным. Он давал без ограничений и забывал о том, что дал. Он был добр к своим помощникам, заботился об их благе и легко получал прибыль в мире, который прогибался от зарабатывания денег. Он отличался от тех, чьи счета в банке и инвестиции значительно больше их самих, от тех, кто одинок и боится людей и их нужд, кто изолирует себя в специфической атмосфере собственного богатства. Он не был угрозой для своей семьи и при этом он не уступал легко, он имел много друзей, но не потому что был богат. Он рассказывал, что отрекся от своего имущества, потому что его вдруг осенило, какой совершеннейшей глупостью были его бизнес и богатство. Теперь у него не было ничего, кроме нескольких вещей, и он пробовал жить просто, чтобы понять жизнь, узнать, есть ли кроме потребностей физических кое-что еще.

Довольствоваться немногим сравнительно легко, быть свободным от бремени земных вещей нетрудно, когда находишься в путешествии, в поисках чего-то. Необходимость внутреннего поиска избавляет от волнения о собственном имуществе, но быть свободным от внешних вещей не означает простую жизнь. Внешняя простота и порядок не обязательно означают внутреннее спокойствие и простодушие. Хорошо быть простым внешне, поскольку это действительно дает некоторую свободу, это жест прямоты. Но почему мы неизменно начинаем с внешней, а не с внутренней простоты? Для того чтобы убедить себя и других в нашем намерении? Почему мы должны убеждать себя? Освобождение от вещей требует интеллектуального развития, а не жестов и убеждений. Если осознать все значение многочисленных материальных благ, то это самое осознание освобождает, и тогда нет никакой потребности в драматических утверждениях и жестах. Так происходит, когда интеллектуальное осознание не функционирует так, что мы прибегаем к дисциплине и отрешенности. Акцент делается не на «много» или «мало», а на интеллекте. И интеллектуальный человек, довольствуясь малым, освобождается от материального бремени.

Но довольствование малым — это одно, а простота — совсем другое. Желание довольствования малым или желание простоты опутывает. Желание порождает сложность. Довольствование малым приходит с осознанием того, что есть, а простота со свободой от того, что есть. Хорошо быть внешне простым, но намного более важно быть внутри простым и ясным. Ясность не проникает через полный условностей и целеустремленный ум, ум не может достичь ее. Ум может приспособиться, может организовать и привести свои мысли в порядок, но это — не ясность или простота.

Действие воли приводит к замешательству, потому что воля, как бы ни была она возвышенна, — это все-таки инструмент желания. Воля быть, стать, даже разумная и благородная, может указать направление, может очистить путь среди беспорядка. Но такой процесс ведет к изоляции, а ясность не может проникнуть через изоляцию. Действие воли может временно осветить ближайший передний план, необходимый для простой деятельности.

Но оно никогда не сможет прояснить внутренние причины, так как сама воля — это результат этих самых внутренних причин. Внутренние причины растят и питают волю, а воля может усилить их, повысить их потенциальные возможности, но очистить вас от внутренних причин она никогда не сможет.

Простота не исходит от ума. Запланированная простота есть лишь хитрое приспособление, защита против боли и удовольствия. Это деятельность в виде самозащиты, которая порождает различные формы конфликта и беспорядка. Именно конфликт приводит к неясности как в нем самом, так и вне. Конфликт и ясность не могут сосуществовать вместе. Только свобода от конфликта дарит простоту, а не преодоление конфликта. То, что завоевано, нужно завоевывать снова и снова, таким образом, конфликт становится бесконечным. Понимание конфликта — это понимание желания. Желание может проявить себя как наблюдатель, тот, кто понимает. Но такое возвышение над желанием только откладывание его на потом, а не понимание. Явление «наблюдатель» и «наблюдаемый» — не двойственный процесс, а единый. И только в переживании этого факта, процесса единения, наступает освобождение от желания, от конфликта. Никогда не должен возникать вопрос о том, как переживать этот факт. Это должно произойти, и это происходит только тогда, когда есть состояние наблюдательности и пассивное осознание. Вы не можете иметь реального опыта встречи с ядовитой змеей, воображая или размышляя об этом, в то время как вы удобно сидите в вашей комнате. Чтобы встретиться со змеей, вам нужно решиться выйти за пределы асфальтированных улиц и искусственных огней.

Мысль может увековечиться в памяти, но она не может переживать свободу без конфликта, поскольку простота или ясность не даны уму.

Повторение и ощущение

Через открытое окно проникали гул и запахи города. В большом городском саду люди сидели в тени, читая новости и мировые сплетни. Голуби у их ног ходили с важным видом, ища лакомые кусочки, а на зеленых лужайках играли дети. Из-за солнца появлялись чудесные тени.

Он был репортером, быстрым и сообразительным. Он не только хотел взять интервью, но также и желал обсудить некоторые из его собственных проблем. Когда интервью для его газеты закончилось, он рассказал о своей карьере, чего она стоила, не материально, а в смысле ее значения в мире. Он был крупным мужчиной, умным, способным и уверенным. В газетном мире он быстро поднимался вверх, и будущее заключалось для него именно в этом.

Наши умы переполнены таким большим количеством знаний, что пережить их непосредственно почти невозможно. Опыт удовольствия и боли приходит напрямую, индивидуально. Но понимание опыта происходит на основе примера других, религиозных и социальных, авторитетов. Мы есть результат мыслей и влияний других, мы зависимы от религиозной, а также политической пропаганды. Храм, церковь и мечеть оказывают странное, смутное влияние на наши жизни, а политические идеологии придают видимую значимость нашей мысли. Мы созданы и разрушаемы пропагандой. Организованные религии — первоклассные пропагандисты, использующие любое средство, чтобы убедить и затем удержать.

Мы являемся массой запутанных откликов, и наша суть является столь же сомнительной, как и обещанное будущее. Простые слова имеют для нас невероятное значение. Они производят неврологический эффект, ощущения которого более важны, чем то, что скрывается за символом. Существенны для нас символ, изображение, флаг, звук. Подмена, а не действительность, является нашей властью. Мы читаем об опытах других, мы наблюдаем игру других, мы следуем за примером других, мы цитируем других. Мы пусты внутри нас, и пробуем заполнить эту пустоту словами, ощущениями, надеждами и воображением. Но пустота остается.

Повторение со своими ощущениями, как бы они ни были приятны и благородны, — не состояние переживания. Постоянное повторение ритуала, слова, молитвы является удовлетворяющим ощущением, которому дали благородное название. Но переживание — не ощущение, и сенсорная реакция скоро уступает место действительности. Фактическое, то, что есть, не может быть понято просто через ощущение. Чувства играют ограниченную роль, понимание или переживание находится вне и выше чувств. Ощущение становится значимым, только когда переживание прекращается. Тогда слова получают значение и господствуют символы, и все это превращается в одурманивающий граммофон. Переживание — это не продолжение, поскольку то, что обладает продолжением, является ощущением на любом уровне. Благодаря повторению ощущения появляется свежий опыт, но ощущения никогда не могут быть новы. Поиск нового не заключается в повторных ощущениях. Новое возникает, только когда есть переживание, а переживание возможно только тогда, когда повторение и поиск ощущений прекращаются.

Желание повторения пережитого — это закрепление ощущения, а обогащение памяти — это увеличение количества ощущений. Желание повторения опыта, вашего собственного или чьего-то другого, приводит к нечувствительности, к гибели. Повторение истинного есть ложное. Истина не может быть повторена, не может быть распространена или использована. То, что может использоваться повторно, не имеет никакой жизни в себе, оно является механическим, статическим. Можно использовать вещь, но не истину. Сначала вы можете убить и отвергнуть, а затем использовать это. Но это уже не истина. Пропагандирующие не заинтересованы в переживании, они обеспокоены созданием ощущений, религиозных или политических,

социальных или личных. Пропагандист, религиозный или светский, не может быть говорящим истину. Переживание может появиться только при отсутствии желания ощущений. Нужно прекратить давать названия и определения. Нет никакого мыслительного процесса без словесного выражения. Оказаться в плену у словесных выражений означает быть узником иллюзий желаний.

Очевидно, что радиомузыка является изумительным спасением. По соседству, целыми днями и до глубокой ночи звучала музыка по радио. Отец уходил в свой офис довольно-таки рано. Мать и дочь работали в доме или в саду. А когда они работали в саду, радио ревело еще громче. Сын, очевидно, также наслаждался музыкой и рекламой, поскольку, когда он был дома, радио все равно играло. Благодаря радио можно слушать бесконечную музыку на любой вкус, от классики до последних новинок. Можно слушать детективные пьесы, новости и все, что без конца передают. Не требуется никакой беседы, никакого обмена мыслями, потому что радио почти все делает за вас. Говорят, радио помогает студентам учиться, и если во время доения коровы слушают музыку, то дают больше молока.

И самое забавное во всем этом то, что радио, кажется, незначительно меняет течение жизни. Оно во многом приносит удобство. Мы быстрее можем узнать глобальные новости и услышать об ярко описываемых убийствах. Но информация не делает нас интеллектуальнее. Куча информации об ужасах атомной бомбежки, о международных союзах, об исследованиях в хлорофилле и так далее, кажется, не делает никакого фундаментального изменения в наших жизнях. Мы столь же склонны к войне, как когда-либо, мы ненавидим каких-нибудь людей, мы презираем одного политического лидера и поддерживаем другого, мы обмануты организованными религиями, мы являемся националистами. Наши бедствия продолжаются, и мы поглощены бегством, чем более уважаемым и организованным, тем лучше. Убегать всем вместе — наилучшая форма безопасности. В столкновении с тем, что есть, мы можем с ним справиться, но обращение в бегство от того, что есть, неизбежно делает нас глупыми и тупыми, рабами ощущений и замешательства.

Разве музыка не предлагает нам очень изощренным способом счастливое освобождение от того, что есть? Хорошая музыка отдаляет нас от нас самих, от наших ежедневных тревог, мелочности и неприятностей, она заставляет нас забытья. Или же она придает нам сил в столкновении с жизнью, она вдохновляет, подбадривает и умиротворяет нас. Она становится потребностью в любом из случаев либо как средство, чтобы забытья, либо как источник вдохновения. Зависимость от красоты и избежание уродства — это бегство, что становится предметом мучений, когда мы лишены нашего спасения. Когда красота становится необходимой для нашего благосостояния, тогда переживание прекращается, а начинаются ощущения. Момент переживания полностью отличается от погони за ощущениями. В переживании нет никакого понимания переживающего и его ощущений. Когда переживание оканчивается, тогда возникают ощущения переживающего, и это именно те ощущения, которых переживающий требует и ищет. Когда ощущения становятся потребностью, тогда музыка, река, живопись — только средство для дальнейших ощущений. Ощущения становятся доминирующими, а не переживание. Жажда повторить опыт — это требование ощущений, и тогда, как ощущения могут быть повторены, переживания не могут.

Именно это желание ощущений заставляет нас прибегать к музыке, обладать красотой. Зависимость от внешней линии и формы только указывает на пустоту собственного существования, которое мы заполняем музыкой, искусством, преднамеренным молчанием. Эта пустота заполняется или прячется под ощущениями из-за вечного опасения того, что есть, что есть мы. У ощущения есть начало и конец, их можно повторить и усилить. Переживание же находится вне пределов времени. Что по-настоящему существенно — это переживание, которое отвергается в погоне за ощущениями. Ощущения ограничены, индивидуальны, они привносят противоречие и страдание. Но переживание, полностью отличающееся от повторения опыта, не

имеет продолжения. Только в переживании есть обновление, преобразование.

Тени танцевали на зеленой лужайке, и, хотя солнце палило горячо, небо было очень синее и нежное. Из-за забора корова смотрела на зеленую лужайку и на людей. Сборище людей было незнакомым для нее, но зеленая трава была знакома ей, хотя давно уже не шли дожди, и земля была выжжена до коричневого цвета. На стволе дуба ящерица собирала мух и других насекомых. Отдаленные горы были туманными и манящими.

Под деревьями, после разговора, она сказала, что она прибыла, чтобы послушать речь учителя учителей. Она была очень честной, но теперь честность стала упрямством. Это упрямство было скрыто за улыбками и разумной терпимостью, той терпимостью, которая была очень тщательно продумана и выпестована. Она была порождением ума и могла превратиться во вспышку сильной, яростной нетерпимости. Она была полной и сладкоречивой, но за этим скрывалось осуждение, подпитанное ее убеждениями и верованиями. Она была задавленной и жесткой, но отдала всю себя братству и его доброму делу. После паузы она добавила, что узнала бы, когда бы заговорил учитель, потому что она и ее группа владела каким-то таинственным способом узнать это, что было не дано другим. Удовольствие от исключительности их знания было настолько очевидно, когда она говорила об этом, в ее жестах и наклоне головы.

Исключительное, частное знание дает глубоко удовлетворяющее удовольствие. Знать кое-что, что другие не знают, — это постоянный источник удовлетворения, это дарит чувство связи с чем-то более глубоким, дает престиж и авторитет. Вы находитесь непосредственно в контакте, у вас есть что-то, чего нет у других, и поэтому вы значимы, не только сами для себя, но и для других. Другие смотрят на вас снизу вверх, немного с опаской, потому что они хотят разделить это с вами, но вы отдаете, всегда зная больше. Вы лидер, авторитет, и это положение принимается легко, поскольку люди хотят, чтобы им приказывали, вели их. Чем больше мы осознаем, что мы растеряны и смущены, тем более желанней для нас, чтобы нами управляли и приказывали нам. Таким образом, власть создана во имя государства, во имя религии, во имя мастера или лидера партии.

Поклонение авторитету, в значительной степени или не очень, является злом, особенно в религиях. Между вами и действительностью нет никакого посредника, а если есть, то он извратитель, интриган, не имеет значения, кто он, самый ли возвышенный спаситель, ваш последний гуру или учитель. Тот, кто знает, не знает, он может знать только его собственные убеждения, им самим придуманные верования и чувственные потребности. Он не может знать истину, неизмеримое. Положение и авторитет можно создать, искусственно культивировать, но только не смирение. Добродетель дарит свободу, но искусственно возвращенное смирение — это не добродетель, это простое ощущение и поэтому вредное и разрушительное. Это рабство, из которого вновь и вновь освобождаются.

Важно узнать, ни кто мастер, святой или лидер, а за чем вы следуете. Вы следуете, чтобы стать кое-чем, извлекать пользу, чтобы быть определенным. Кто-то другой не может дать ясность. Сомнение находится в нас: мы вызвали его, и мы должны избавиться от него. Мы можем достигнуть удовлетворяющего нас положения, внутренней безопасности, места в иерархии организованной веры, но все это самоограничивающая деятельность, ведущая к противоречию и страданию. Вы можете почувствовать себя на мгновение счастливыми в вашем достижении, вы можете убедить себя, что ваше положение неизбежно. Это ваш выбор. Но пока вы хотите стать кем-то, на любом уровне вам приходится страдать и расстраиваться. Быть никем не есть отрицание. Активное или пассивное действие воли, что является желанием,

обостренным и усиленным, всегда приводит к конфликту и борьбе. Это не способ понимания. Установление власти и следование ей есть отказ от понимания. Когда есть понимание, то есть свобода, которую нельзя купить или принять от других. Что куплено, можно потерять, а что дается, могут отобрать. Таким образом, пестуется авторитет и страх перед ним. От страха нельзя избавиться мольбой перед свечами. Он заканчивается при прекращении желания стать.

Медитация

Он много лет практиковал то, что он назвал медитацией. После прочтения определенных книг по предмету он следовал некоторым практикам, побывал в некоем монастыре, где медитировали несколько часов в день. Он не был сентиментален по этому поводу, и при этом он не обливался слезами самопожертвования. Он сказал, что даже после этих многих лет его ум находился под контролем, хотя иногда он все еще выходил из-под него. В медитациях не было радости, а только строгость к себе, добровольно возложенная на себя. Они сделали его довольно жестким и сухим. Так или иначе, он был очень недоволен всем этим. Он принадлежал нескольким религиозным обществам, но теперь он покончил с ними и независимо искал бога, которого они все обещали. Он состарился в годах и начинал чувствовать утомление.

Правильная медитация необходима для очищения ума, без освобождения от ума не может быть никакого обновления. Просто продолжение — это распад. Ум увядает от постоянного повторения, от износа из-за неправильного использования, от ощущений, делающих его тупым и утомленным. Контроль над умом не значим, значимым является то, чтобы узнать интересы ума. Ум — это узел противоречащих интересов, и усиление одного интереса по сравнению с другим и есть то, что мы называем концентрацией, процессом тренировки самодисциплины. Дисциплина — культивирование стойкости, сопротивления, и, где есть сопротивление, нет никакого понимания. Хорошо натренированный ум — это несвободный ум, только в свободе может быть сделано открытие. Должна быть спонтанность, чтобы раскрыть движения собственного «я», это может происходить на любом уровне. Хотя могут быть и неприятные открытия, движения «я» нужно подвергнуть этому и понять. Но дисциплинированность уничтожает спонтанность, при которой свершаются открытия. Дисциплины, несмотря на требовательность, помещают ум в рамки. Ум приспособится к тому, чему он был обучен. Но то, к чему он приспособливается, нереально. Дисциплина — простое наложение, поэтому не может быть средством обнажения. Через самодисциплину ум может укрепить себя в своей цели, но эта цель самоспроецированная и поэтому нереальная. Ум создает действительность по его собственному образу, и дисциплина просто придает жизненность этому образу.

Только в открытиях возникает радость, в открытиях путей «я» от мгновения до мгновения. «Я», на любом уровне его нахождения, исходит все еще от ума, о чем бы ум ни думал, все исходит от ума. Ум не может думать о чем-то, что не от него, он не может думать о неизвестном. «Я» на любом уровне — это известное, и хотя могут быть части «я», о которых поверхностный ум не знает, они все еще в пределах области известного. Движения «я» раскрываются в акте взаимоотношений. Когда взаимоотношения не ограничены пределами образца, это дает возможность для самораскрытия. Взаимоотношения — это взаимодействие «я», и чтобы понимать это взаимодействие должно быть осознание без необходимости выбора, так как выбирать значит акцентироваться на интересе одном, а не на другом. Это осознание есть переживание взаимодействия «я», и в этом переживании нет ни переживающего, ни переживаемого. Таким образом, ум освобождается от своих накоплений, нет больше «мне», нет собирающего информацию. Накопления, сохраненные воспоминания — это «я», а «я» — это частица, неотделимая от накопленного. «Я» отделяет себя от своих качеств, выступая наблюдателем, зрителем, контролером, чтобы охранять себя, чтобы наделить себя непрерывностью среди непостоянства. Проживание единого, объединяющего процесса освобождает ум от своей двойственности. Таким образом цельный умственный процесс, как явный, так и скрытый, проживается и понимается не часть за частью, поступок за поступком, в его полноте. Тогда мечты и ежедневные действия — это всегда освобождающий процесс. Ум

должен оставаться совершенно пустым, чтобы получать. Но жажда быть пустым, чтобы получать, — укоренившееся препятствие, и его нужно полностью осознать, а не какую-то специфическую его часть. Жажда переживания должна полностью прекратиться, что случается только, когда переживающий не подпитывает себя опытами и воспоминаниями о них.

Очищение ума должно происходить не только на его верхних уровнях, но также и в его скрытых глубинах; и это может случиться, только когда заканчивается название или определение процесса. Обозначение только усиливает и придает непрерывность переживающему, возникает желание постоянства, конкретизации памяти. Должно быть молчаливое осознание значения и понимание его. Мы даем названия не только, чтобы общаться, но также, чтобы дать продолжение и материализацию опыту, восстановить его и повторить его ощущения. Процесс обозначения должен остановиться не только на поверхностных уровнях ума, но и во всей его структуре. Это трудная задача, которую нелегко понять или пережить, поскольку все наше сознание это процесс обозначения или названия опыта, и затем его сохранение или запись. Именно этот процесс питает и усиливает иллюзорную частичку переживающего как отличного и отделенного от опыта. Без мыслей нет думающего. Мысли создают думающего, который изолирует себя, чтобы придать себе постоянство, так как мысли являются всегда непостоянными.

Свобода появляется, когда цельное существование, поверхностное так же, как и скрытое, очищено от прошлого. Воля — это желание, и, если есть какое-нибудь волевое действие, какое-нибудь усилие быть свободным, обнажить себя, тогда, не может быть свободы, полного очищения целостного бытия. Когда все многоуровневое сознание молчит, полностью спокойно, только тогда появляется неизмеримое благословение, не зависящее от времени обновления творения.

Даже на ту высоту проникала жара. Оконные стекла были на ощупь теплыми. Постоянный гул двигателей самолета действовал успокаивающе, и многие пассажиры дремали. Земля была далеко внизу, мерцая от жары, бесконечно коричневая, с редкими участками зеленого. Теперь мы приземлились, и жара стала почти невыносимой. Она была буквально болезненной, и даже в тени здания ощущалось, как будто макушка головы загоралась. Лето было в самом разгаре, и местность была почти пустыней. Мы вновь взлетели, и самолет поднимался выше в поисках прохладных ветров. Два новых пассажира сидели на противоположных местах и громко разговаривали. Невозможно было не подслушать их. Начали они достаточно спокойно, но скоро гнев закрался в их голоса, гнев фамильярности и негодования. В ярости они, казалось, забывали об остальных пассажирах. Они были столь расстроены друг с другом, и как будто они одни существовали и больше никто.

Гнев имеет специфическое свойство изолировать. Подобно печали, он отрезает человека, и, по крайней мере, на некоторое время прекращаются всякие взаимоотношения. Гнев имеет временную силу и живучесть для изолировавшего себя. В гневе присутствует странное отчаяние, так как изоляция — это отчаяние. Гнев разочарования, ревности, желаний ранить порождает мощный взрыв, удовольствие от которого в самооправдании. Мы осуждаем других, и то самое осуждение есть оправдание нас самих. Без некоторого вида отношений, самодовольства ли или самоуничижения, что есть мы? Мы используем каждое средство, чтобы поддержать себя, и гнев, подобно ненависти, является одним из самых легких путей. Просто гнев, внезапная вспышка, о которой быстро забывают, это одно, но гнев, который преднамеренно создан, который созрел, который стремится покалечить и уничтожить, — это совсем другое. Простой гнев может иметь некоторую физиологическую причину, которую можно заметить и исправить. Но гнев, который является результатом психологической причины, намного изощренней, и справиться с ним намного труднее. Большинство из нас не против посердиться, мы находим этому оправдание. Почему нам не рассердиться, если кругом жестокость по отношению к другим или нам самим? Поэтому мы сердимся справедливо. Мы не только говорим, что мы сердиты и на этом останавливаемся, мы прибегаем к сложным объяснениям причины этого. Мы не просто говорим, что мы ревнуем или озлоблены, но оправдываем или объясняем это. Мы спрашиваем, как может быть любовь без ревности, или говорим, что чьи-либо действия сделали нас ожесточенными и так далее.

Это объяснение и пустословие раздувают гнев, затаенный или проявленный, придают ему масштаб и глубину. Объяснение, высказанное или нет, действует как щит против раскрытия нас, таких, какие мы есть. Мы хотим, чтобы нас похвалили или польстили, мы ждем чего-то. Но когда это не происходит, мы разочарованы, мы становимся ожесточенными или ревнивыми. Тогда яростно или мягко мы обвиняем кого-то. Мы говорим, что другой ответственен за нашу горечь. Вы приобретаете большую значимость, потому что мое счастье, мое положение или престиж зависит от вас. Благодаря вам я действую, так что вы важны для меня. Я должен охранять вас, я должен обладать вами. Благодаря вам, я убегаю от себя. И когда я отброшен назад в себя, пугаясь своего собственного состояния, я гневаюсь. Гнев принимает множественные формы: разочарование, возмущение, горечь, ревность и так далее.

Сохранившийся гнев в виде возмущения требует противоядия в виде прощения, но сохранение гнева имеет большее значение, чем прощение. Прощение не нужно, когда нет никакого накопления гнева. Прощение необходимо, если есть возмущение. Но свобода от лести и ощущения уязвленности, не породив черствого безразличия, приносит сострадание и

милосердие. Усилием воли не избавиться от гнева, так как воля — это частично насилие. Воля — это результат желания, жажда быть, а желание по природе своей агрессивно, доминирующее. Подавлять гнев с помощью желания означает отставить гнев на иной уровень, дав ему другое название, но он все-таки часть насилия. Для того, чтобы быть свободным от насилия не способом отказа от насилия, должно быть понимание желания. Нет никакой духовной замены желанию, его нельзя подавить или возвысить. Должно быть молчаливое и лишенное выбора осознание желания. Это пассивное осознание есть прямое переживание желания, когда переживающий не дает этому название.

Психологическая безопасность

Он сказал, что очень тщательно вник в этот вопрос, настолько глубоко, насколько он смог, изучив все, что было написано о предмете. Он был убежден, что в различных частях мира существовали определенные мастера. Они не проявляли себя физически, кроме как их особым ученикам, но они были в контакте с людьми иными способами. Они оказывали благотворное влияние и вели лидеров всемирной мысли и дел, хотя сами лидеры не осознавали этого. Они творили революцию и мир. Он был убежден, сказал он, что у каждого материка есть группа мастеров, формирующая их судьбу и дающая им свое благословение. Он знал нескольких учеников этих мастеров, по крайней мере, они сказали ему, что они существуют, добавил он сдержанно. Он был полностью серьезен и желал знать больше об этих мастерах. Было ли возможно получить опыт напрямую, вступить в контакт с ними?

Как тиха была река! Две блестящие небольшие королевские рыбки плавали вверх и вниз, близко к берегу, прямо у поверхности. Летало несколько пчел, собирая воду для своих ульев, и рыбацкая лодка стояла посередине русла реки. Деревья вдоль реки были богаты листвой и отбрасывали обильные и темные тени. В полях недавно посаженный рис был ярко зелен, и кричала рисовая птичка. Это был очень умиротворяющий пейзаж, и жаль было обсуждать наши мелкие, незначительные проблемы. Вечернее небо было голубого цвета. Шумные города остались далеко. Через реку стояла деревня, и выходящая дорожка тянулась, извиваясь, вдоль берега. Какой-то мальчик пел чистым, высоким голосом, который не нарушал спокойствия места.

Мы странные люди, мы блуждаем в поиске чего-то в отдаленных местах, когда это все так близко к нам. Красота всегда где-то там и никогда здесь. Истина никогда не находится в наших домах, а в каком-то отдаленном месте. Мы отправляемся на другую сторону планеты, чтобы найти мастера, господина, и забываем о слуге. Мы не понимаем обычные вещи в нашей жизни, каждодневную борьбу и радость, и все же мы пытаемся уловить таинственное и скрытое. Мы не знаем себя, но мы желаем служить или следовать за тем, кто обещает вознаграждение, надежду, утопию. Пока мы запутанны, то, что мы выбираем, также запутанно. Мы не можем видеть ясно, пока мы полуслепые, и, если мы что-то видим, то оно неполное и нереальное. Мы знаем все это, но все-таки наши желания, стремления настолько сильны, что они ведут нас к иллюзиям и бесконечным страданиям.

Вера в мастера создает мастера, а опыт формируется верой. Вера в особый образец взаимодействия, или в идеологию, действительно дает то, чего очень хочется, но какой ценой и в каком страдании! Если индивидуум способный, то вера становится мощью в его руках, оружием куда более опасным, чем ружье. Для большинства из нас вера имеет большее значение, чем действительность. Понимание того, что есть, не требует веры. Наоборот, вера, идея, предубеждение являются определенной помехой для понимания. Но мы предпочитаем наши верования, наши догмы, они согревают нас, они обещают, они вдохновляют. Если бы мы поняли суть наших верований и почему мы цепляемся за них, одна из главных причин антагонизма исчезла бы.

Желание извлекать пользу, личную или для общества, ведет к невежеству и иллюзии, к разрушению и страданию. Это желание не только все большего и большего физического комфорта, но желание власти: власти денег, знаний, отождествления. Тяга к большему — это начало конфликта и страдания. Мы пытаемся спастись от этого страдания через любую форму самообмана, через подавление, подмену и возвеличивание. Но тяга продолжается, возможно, на ином уровне. На любом уровне эта тяга есть конфликт и боль. Один из наиболее легких из

спасений — это гуру, мастер. Некоторые спасаются через политическую идеологию с ее деятельностью, другие с помощью ощущений от ритуалов и дисциплины, третьи через мастера. Тогда способ спасения становится существенным, а страхи и упрямство стоят на страже этого способа. Тогда неважно, кто вы, важен только мастер. Вы важны только как слуга, неважно какой, или как ученик. Чтобы стать одним из них, вы должны выполнять определенные вещи, соответствовать определенным условиям, пройти через определенные трудности. Вы охотно делаете все это, так как отождествление дарит удовольствие и силу. Именем мастера удовольствие и сила стали уважаемыми. Вы больше не одиноки, не смущены и растеряны, вы принадлежите ему, партии, идее. Вы в безопасности.

В конце концов, именно этого большинство из нас хочет: быть в безопасности, быть защищенным. Быть в растерянности вместе со многими — это форма психологической безопасности, быть отождествленным с группой или с идеей, светской или духовной, значит чувствовать себя в безопасности. Именно поэтому большинство из нас примыкают к националистам, даже притом, что это увеличивает разрушение и страдание, именно поэтому организованная религия так сильно удерживает людей, даже если это вызывает разногласия и возвращает антагонизм. Тяга к личной или групповой безопасности навлекает разрушение, а безопасность в психологическом отношении порождает иллюзию. Наша жизнь — это иллюзия и страдание, с редкими минутами просветления и радости, поэтому все, что обещает нам рай, мы с удовольствием принимаем. Некоторые видят тщетность политических утопий и поэтому переключаются на религиозность, что опять же для того, чтобы найти безопасность и надежду в мастерах, в догмах, в идеях. Поскольку вера формирует опыт, мастера становятся неизбежной действительностью. Единожды испытав удовольствие от отождествления, ум твердо убежден, и ничто не сможет его поколебать, поскольку его критерий — это опыт.

Но опыт — это не действительность. Действительность не может быть пережита. Она есть. Если переживающий думает, что он переживает действительность, то он знает только иллюзию. Все знание действительности — это иллюзия. Знание или опыт должны прекратиться, чтобы существовала действительность. Опыт не может встретиться с действительностью. Опыт формирует знание, а знание обращается к опыту. Они оба должны умолкнуть для того, чтобы настала действительность.

Отделенность

Он был человек маленький и агрессивный, профессор в одном из университетов. Он читал так много, что ему было трудно понять, где начались его собственные мысли и заканчивались мысли других. Он сказал, что был горячим националистом и терпел страдания ради этого. К тому же он был практикующим фанатиком, но теперь он отбросил весь этот мусор, слава богу, и был свободен от суеверия. Он яростно утверждал, что весь этот психологический разговор и обсуждение вводили людей в заблуждение, и то, что имело самое большое значение, так это экономическая реорганизация человечества, поскольку человек в первую очередь живет хлебом, и лишь после идет все остальное. Должна произойти насильственная революция и установлено новое бесклассовое общество. Если цель будет достигнута, средства не имеют значение. Если понадобится, они распространят хаос, а затем свергнут власть и установят правильный порядок. Коллективизм будет необходим, а всякая индивидуализация должна искореняться. Он очень подробен в описании будущего, и поскольку человек это продукт окружающей среды, они сформируют человека ради будущего, они пожертвуют всем ради будущего, для того, чтобы мир стал именно таким. Уничтожение человека настоящего было не столь важным, поскольку они знали будущее.

Мы можем изучить историю и интерпретировать исторические факты, которые будут соответствовать нашим убеждениям. Но быть уверенным по поводу будущего означает находиться в иллюзиях. Человек — это не результат влияния только одного фактора, он — в значительной степени совокупность их. И подчеркивать одно влияние, уменьшая значение других, означает появление дисбаланса, что приведет к еще большему хаосу и страданию. Человек — это целостный механизм. Нужно понять целостность, а не просто часть, как бы временно важной часть не была. Принесение в жертву настоящего ради будущего — это безумство тех, кто одержим жадной властью, а власть есть зло. Такие берут на себя право руководства человечеством. Они новые священники. Средства и цель неотделимы, они представляют собой единое явление, средства создают цель. Благодаря насилию никогда не наступит мир. Полицейское государство не может породить мирного гражданина. Через принуждение нельзя достичь свободы. Бесклассовое общество не может быть установлено, если партия всесильна, оно никогда не будет результатом диктатуры. Все это очевидно.

Отделенность индивидуума не разрушить отождествлением с коллективом или с идеологией. Подмена не покончит с проблемой отделенности, и подавить ее она не сможет. Подмена и подавление могут сработать на некоторое время, но отделенность снова прорвется еще более яростно. Страх может временно отодвинуть ее на задний план, но проблема все остается. Проблема не в том, как избавиться от отделенности, а в том, почему каждый из нас придает этому такое большое значение. Те самые люди, которые желают установить бесклассовое общество своими проявлениями силы и власти, порождают разделение. Вы существуете отдельно от меня, а я от другого, и это — факт. Но почему мы придаем важность этому чувству отделенности, со всеми вытекающими отсюда пагубными результатами? Хотя между нами всеми есть большое сходство, все же мы различны. А это различия придает каждому чувство значимости из-за отделенности: отдельная семья, имя, собственность и чувство того, что ты отдельная сущность. Эта отделенность, это чувство индивидуальности причинило огромный вред, и отсюда желание коллективного труда и взаимодействия, принесение в жертву индивидуума ради целого и так далее. Организованные религии пробовали подчинить волю одного воле целого, а теперь партия, которая берет на себя роль государства, прилагает все усилия, чтобы заглушить индивидуума.

Почему же мы цепляемся за чувство отделенности? Наши ощущения являются отдельными, а живем мы ощущениями, мы есть ощущения. Лишите нас ощущений, приятных или болезненных, и нас нет. Ощущения важны для нас, и они тождественны отделенности. Личная жизнь и жизнь гражданина дают различные ощущения на различных уровнях, и, когда они сталкиваются, возникает конфликт. Но ощущения постоянно находятся в состоянии войны друг с другом, в личной ли жизни или в жизни гражданина. Конфликт свойственен ощущениям. Пока есть хотение быть выдающимся или скромным, обязательно будет конфликт ощущений, причиняющий личное и социальное страдание. Постоянное желание быть «больше» или быть «меньше» поднимает на поверхность чувство индивидуальности и своей отделенности. Если мы можем оставаться с этим фактом, не осуждая или оправдывая его, мы обнаружим, что ощущения не целиком составляют всю нашу жизнь. Тогда ум как память, которая является ощущением, становится спокойным, более не разрываемым его собственными противоречиями. И только тогда, когда ум умолкает и успокаивается, появляется возможность любви без «мне» и «мой». Без этой любви коллективное действие — это просто принуждение, распространяющее антагонизм и страх, благодаря которым возникают личные и общественные противоречия.

Он был очень беден, но способен и умен. Он был доволен, или, по крайней мере, так казалось, тем немногим, чем он обладал, и у него не было никаких семейных обязательств. Он частенько заходил, чтобы обсудить кое-что, и у него были большие мечты о будущем. Он был целеустремлен и восторжен, прост в своих удовольствиях, и с удовольствием делал для других какие-нибудь мелочи. Он не был, сказал он, очень пристрастен к деньгам или к физическому комфорту. Но он любил описывать то, что бы он сделал, если бы он имел деньги, как он поддержал бы то или иное, как бы он открыл отличную школу и так далее. Он был довольно мечтателен и легко заводился как от своего собственного энтузиазма, так и энтузиазма других.

Прошло несколько лет, и однажды он пришел снова. С ним произошло странное преобразование. Мечтательный взгляд пропал: он стал сухим, конкретным, почти грубым в своей точке зрения и довольно резким в своих суждениях. Он путешествовал, и его манеры были отлично отполированы и изящны. Он включал и выключал свое обаяние. Ему досталось по наследству много денег, и он удачно увеличил их во много раз. Он полностью стал другим человеком. Теперь он редко бывает здесь, и, когда в редких случаях мы действительно встречаемся, он отдален и самовлюблен.

И бедность, и богатство — это неволя. Сознательно бедный и сознательно богатый — это игрушки обстоятельств. Оба продажны, поскольку оба ищут то, что разворачивает: власть. Власть — это больше, чем владение, власть — это больше, чем богатство и идеи. Все это действительно наделяет властью, но это можно отбросить, а все же чувство власти остается. Можно породить власть через простоту жизни, через достоинство, через партию, через отречение, но такие средства — простая замена, и не стоит обманываться на счет них. Желание положения, престижа и власти, власти, которая получена через агрессию или смирение, через аскетизм или знание, через эксплуатацию или самоотречение является незаметно убедительным и почти инстинктивным. Успех в любой форме — это власть, а неудача просто опровержение успеха. Быть у власти, быть успешным — значит быть невольным, что является отрицанием добродетели. Добродетель дает свободу, но это — не вещь, которую можно получить. Любое достижение, либо индивидуальное, либо коллективное, становится средством для получения власти. В этом мире следует избегать успеха и власти, приходящих с самоконтролем и самоотречением, так как обои искажают понимание. Именно желание успеха не впускает смирение, а без смирения как может быть понимание? Успешный человек становится черствым, самовлюбленным, он обременен своей собственной важностью, своими обязанностями, достижениями и воспоминаниями. Должна быть свобода от самоуверенной ответственности и от бремени достижений, поскольку тот, кто прогнулся, не может быть подвижен, а понимание требует подвижности и гибкости ума. Милосердие отвергается успешными оттого, что они неспособны к пониманию самой красоты жизни, которая есть любовь.

Желание успеха — это желание доминировать. Доминировать, значит обладать, а обладание — это путь к изоляции. Эта та самоизоляция, которую большинство из нас ищет: через имя, через отношения, через работу, через воображение. В изоляции есть власть, но власть возвращает антагонизм и боль, поскольку изоляция — это результат страхов, а страх прекращает всю общность. Общность — это взаимоотношения. И какими бы ни были они, радостными или болезненными, в них есть возможность самозабвения. Изоляция — это путь «я», а вся деятельность «я» приносит конфликт и горе.

Искренность

Было видно небольшой участок зеленой лужайки с великолепными цветами по ее сторонам. Она была красиво ухожена, и очевидно, что ей уделялось большое внимание, поскольку солнце прилагало все усилия, чтобы сжечь лужайку и высушить цветы. За этим восхитительным садом, мимо множества домов, было синее море, искрящееся на солнце, а в нем белел парус. Из окна комнаты было видно сад, здания и вершины деревьев, а ранним утром и ранним вечером было приятно смотреть из окна на море. В течение дня вода в нем становилась яркой и жесткой, но даже в жаркий полдень там всегда был парус. Скоро солнце спустится в море, создавая ярко огненную дорожку, и сумерек не будет. Вечерняя звезда будет парить над горизонтом и исчезнет. Узкую полоску молодой луны подхватит вечер, но и она также исчезнет в беспокойном море, и темнота воцарится над водой.

Он подробно говорил о боге, о его утренних и вечерних молитвах, его постах, его клятвах, его горячих желаниях. Он выражался очень ясно и определенно, не было никакого сомнения в выборе правильного слова. Его ум был хорошо натренирован, поскольку его профессия потребовала это. Он был ясноглазым и настороженным мужчиной, хотя в нем присутствовала некоторая жесткость. То, как он держал осанку, показывало упорство в цели и отсутствие гибкости. Им, очевидно, двигала необычно мощная воля, и, хотя он непринужденно улыбался, его воля была всегда начеку, осторожная и господствующая. Он был очень правилен в повседневной жизни, и он ломал установившиеся привычки лишь приказом воли. Без воли, сказал он, не могло быть никакой добродетели. Воля необходима, чтобы сразить зло. Сражение между добром и злом было извечным, и одна воля подавляла зло. В нем также присутствовала нежность, поскольку он, бывало, смотрел на лужайку, на веселящие цветы и улыбался, но он никогда не позволял своему уму блуждать вне пределов воли и ее воздействия. Хотя он усердно избегал резких слов, гнева и любого проявления нетерпения, его воля сделала его по-странному жестоким. Если красота вписывалась в рамки его цели, он принимал ее. Но в нем всегда скрывался страх чувственности, боль от которой он пробовал сдерживать. Он был хорошо начитан и учтив, но его воля следовала за ним подобно тени.

Искренность никогда не может быть проста. Искренность — это нерестилище воли, а воля не может раскрыть пути своего «я». Самопознание — не плод воли, самопознание возникает благодаря пониманию мгновения за мгновением посылов движения жизни. Воля отключает эти спонтанные послы, единственно которые показывают строение «я». Воля — это сама суть желания, и для понимания желания воля становится помехой. Воля в любой ее форме, высший ли это разум или глубоко укоренившиеся желания, никогда не может быть пассивной. А только в пассивности, во внимательном молчании может явиться истина. Конфликт происходит всегда между желаниями, на каком бы уровне желания ни находились. Усиление одного желания в противопоставлении другому только благоприятствует дальнейшему сопротивлению, а это сопротивление есть воля. Понимание никогда не сможет проникнуть через сопротивление. Что является важным — это понять желание, а не преодолевать одно желание с помощью другого.

Желание достигать, извлекать пользу лежит в основе искренности, и это побуждение, все равно поверхностное или глубокое, приводит к желанию приспособиться, которое является началом страха. Страх ограничивает самопознание пережитым, так что нет никакой возможности пойти выше пережитого. Таким образом ограниченное самопознание только искусственно культивирует сильнее и глубже самосознание, «я», увеличивающееся все больше и больше на различных уровнях и в различные периоды. Поэтому противоречие и боль продолжают. Вы можете преднамеренно забыть или уйти с головой в какую-нибудь

деятельность, вырастить сад или поддерживать идеологию, разжечь в целом народе пылающий жар войны. Но теперь вы — это страна, идея, деятельность, бог. Чем больше отождествления, тем больше они укрывают ваши конфликты и боль, и так происходит постоянная борьба за отождествление с чем-то. Это желание быть единым с избранным объектом порождает конфликт искренности, который совершенно отрицает простоту. Вы можете сыпать пепел на вашу голову или носить простую одежду, или бродить как нищий, но это не простота.

Простота и искренность никогда не смогут быть компаньонами. Тот, кто отождествил себя на любом уровне с чем-то, может быть искренним, но он не прост. Воля быть — противопоставление простоте. Простота возникает со свободой от жадного пробуждения желания достигнуть. Достижение есть отождествление, а отождествление есть воля. Простота — это живое, пассивное осознание, в котором переживающий не запоминает переживание. Самоанализ предотвращает это пассивное осознание. У анализа всегда есть мотив: быть свободным, понимать, извлекать пользу — и это желание только подчеркивает самосознание. Аналогично, собственные умозаключения сковывают самопознание.

Полное удовлетворение

Она была замужем, но детей не имела. В житейском отношении она была счастлива. Деньги не были проблемой, были машины, хорошие гостиницы и дальние путешествия. Ее муж был успешным деловым человеком, главный интерес которого состоял в том, чтобы украшать свою жену, чтобы создавать для нее комфорт и давать ей все, что она желала. Они оба были весьма молоды и дружелюбны. Она интересовалась наукой и искусством и баловалась религией. Но теперь, сказала она, частички душевного отодвигали все остальное на задний план. Она была знакома с учением различных религий, но будучи неудовлетворенной их устоявшейся умелой спланированностью, их ритуалами и догмами, она хотела серьезно заняться поиском реальных вещей. Она была сильно недовольна, побывала у учителей в различных частях мира, но ничто не принесло ей длительного удовлетворения. Ее недовольство, сказала она, не являлось результатом того, что у нее не было детей. Она довольно тщательно вникала во все, что ее интересовало. И при этом недовольство не было вызвано никакими социальными расстройствами. Она потратила свое время на одного из видных аналитиков, но эта внутренняя боль и пустота все еще оставались.

Искать удовлетворения означает впустить расстройство. Нет никакого удовлетворения «я», но только укрепление «я» через обладание тем, что оно жаждет. Владение, на любом уровне, дает «я» почувствовать себя мощным, богатым, активным, и это ощущение называют удовлетворенностью, но, как это происходит со всеми ощущениями, оно скоро исчезает или заменяется на еще одно удовлетворение. Все мы знакомы с этим процессом замены или замещения, и это игра, которой довольны большинство из нас. Хотя некоторые, однако, хотят более длительного удовлетворения, такого, которое будет длиться всю нашу жизнь, и, найдя его, они надеются, что их покой никогда не нарушится снова. Но существует постоянный, подсознательный страх лишения, и тогда создаются искусные формы сопротивления, в которых ум находит убежище, но страх смерти неизбежен. Удовлетворенность и страх смерти — это две стороны одного процесса: укрепление «я». В конце концов, полное удовлетворение — это отождествление с чем-либо: с детьми, с собственностью, с идеями. Дети и собственность довольно опасны, идеи же предлагают большую безопасность и сохранность. Слова, которые являются идеями и воспоминаниями, вместе с их ощущениями становятся важны, и тогда удовлетворенность или чувство полноты превращаются в слово.

Нет никакой самореализации, а только самоувековечивание, с его постоянно усиливающимися конфликтами, антагонизмом и бедствиями. Искать длительное удовлетворение на любом уровне нашего существа означает вызвать беспорядок и горе, поскольку удовлетворение никогда не может быть постоянным. Вы можете вспомнить опыт, который доставил вам удовольствие, но опыт мертв, а только память о нем остается. Память сама по себе не имеет никакой жизни, а жизнь ей придается благодаря вашей неадекватной реакции на настоящее. Вы живете мертвым, как делает большинство из нас. Незнание возможностей «я» ведет к иллюзии, и будучи когда-либо пойманным в сети иллюзии чрезвычайно трудно вырваться из них, трудно узнать иллюзию, поскольку, создав ее, ум не может осознать ее. К ней нужно приближаться пассивно, косвенно. Пока возможности «я» не поняты, иллюзия неизбежна. Понимание приходит не благодаря применению воли, но только когда ум молчит. Ум нельзя заставить замолчать, так как сам заставляющий есть результат ума, желания. Должно быть осознание этого целостного процесса, осознание, не основанное на выборе. Тогда только есть возможность не увеличивать количество иллюзий. Иллюзия очень удовлетворяет, отсюда и наша привязанность к ней, иллюзия может принести боль, но эта самая

боль показывает нашу неполноту и заставляет нас быть полностью отождествленными с иллюзией. Таким образом, иллюзия имеет очень большое значение в наших жизнях. Она помогает скрывать то, что есть, не внешнее, а внутреннее. Это внутреннее игнорирование того, что есть, ведет к неправильной интерпретации внешнего того, что есть, что вызывает разрушение и страдание. Укрытие того, что есть, вызвано страхом. Страх никогда нельзя преодолеть силой воли, поскольку воля — это результат сопротивления. Только через пассивное, но все же наблюдательное понимание приобретается свобода.

Он много читал, и, хотя был беден, он считал себя богатым знаниями, что приносило ему некоторое счастье. Он тратил много часов, сидя за книгами, и большее количество времени проводил один. Его жена умерла, а его двое детей жили с какими-то родственниками. И, как он добавил, он был совершенно доволен, что был подальше от суматохи взаимоотношений. Он странно изолировал себя, был независимым и спокойно уверенным. Он сказал, что проделал длинный путь, чтобы обсудить вопрос о медитациях и особенно рассмотреть использование некоторых песнопений и фраз, постоянное повторение которых очень способствовало умиротворению ума. К тому же, в самих словах было некое волшебство. Слова должны петься верно и быть произнесенными правильно. Эти слова передавались с древних времен. И сама красота слов, ритмичная интонация, создавали атмосферу, способствующую концентрации. И тут же он начал петь. У него был приятный голос, и чувствовалось наслаждение, рожденное любовью к словам и их значению. Он пел с непринужденностью из-за длительной практики и увлечения. В то мгновение, когда он начал петь, он забыл обо всем.

Через поле доносился звук флейты. Она звучала с остановками, но тон был чистым и нежным. Играющий сидел в густой тени большого дерева, а за ним вдалеке возвышались горы. Молчаливые горы, песня и звук флейты, казалось, встречались и исчезали, чтобы начаться снова. Шумные попугаи взлетали, и вновь слышалось звучание флейты и глубокая обладающая силой песнь. Было раннее утро, и солнце поднималось из-за деревьев. Люди, болтая и смеясь, шли из деревень в город. Флейта и песнь привлекали внимание, и несколько прохожих остановились, чтобы послушать. Они сели на дорожку, и красота песни, и прелесть утра пленили их, что не было нарушено свистом отдаленного поезда никоим образом. Напротив, все звуки, казалось, смешались и наполнили землю. Даже громкое карканье вороны не мешало.

Как удивительно нас пленяют звуки слов, и как для нас стали важны сами слова: страна, бог, священник, демократия, революция. Мы живем словами и восхищением от ощущений, которые они дают. И именно эти ощущения стали так важны. От слов получают удовольствие, потому что их звуки повторно пробуждают забытые ощущения. Удовлетворение от них еще больше, когда словами заменяют фактическое, то, что есть. Мы пробуем заполнить нашу внутреннюю пустоту словами, звуком, шумом, деятельностью. Музыка и песнь — счастливое спасение от нас самих, от нашей мелочности и скуки. Слова заполняют наши библиотеки, а как много мы говорим! Мы едва осмеливаемся побыть без книги, быть незанятыми, побыть в уединении. Когда мы один на один с собой, ум взволнован, блуждая повсеместно, беспокоясь, вспоминая, сражаясь. Поэтому уединения нет, ум никогда не молчит.

Очевидно, ум можно заставить успокоиться повторением слова, песни, молитвы. Ум можно излечить, погрузить в сон. Его можно погрузить в сон ненавязчиво или насильно, и в течение этого сна можно увидеть сны. Но ум, который успокаивают с помощью дисциплины, ритуала, повторения, никогда не сможет быть внимательным, чувствительным и свободным. Это принуждение ума, нежное или грубое, — не медитация. Приятно петь и слушать того, кто может сделать это хорошо, но ощущения живут только следующим ощущением, а ощущения приводят к иллюзиям. Большинство из нас любит жить иллюзиями. Есть некоторое удовольствие в обнаружении более интересных и более захватывающих иллюзий, но именно страх потери наших иллюзий заставляет нас отрицать или прятаться от реального, фактического. Не то, чтобы мы неспособны к пониманию фактического, но то, что пугает нас, — это наше неприятие фактического и цепляние за иллюзии. Погружение глубже и глубже в иллюзии, это как красивая клетка, которая держит нас, это не медитация. Без необходимости выбора осознание путей ума,

который является «отцом» иллюзии, это начало медитации.

Забавно, как легко мы находим замену реальной вещи и как довольны мы этим. Символ, слово, образ становятся существенными, и вокруг этого символа мы строим крепость самообмана, используя знание, чтобы усилить ее, так что опыт становится помехой для понимания реального. Мы даем названия не только, чтобы общаться, но и чтобы укрепить опыт. Это укрепление опыта есть самосознание. И будучи однажды охваченным этим, просто необходимо дать опыту вчерашнего и ощущениям сегодняшнего исчезнуть, иначе возникает повторение, а повторение акта, ритуала, слова является бессмысленным. В повторении не может быть никакого обновления. Потеря опыта есть созидание.

Идея и факт

Она была замужем в течение множества лет, но детей у нее не было, она была неспособна иметь их и была серьезно встревожена этим фактом. Ее сестры имели детей, а за что она была проклята? По традиции она вышла замуж будучи совсем молодой и познала много страданий, но знала она и тихую радость также. Ее муж был в некотором роде чиновником в большой корпорации или правительственном департаменте. Он также был обеспокоен тем, что у них нет детей, но казалось, что он смирился с этим фактом, и к тому же, добавила она, он был очень занятым человеком. Было ясно, что она оказывала на него влияние, хотя не слишком сильное. Она зависела от него и поэтому не влияла на него. Так как у нее не было детей, она пробовала занять себя своим мужем, но она разочаровалась в нем, поскольку он был слаб, и ей приходилось брать ответственность за все на себя. В офисе, она сказала с улыбкой, его считали яростным спорщиком, тираном, который подавлял всех своим авторитетом. Но дома он был мягким и податливым. Она хотела, чтобы он вписывался в определенные рамки, она «фаршировала» его своей «начинкой», но, конечно, очень осторожно. А он никак не вписывался туда. А больше у нее не было никого, на кого можно было бы положиться и кто бы дал ей любовь.

Идея для нас более важна, чем факт. Понятие того, чем кто-то должен был бы быть, имеет больше значения чем, какой он есть. Будущее всегда более очаровывает, чем настоящее. Образ, символ имеет большую ценность, чем фактическое, и на фактическое мы пробуем наложить свою идею, образец. Так мы создаем противоречие между тем, что есть, и тем, что должно быть. Что должно быть — это идея, фикция. Так появляется противоречие между фактическим и иллюзией — не в них, а в нас. Нам больше нравится иллюзия, чем фактическое. Идея более притягательна, более удовлетворяющая, и поэтому мы цепляемся за нее. Таким образом, иллюзия становится реальностью, а фактическое становится неправильным, и мы оказываемся в ловушке этого противоречия между так называемым неправильным и так называемым реальным.

Почему мы цепляемся за идею, преднамеренно или подсознательно, и отбрасываем фактическое? Идея, образ — они самоспроецированные, это форма самопоклонения, самоувековечивания и, следовательно, удовлетворения. Идея дает силу возвышаться, самоутверждаться, руководить, формировать, и в идее, которая самоспроецирована, никогда нет отрицания «я», распада «я». Так образец или идея обогащают «я». И это, как полагают, является любовью. Я люблю своего сына или своего мужа, и я хочу, чтобы он был этим или тем, я хочу, чтобы он был кем-то другим, чем он сейчас является.

Если нам нужно понять то, что есть, нужно отбросить образец или идею. Избавиться от идеи становится трудным только тогда, когда нет никакой необходимости в том, чтобы принять то, что есть. В нас существует противоречие между идеей и тем, что есть, потому что самоспроецированная идея приносит большее удовлетворение, чем то, что есть. Только когда то, что есть, фактическое, предстает перед нашим лицом, образец ломается. Поэтому вопрос не в том, как освободиться от идеи, а в том, как смело встретиться с фактическим. Это возможно только, когда есть понимание процесса удовлетворения через него, понимание движения собственного «я».

Мы все ищем самоудовлетворения, хотя различными способами: через деньги или власть, через детей или мужа, через страну или идею, через служение или принесение в жертву, через доминирование или подчинение. Но является ли это самоудовлетворением? Объект удовлетворения всегда самоспроецирован, выбран по собственному желанию, так что эта тяга к

удовлетворению есть форма самоувековечивания. Или сознательно, или подсознательно, мы сами выбираем способы самоудовлетворения, это основывается на желании удовлетворения, которое должно быть постоянным. Так что поиск самоудовлетворения — это поиск постоянства желания. Желание является всегда кратковременным, оно не имеет никакого постоянного местонахождения. Оно может на какое-то время увековечить объект, за который оно цепляется, но у самого желания нет никакого постоянства. Мы инстинктивно знаем об этом, так что мы пытаемся сделать постоянной идею, веру, любой предмет или взаимоотношения. Но, поскольку это также невозможно, возникает необходимость создания переживающего как постоянной сущности, «я» отделенного и отличного от желания, думающего, отделенного и отличного от своих мыслей. Это разделение явно ложное, ведущее к иллюзии.

Поиск постоянства — постоянная мольба самоудовлетворения. Но «я» никогда невозможно удовлетворить, «я» является непостоянным, и то, в чем оно находит удовлетворение, также непостоянно. Продление себя — это распад, в нем нет никакого элемента преобразования, нет дыхания нового. «Я» должно закончиться для того, чтобы возникло новое. «Я» — это идея, образец, пучок воспоминаний, и каждое удовлетворение есть дальнейшее продолжение идеи, опыта. Опыт всегда принимает меры для собственного сохранения, так как переживающий вечно отделяется и дифференцирует себя от опыта. Поэтому всегда должна быть свобода от опыта, от желания испытать. Удовлетворение — это способ скрыть внутреннюю бедность, пустоту, а в удовлетворении присутствуют горе и боль.

Человек, сидящий напротив, начал с представления себя, так как он хотел задать несколько вопросов. Он сказал, что читал практически каждую серьезную книгу о смерти и будущей жизни, прочел книги древних времен, также современные. Он был членом Общества, посетил много сеансов с участием именитых и уважаемых медиумов и видел много проявлений загробной жизни, которые никоим образом не были фальшивыми. Поскольку он глубоко изучал этот вопрос, несколько раз он и сам видел вещи метафизического характера. Но, конечно, добавил он, они могли бы быть порождены его собственным воображением, хотя, как считал он, они были реальными. Однако, несмотря на то, что он читал необычайно много, говорил со многим людям, которые были хорошо информированы, и видел бесспорные физические проявления тех, кто был мертв, он все еще неудовлетворен тем, что он понял суть вопроса. Он серьезно обсуждал проблему веры и неверия. У него были друзья среди тех, кто твердо верил в жизнь после смерти, а также среди тех, кто отрицал ее полностью и придерживался того, что жизнь заканчивалась после смерти физического тела. Хотя он и приобрел знания и значительный опыт в психологических вопросах, у него в голове оставался элемент сомнения, и, поскольку годы его шли, он хотел познать истину. Смерти он не боялся, но хотел знать правду о ней.

Поезд прибыл на станцию, и как раз мимо проезжала двухколесная повозка, запряженная лошастью. На повозке лежал человеческий труп, обернутый в грязную ткань и привязанный к двум длинным зеленым бамбуковым свежесрубленным шестам. Из какой-то деревни его везли к реке, чтобы сжечь там. Как только повозка двигалась по неровной дороге, тело под покрывалом сильно дергалось, и хуже всего, очевидно, приходилось голове. В повозке помимо извозчика был еще один пассажир, должно быть, близкий родственник, поскольку его глаза были красны от долгого рыдания. Было начало весны, и небо было нежно-голубое. Дети играли и кричали в грязи дороги. Смерть, должно быть, была обычным зрелищем, так как каждый продолжал делать то, чем он занимался. Даже следователь по установлению причины смерти не смотрел на повозку и ее ношу.

Вера определяет опыт, и тогда опыт подкрепляет веру. Во что вы верите, то и переживаете. Ум указывает и интерпретирует опыт, одобряет или отклоняет его. Сам ум — это результат опыта, и он может признать или испытать только то, что ему знакомо, что он знает, на любом уровне. Ум не может пережить то, что еще неизвестно. Ум и его отклик имеют большее значение, чем опыт, и полагаться на опыт как на средство понимания истины означает быть загнанным в клетку невежества и иллюзии. Желать пережить истину значит отрицать истину, поскольку желание обуславливает, а вера — это очередное прикрытие желания. Знание, вера, убеждения, выводы и опыт — это помехи для истины, они — та самая структура «я». «Я» не может быть, если нет накопленного результата опыта, а страх смерти — это страх не быть, не переживать. Если бы была уверенность, определенность переживаемого, не было бы никакого страха. Страх существует только во взаимоотношениях между известным и неизвестным. Известное вечно пытается охватывать неизвестное, но охватить оно может только уже известное. Неизвестное никогда не может быть пережито известным, нужно забыть пережитое, чтоб появилось неизвестное.

Желание пережить истину должно быть найдено и понято, но если есть какая-то причина для поиска, то истина не проявит себя. А может ли быть поиск без причины, сознательной или подсознательной? А с причиной бывает ли поиск? Если вы уже знаете то, что вы хотите, если вы сформулировали результат, тогда причина — это средство достижения того результата, который

является самоспроецированным. Тогда поиск происходит ради потворствования, а не ради истины, и средство удовлетворения его будет выбрано. Пониманию того, что есть, не нужно никакой причины. Причины и средства мешают пониманию. Поиск, который является осознанием без необходимости выбора, прodelьвается не ради чего-то. Он прodelьвается, чтобы осознать стремление к цели и средства для ее достижения. Это осознание без необходимости выбора приводит к пониманию того, что есть.

Удивительно, насколько мы жаждем постоянства, продолжения. Это желание принимает многие формы, от самых грубых до самых тонких. С очевидными формами мы хорошо знакомы: имя, размер, характер и так далее. Но более тонкое стремление намного труднее раскрыть и понять. Идентичность таких понятий как идея, бытие, знание, становление, на любом уровне, трудно прочувствовать и обнаружить. Нам знакомо только продолжение, и никогда наоборот. Мы знаем продолжение опыта, памяти, событий, но нам неизвестно то состояние, в котором нет продолжения. Мы называем это смертью, неизвестным, таинственным и так далее, и через обозначение этого мы надеемся так или иначе уловить это, что опять же является желанием продолжения.

Самосознание — это опыт, обозначение опыта и поэтому сохранение его, и этот процесс продолжается в различных глубинах мышления. Мы цепляемся за этот процесс самосознания, несмотря на его проходящие радости, его бесконечные противоречия, смущение и страдание. Это то, что мы знаем, это наше существование, продолжение самого нашего бытия, идеи, памяти, слова. Идея продолжается, вся или частично, та идея, которая составляет «я». Но разве это продолжение дарит свободу, единственно в которой возможно открытие и обновление?

Что имеет продолжение, никогда не сможет быть чем-то другим, чем оно есть, лишь незначительно видоизменяясь. Но эти изменения не придают тому новизну. Оно может накинуть другое покрывало, принять иную окраску, но это — все еще идея, память, слово. Такая часть продолжения — это не часть духовного, поскольку она все еще в пределах области мысли, памяти и времени. «Я» может переживать только свои собственные проекции, и через этот самоспроецированный опыт оно наделяет себя дальнейшим продолжением. Таким образом, пока существует продолжение, оно никогда не сможет переживать то, что находится вне его. Оно должно угаснуть, оно должно прекратить продолжать себя через идею, через память, через слово. Продолжение — это упадок, а жизнь есть только в смерти. Обновление появляется только с прекращением этого. Тогда возрождение — не продолжение, тогда смерть равна жизни, вместе они обновление от мгновения до мгновения. Это обновление и является творением.

Он был известным человеком, и у него имелась возможность вредить другим, что он, не колеблясь, и делал. Он был хитер и мелочен, лишен всякого великодушия и работал ради собственной выгоды. Он сказал, что он не был любителем обсуждать, но обстоятельства вынудили его прийти, и вот он здесь. Из всего сказанного им и не сказанного, что было совершенно ясно, что он был очень честолюбив и судил людей по себе. Он был безжалостен, когда это было выгодно, и нежен, когда он хотел чего-то. Он питал уважение к тем, кто выше него, относился к равным со снисходительной терпимостью, а тех, кто находился ниже его, он совершенно не признавал. Он даже ни разу не поглядел на шофера, который привез его. Деньги его сделали подозрительным, и у него было мало друзей. Он говорил о своих детях, как если бы они были игрушками для его развлечения, а оставаться в одиночестве он терпеть не мог, сказал он. Кто-то причинил ему ущерб, и он не мог принять ответные меры, потому что тот человек был вне его досягаемости. Поэтому он выместил это на тех, кого он мог достать. Он был неспособен понять, почему он был излишне груб, почему хотел делать больно тем, кого, как он сказал, любил. Пока он говорил, он медленно начинал таять и стал почти дружелюбен. Это было минутное дружелюбие, теплота которого немедленно испарилась бы, если этому что-то помешало бы или возник какой-нибудь вопрос об этом. Поскольку о этом ничего не спрашивали, он был раскрепощен и временно нежен.

Желание причинять ущерб и вредить другим, словом ли, жестом ли, или чем-нибудь другим, сильно в большинстве из нас. Оно обыденно и пугающе приятно. Само желание не быть обиженным кем-то приводит к желанию причинения вреда другим. Вредить другим — это способ защититься самому. Эта самозащита принимает специфические формы в зависимости от обстоятельств и тенденций. Как легко травмировать других, и какая чуткость необходима, чтобы не обидеть! Мы обижаем других, потому что нас самих обижают, и мы так изранены нашими собственными противоречиями и печалью. Чем больше мы внутри терзаемы, тем больше побуждение быть внешне агрессивным. Внутренняя неразбериха заставляет нас искать защиту снаружи, и чем больше каждый защищает себя, тем больше нападков на других.

Что это мы защищаем, что мы так тщательно охраняем? Конечно, это — идея о нас самих, на любом уровне. Если бы мы не охраняли идею, наш центр, не было бы «я» и «мое». Тогда мы были бы очень чувствительны, уязвимы из-за возможностей собственного бытия, сознательных, так же как и скрытых. Но поскольку большинство из нас не желает обнаружить процесс внутри своего «я», мы сопротивляемся любому вторжению в идею нас самих. Идея нас самих полностью поверхностна, но поскольку большинство из нас живет на поверхности, мы довольствуемся иллюзиями.

Желание причинить вред другому — это глубокий инстинкт. Мы накапливаем негодование, которое придает специфическую живучесть, чувство взаимодействия и жизни. А то, что накоплено, должен быть израсходовано через гнев, оскорбление, разрушительные действия, упрямство и через их противоположности. Именно это накопление негодования требует прощения, которое становится ненужным, если нет никакого накопления страданий.

Почему мы накапливаем в себе лесть и оскорбление, страдание и привязанность? Без этого накопления опытов и реакций на них нас нет, мы ничто, если у нас нет никакого имени, никакой привязанности, никакой веры. Этот страх быть ничем заставляет нас накапливать это. И именно этот самый страх, осозанный или подсознательный, несмотря на наши действия по сохранению всего этого, вызывает распад и разрушение нас. Если мы можем осознать суть этого страха, то именно эта суть освободит нас от него, а не наше целенаправленное намерение быть

свободным.

Вы ничто. У вас может быть имя и титул, собственность и счет в банке, вы можете обладать властью и быть известным, но, несмотря на все эти гарантии безопасности, вы все равно ничто. Вы можете абсолютно не осознавать эту пустоту, это небытие, или вы можете просто не хотеть знать об этом, но это так, чтобы вы ни делали, чтобы избежать этого. Вы можете пробовать убежать от этого окольными путями, через личное или коллективное насилие, через индивидуальное или коллективное поклонение, через знание или развлечение. Но спите ли вы или бодрствуете, оно всегда присутствует. Вы можете смело встретиться с вашим отношением к этому небытию и боязнию его, только если без необходимости выбора осознаете свой побег от него. Вы не связаны с этим как отдельная, индивидуальная сущность, вы не наблюдатель, наблюдающий за этим, без вас нет ни думающего, ни наблюдателя этого. Вы и небытие едины. Вы и небытие — это единое явление, а не два отдельных процесса. Если вы как думающий боитесь этого и относитесь к этому как к чему-то противоположному и противопоставленному вам, то любое действие, которое вы можете предпринять по отношению к этому, должно неизбежно привести к иллюзии и, как следствие, к дальнейшему противоречию и страданию. Когда есть открытие, переживание этого небытия как себя, тогда страх, существующий только, когда думающий отделяет себя от собственных мыслей и таким образом пытающийся установить отношения с ними, полностью исчезает. Только тогда возможно молчание ума, и в этом спокойствии рождается истина.

Мой путь и твой путь

Он был ученым, говорил на многих языках, и был зависим от знаний, как кто-нибудь другой от выпивки. Он вечно цитировал высказывания других, чтобы поддержать свою собственную точку зрения. Ему нравилось заниматься наукой и искусством, и, когда он высказывал свое мнение, то это происходило с кивком головы и улыбкой, которые доводили таким образом до нашего сведения, что это было не просто его мнение, а истина последней инстанции. Он сказал, что проводил свои собственные опыты, которые были для него внушительными и убедительными. «У вас есть свой собственный опыт, но вы не сможете убедить меня, — он сказал. — Вы идете своим путем, а я — моим. К истине есть разные пути, и мы когда-нибудь все встретимся там». Он был дружелюбен в каком-то роде, но тверд. Для него, мастера, хотя не существующие, видимые гуру были реальностью, и для него было важным стать их учеником. Он с несколькими коллегами присуждал ученичество тем, кто желал принять этот путь и подчиниться их власти. Но он и его группа не принадлежали тем, кто с помощью спиритизма находил проводников среди мертвых. Чтобы найти таких мастеров, вы должны были служить, работать, жертвовать, повиноваться и практиковать некоторые добродетели, и, конечно, была необходима вера.

Полагаться на опыт как на средство для открытия того, что есть, означает быть пойманным в ловушку иллюзии. Желание и стремление определяют опыт, а зависеть от опыта как средства для понимания сути означает идти путем раздувания внутреннего «я». Опыт никогда не сможет освободить от печали, опыт — это не адекватный ответ на вызов жизни. Чтобы принять вызов адекватно, нужно обойти полную условностей память об опыте, а ответные реакции на удовольствия и боль должны быть глубоко осознаны. Опыт — это препятствие для истины, поскольку опыт обладает временем, это результат прошлого. А как может ум, являющийся результатом опыта, времени понимать не имеющее времени? Суть опыта не зависит от личных особенностей и фантазий, его суть воспринимается только, когда есть осознание без осуждения, оправдания или любой формы отождествления. Опыт не есть подход к сути. Нет никакого «вашего опыта» или «моего опыта», а лишь интеллектуальное понимание проблемы.

Без самопознания опыт порождает иллюзию. С самопознанием опыт, который является откликом на брошенный вызов, не оставляет совокупный остаток в виде памяти. Самопознание — это открытие от мгновения до мгновения проявлений «я», его намерений и стремлений, его мыслей и appetitов. Никогда не может быть «вашего опыта» и «моего опыта». Сам термин «мой опыт» указывает на невежество и принятие иллюзии. Но многие из нас любят жить в иллюзии, потому что в ней есть огромное удовлетворение. Это личный рай, который стимулирует нас и дает чувство превосходства. Если я обладаю способностью, даром или хитростью, я становлюсь лидером, посредником, представителем той иллюзии, и поскольку большинство организация со своими особенностями и ритуалами, с клятвами и тайными собраниями. Иллюзия облечена в одежду согласно традиции, она придерживается рамок респектабельности, и, поскольку большинство из нас стремится к власти того или иного вида, устанавливается иерархический принцип: новичок и посвященный, ученик и мастер, и даже среди мастеров есть степени духовного роста. Большинство из нас любит использовать и быть использованным, а эта система предлагает выход, скрытый или явный.

Использовать означает быть используемым. Желание использовать других для ваших психологических потребностей способствует зависимости, а когда вы зависите, вы должны удерживать, обладать. И то, чем вы обладаете, обладает вами. Без зависимости, незаметной или явной, без обладания вещами, людьми и идеями вы пусты, незначимы. Вы хотите быть кое-чем,

и, чтобы избежать терзающего страха быть ничем, вы принадлежите той или иной организации, той или иной идеологии, той церкви или тому храму, так что вас используют, и вы в свою очередь тоже используете. Эта иерархическая структура предлагает превосходную возможность для раздувания своего «я». Возможно, вы хотите всемирного равенства, но как может быть равенство, если вы стремитесь к духовным различиям? Возможно, смеетесь над светскими титулами, но когда вы признаете мастера, спасителя, гуру в царстве духов, разве вы не перенимаете светское отношение? Разве могут быть иерархические подразделения или степени в духовном росте, в понимании истины, в осознании бога? Любовь не признает никакого подразделения. Или вы любите, или не любите, но не превращайте отсутствие любви в «долго и нудно тянущийся» процесс, цель которого любовь. Когда вы знаете, вы не любите, когда вы без расчета осознали тот факт, тогда есть возможность преобразования. Но усердно поддерживать это различие между мастером и учеником, между теми, кто достиг, и теми, кто нет, между спасителем и грешником, означает отрицать любовь. Эксплуататор, которого в свою очередь используют, находит удачное охотничье местечко в этой темноте и иллюзии.

Разделение между богом или реальностью и непосредственно вами создается вами же, умом, который цепляется за известное, за уверенность, за безопасность. Это разделение не может быть соединено. Нет такого ритуала, такой дисциплины, такой жертвы, которые смогут сделать это для вас. Нет такого спасителя, такого мастера, такого гуру, который сможет привести вас к реальному или разрушить это разделение. Разделение существует не между реальным и вами самими, оно находится непосредственно в вас, это — конфликт противопоставленных желаний. Желание создает свою собственную противоположность, и внутреннее преобразование — это не вопрос того, чтобы быть сосредоточенным на одном желании, но того, чтобы быть свободным от конфликта, порождаемого стремлением. Тяга к чему-либо на любом уровне бытия порождает последующее противоречие, и от этого мы пробуем убежать любым возможным способом, что только увеличивает конфликт как внутри, так и вне нас. Этот конфликт никто другой, пусть даже великий, не разрешит, он не исчезнет благодаря какому-то волшебству или ритуалу. Вас могут погрузить в приятный сон, но при пробуждении проблема все еще останется. Но большинство из нас не хочет пробуждаться, и поэтому мы живем в иллюзии. С исчезновением противоречия появляется спокойствие, и лишь тогда может возникнуть действительность. Мастера, спасители и гуру незначимы, но что является значимым — это понимание нарастающего противоречия желания, и это понимание приходит только через самопознание и постоянное понимание движений «я».

Самосознание — это трудно, и так как большинство из нас предпочитает легкий, иллюзорный путь, мы создаем власть, которая дает модель и образец нашей жизни. Эта власть может быть коллективной, может быть государством, или это может быть личность, мастер, спаситель, гуру. Власть любого типа ослепляет, она приводит к бездумности, а поскольку большинство из нас находит, что быть вдумчивым означает испытывать боль, мы передаем себя в руки власти.

Власть порождает силу, а сила всегда становится централизованной и поэтому крайне извращенной. Она развращает не только наделенного силой, но также и того, кто следует за ним. Власть знания и опыта извращающая, наделен ли ею мастер, его представитель или священник. Это ваша собственная жизнь, этот кажущийся бесконечным конфликт — вот что является существенным, а не образец для подражания или лидер. Власть мастера и священника уводит вас прочь от основной проблемы, которой является конфликт внутри вас. Страдание никогда не может быть понято и исчезнуть благодаря поиску определенного образа жизни. Такой поиск — это простое предотвращение страдания путем наложения образца, который является спасением, и то, чего так избегают, вызывает только нагноение, приносящее больше бедствий и боли.

Понимание себя, как бы ни было оно болезненным или временно радостным, является началом мудрости.

Нет пути к мудрости. Если есть путь, то мудрость сформулирована, она уже в воображении, это уже известное. Может ли мудрость быть известной или искусственно культивированной? Разве это то, что можно изучить, накопить с опытом? Если это так, то она становится простым знанием, чем-то известным из опыта и книг. Опыт и знание — это непрерывная цепь ответов, и поэтому они никогда не смогут постичь новое, свежее, не искусственно созданное. Опыт и знание, будучи непрерывными, постоянно ограничивают. Мудрость есть понимание того, что есть от мгновения до мгновения без накопления опыта и знания. То, что накоплено, не дает свободу понять, а без свободы нет никакого открытия. А именно это бесконечное открытие способствует мудрости. Мудрость вечно другая, вечно новая, и нет никакого способа собрать ее. Способ постичь ее уничтожает новоявленность, новизну, спонтанное открытие.

Множество путей к одной реальности — это изобретение нетерпимого ума, они есть результат ума, который искусственно возвращает терпимость. «Я следую моим путем, а вы следуете вашим, но давайте будем друзьями, и мы в конечном счете встретимся». Встретимся ли мы, если вы идете на север, а я на юг? Можем ли мы быть в дружеских отношениях, если у вас имеется набор одних верований, а у меня других, если я серийный убийца, а вы являетесь сторонником мира? Быть дружественным подразумевает взаимоотношения в деле, в мыслях. А разве есть ли какие-нибудь взаимоотношения между человеком, который ненавидит, и человеком, который любит? Есть ли какие-нибудь отношения между человеком, пребывающим в иллюзии, и тем, кто свободен? Свободный человек может попробовать установить некоторые отношения с тем, кто в неволе, но тот, кто пребывает в иллюзии, не может иметь никаких отношений с человеком, который на свободе.

Отделенные, цепляясь за отделенность, пробуют установить взаимоотношения с остальными, которые также замкнуты в себе. Но такие попытки неизменно увеличивают противоречие и боль. Чтобы избежать этой боли, умные люди изобретают терпимость, каждый присматривает за его собственным забором самоограждения и старается быть добрым и щедрым. Терпимость исходит от ума, не от сердца. Вы говорите о терпимости, когда вы любите? Но когда сердце пусто, тогда ум заполняет его своими хитрыми приспособлениями и страхами. Где есть терпимость, там нет никакой общности.

Нет никакого пути к истине. Истина должна быть обнаружена, но никакой формулы для ее открытия нет. То, что имеет формулу, это не истина. Вы должны отправиться в путь по морю, не отмеченному на карте, а это не отмеченное на карте море и есть вы сами. Вы должны отправиться в путь, чтобы обнаружить себя, а не соответствовать какому-либо плану или образцу, ибо тогда никакого открытия не будет. Открытие приносит радость, не вспоминаемую, сравниваемую радость, а радость, которая является вечно новой. Самопознание — это начало мудрости, в спокойствии и тишине которого существует неизмеримое.

Было видно огромные облака, похожие на вздымающиеся белые волны, а небо было безмятежным и голубым. Много сотен футов ниже того места, где мы стояли, был синий залив в форме изгиба, а вдалеке был материк. Это был прекрасный вечер, спокойный и свободный, а на горизонте из парохода валил дым. Апельсиновые рощи протянулись к подножию горы, и их аромат наполнил воздух. Вечер становился синим, как это всегда и происходило, и сам воздух стал синим, а белые дома потеряли свою яркость в этом нежном цвете. Синева моря, казалось, пролилась и покрыла землю, и горы в вышине были тоже прозрачно синими. Это был очаровывающий вид. Стояла полнейшая тишина. Хотя были некоторые вечерние звуки, они были в пределах этой тишины, они были частью этой тишины, как и мы. Эта тишина делала все новым, смывая столетия нищеты и боли из сердец предметов. Глаза прозрели, и ум принадлежал той тишине. Заревел осел, и эхо заполнило долину, а тишина вобрала в себя и это. Конец дня был смертью всех прошедших дней, и в этой смерти было возрождение без печали прошлого. В необъятности тишины жизнь была новой.

В комнате ожидал человек, желая обсудить некоторые вещи. Он был странно напряжен, но сидел спокойно. Он был, очевидно, городским жителем, и из-за его шикарной одежды он казался довольно неуместным в этой маленькой деревушке и в этой комнате. Он говорил о своей деятельности, трудностях его профессии, тривиальности семейной жизни и важности его желаний. Со всеми этими проблемами он справлялся так же легко, как любой другой. Но что действительно беспокоило его, это были его сексуальные аппетиты. Он был женат и имел детей, но у него был еще кто-то на стороне. Его сексуальная озабоченность стала очень серьезной проблемой для него и почти сводила его с ума. Он разговаривал с некоторыми докторами и аналитиками, но проблема все еще существовала, а ему нужно было, так или иначе, добраться до ее сути.

Как жаждем мы решить наши проблемы! Как настойчиво мы ищем ответ, выход, средство! Мы никогда не размышляем над самой проблемой, но с волнением и беспокойством нащупываем ответ, который неизменно самоспроецирован. Хотя проблема создана нами же, мы пробуем найти ответ на нее где-то вне. Искать ответ — означает избегать проблемы, что и хотят сделать большинство из нас. Тогда только ответ становится существенным, а не проблема. Решение не приходит отдельно от проблемы, ответ находится в проблеме, а не далеко от нее. Если ответ отделен от главной сути проблемы, то мы создаем другие проблемы: проблема, как понять ответ, как выяснить его, как претворить его в жизнь и так далее. Поскольку поиск ответа означает побег от проблемы, мы запутываемся в идеалах, убеждениях, переживаниях, которые являются самопроецированными. Мы поклоняемся этим самодельным идолам и поэтому все более смущаемся и утомляемся. Найти выход сравнительно легко. Но понимать проблему трудно, это требует совершенно другого подхода, подхода, в котором нет никакого скрытого желания ответа.

Свобода от желания найти ответ важна для понимания проблемы. Эта свобода дает спонтанность полного внимания. Ум не отвлечен никакими вторичными вопросами. Пока существует конфликт или противостояние проблеме, не может быть никакого понимания, поскольку этот конфликт — отвлечение от проблемы. Понимание существует только тогда, когда есть общность, а общность невозможна, пока есть сопротивление или раздор, страх или слепое принятие. Нужно найти правильное отношение к проблеме, что является началом понимания. Но как возникнет правильное отношение к проблеме, когда вы только заинтересованы в избавлении от нее, что означает найти ей решение? Правильное отношение

означает общность с ней, а общность не может существовать, если есть активное или пассивное сопротивление. Подход к проблеме более важен, чем сама проблема. Подход определяет проблему, результат. Цель и средства для ее достижения неотделимы от подхода. Подход определяет судьбу проблемы. Как вы расцениваете проблему — вот что самое важное, потому что ваше отношение и предубеждения, ваши опасения и надежды отразятся на ней. Осознание без необходимости выбора способа вашего подхода даст правильное отношение к проблеме. Проблема создана вами самими, так что ответ должен быть в вас. Вы и проблема едины, а не два отдельных процесса. Вы есть проблема.

Действия «я» являются пугающе монотонными. «Я» — это скука. Оно бессмысленно, бесполезно и внутренне изнушает вас. Его противоречивые желания, его надежды, расстройства, его реальности и иллюзии приводят в восторг, но все же они пусты. Его действия приводят к его собственной усталости. «Я» вечно поднимается и вечно падает, вечно преследует и вечно расстраивается, вечно приобретает и вечно теряет, и из этого утомляющего бессмысленного круговорота оно вечно пробует убежать. Оно убегает через внешнюю деятельность или через удовлетворение иллюзий, через алкоголь, секс, радио, книги, знания, развлечения и так далее. Его способность порождать иллюзию всеобъемлющая и всеохватывающая, а эти иллюзии являются самодельными, самоспроектированными. Они — это идеал, идолопоклонническая концепция мастеров и спасителей, это будущее в виде способа самовозвеличивания и так далее. В попытке убежать от своей собственной монотонности «я» гонится за внутренними и внешними ощущениями и возбуждениями. Они заменяют для «я» самораскрытие, в этих заменах «я» надеется забыться. Ему это часто удается, но успех только усиливает его собственную истощенность. Оно гонится за одной заменой, затем за другой, а каждая из них создает свои собственные проблемы, свои собственные конфликты и боль.

И внутри, и снаружи мы ищем самозабвения. Некоторые прибегают к религии, другие к работе и деятельности. Но нет никакого способа забыть о «я». Внутренний или внешний шум может заглушить «я», но оно скоро вновь даст о себе знать в иной форме, под другим обликом, так как то, что подавляется, должно вырваться наружу. Самозабвение через алкоголь или секс, через поклонение или знание порождает зависимость, и то, от чего вы зависите, создает проблему. Если ради облегчения, ради самозабвения, ради счастья, вы попадаете в зависимость от выпивки или от мастера, то они становятся вашей проблемой. Зависимость порождает собственничество, зависть, страх, а затем страх и его преодоление становится вашей проблемой, беспокоящей вас. В поисках счастья мы создаем проблемы и сами же в них попадаем. Мы находим некоторое счастье в самозабвении с помощью секса, и поэтому мы используем его как средство достижения того, чего мы желаем. Счастье через что-то должно обязательно породить конфликт, поскольку тогда средство значительно существеннее и важнее, чем само счастье. Если я получаю счастье через красоту этого стула, то стул становится очень значимым для меня, и я должен охранять его от других. В этой борьбе само счастье, которое я когда-то обнаружил в красоте стула, совершенно забыто, потеряно, и я остаюсь со стулом. Сам по себе стул имеет небольшую ценность, но я придал ему необычайную ценность, поскольку он это средство к моему счастью. Таким образом, средство становится заменой счастья.

Когда средство для моего счастья — это живой человек, тогда конфликт и замешательство, антагонизм и боль намного острее. Если взаимоотношения базируются только на простом использовании, какими же будут эти взаимоотношения, ну кроме самых поверхностных между пользователем и используемым? Если я использую вас ради моего счастья, разве я связан с вами? Взаимоотношение подразумевает общность с другим на различных уровнях. А разве есть общность с другим, когда он это только лишь инструмент, средство для моего счастья? В таком

использовании другого, не ищу ли я на самом деле самоизоляции, в которой, как я думаю, я буду счастлив? Эту самоизоляцию я называю взаимоотношениями. Но фактически в этом процессе нет никакой общности. Общность может существовать только там, где нет никакого страха, а страх и боль терзают тогда, когда есть использование и, следовательно, зависимость. Поскольку ничто не может жить в изоляции, попытки ума изолировать себя приводят к его собственному расстройству и страданию. Чтобы избежать этого чувства ущербности, мы ищем законченность в идеях, в людях, в вещах, и так в поиске замен мы снова возвращаемся туда, откуда мы начали.

Проблемы будут всегда существовать там, где действия «я» являются доминирующими. Необходима постоянная бдительность, чтобы осознавать, которые из них являются и которые не являются деятельностью «я». Эта бдительность — не принудительное внимание, а всеобъемлющее понимание, которое не является результатом выбора. Принудительное внимание придает силу «я», оно становится заменой и зависимостью. Осознание, с другой стороны, не вызвано самопринуждением, оно не результат практики. Это понимание полностью всей сути проблемы, скрытой, так же как и поверхностной. Поверхностное должно быть понято для того, чтобы скрытое проявило себя. Скрытое не может выявиться, если поверхностный ум не утихает. Этот целостный процесс не понять на словах, и опыт здесь не поможет. Словесный поток указывает на тупость ума, а опыт, будучи накоплением, приводит к повторяемости. Осознание — это не вопрос решительности, поскольку целенаправленное побуждение есть сопротивление, которое имеет тенденцию к исключительности. Осознание — это тихое и непреднамеренное наблюдение того, что есть. При таком осознании проблема разворачивает себя, и таким образом она полностью и всецело становится понятной.

Проблему никогда не решить на ее собственном уровне. Будучи комплексной, она должна быть понята в своем всецелом процессе. Попытка решить проблему только лишь на одном уровне, физическом или психологическом, приведет к дальнейшему противоречию и путанице. Для решения проблемы необходимо такое осознание, такая пассивная наблюдательность, которая раскрывает полностью ее процесс.

Любовь — это не ощущение. Ощущения порождают мысль через слова и символы. Ощущения и мысли занимают место любви, они становятся заменой любви. Ощущения принадлежат уму, так же как и сексуальные аппетиты. Ум порождает аппетит, страсть через воспоминание, из которого оно получает удовлетворяющие ощущения. Ум состоит из различных и противоречивых интересов или желаний с их особыми ощущениями. Они сталкиваются, когда то или иное начинает преобладать, таким образом создавая проблему. Ощущения бывают как приятными, так и неприятными, но ум придерживается приятных, таким образом становясь их рабом. Такая неволя превращается в проблему, потому что ум это хранилище противоречащих ощущений. Избегание болезненного — это также неволя, с ее собственными иллюзиями и проблемами. Ум — это создатель проблем, и поэтому он не может решить их. Любовь не принадлежит уму, но когда ум берет верх, появляется ощущение, которое он тогда называет любовью. Именно об этой любви, идущей от ума, можно думать, ее можно приукрасить и опознать. Ум может вспоминать или ожидать радостных ощущений, и этот процесс есть аппетит, независимо от того, на каком уровне это происходит. В пределах области ума не может быть любви. Ум — это территория страха и расчета, зависти и властвования, сравнения и отрицания, а не любви. Ревность, подобно гордости, исходит от ума, но это — не любовь. Любовь и мыслительные процессы не могут быть объединены, не могут стать единым. Когда преобладают ощущения, для любви не остается никакого места, потому что находящееся в уме заполняет сердце. Таким образом, любовь становится неизвестным, которое преследуют и которому поклоняются. Из нее делают идеал, чтобы использовать и верить, а идеалы всегда самоспроецированы. Поэтому ум полностью берет верх, а любовь становится словом,

ощущением. Тогда любовь становится сравнительной: «я люблю больше, а ты любишь меньше». Но любовь — это ни личное, ни безличное, любовь — это состояние бытия, в котором ощущение, как и мысль, полностью отсутствуют.

Одиночество

У нее недавно умер сын, и она сказала, что не знает, что ей делать теперь. У нее появилось так много свободного времени, ей было так скучно, тоскливо и печально, что она была готова умереть. Она воспитала его с любовью и заботой. Он ходил в одну из лучших школ и колледжей. Она не баловала его, хотя он имел все необходимое. Она вложила в него всю свою веру и надежду и отдала ему всю свою любовь. У нее не было больше никого, кому она могла ее дать, поскольку она давно развелась со своим мужем. Ее сын умер из-за неправильного диагноза и операции, хотя, добавила она, улыбаясь, доктора сказали, что операция прошла «успешно». Теперь она осталась одна, и жизнь казалась такой тщетной и бессмысленной. Она рыдала, когда он умер, пока не осталось больше слез, а лишь только тоскливая и томящая пустота. У нее были такие планы относительно их обоих, а теперь она была совершенно в растерянности.

С моря дул бриз, прохладный и свежий, и под деревом было спокойствие. Горы играли яркими красками, и синие сойки казались очень шумными. Брела корова, а за ней ее теленок, а белка носилась по дереву, издавая дикие звуки. Она сидела на ветке и трещала, и это трещание продолжалось в течение долгого времени, а ее хвост подпрыгивал то вверх, то вниз. У нее были такие искрящиеся яркие глаза и острые когти. Ящерица выползла погреться на солнышке и поймала муху. Вершины деревьев мягко колебались, а усохшее дерево на фоне неба смотрелось прямо и красиво. Оно побелело от солнца. Рядом с ним было еще одно мертвое дерево, потемневшее и искореженное, недавно сгнившее. Несколько тучек покоились на далеких горах.

Какая странная штука одиночество, и как оно пугает! Мы никогда не позволяем себе слишком близко приближаться к нему. И если случайно так случается, мы быстро убегаем от него. Мы сделаем все, что угодно, лишь бы избежать одиночества, чтобы спрятаться от него. Наша сознательная и подсознательная забота, кажется, состоит в том, чтобы избежать или преодолеть его.

Побег от одиночества и преодоление его одинаково бесполезны. Даже подавленная или забытая боль или проблема находится все еще в вас. Вы можете затеряться в толпе и все же быть совершенно одиноким. Вы можете быть чрезмерно деятельны, но одиночество будет потихоньку надвигаться на вас. Отложите книгу, и оно тут как тут. Одиночество нельзя утопить в выпивке или с помощью развлечений. Вы можете на время уклониться от него, но когда смех и воздействие алкоголя закончатся, страх одиночества возвратится. Вы можете быть честлюбивы и успешны, у вас может быть огромная власть над другими, вы можете быть богаты знаниями, вы можете поклоняться и забываться в глупости ритуалов, делайте все, что угодно, но боль одиночества продолжится. Вы можете существовать только ради вашего сына, ради мастера, ради проявления вашего таланта, но одиночество наступает на вас подобно темноте. Вы можете любить или ненавидеть, убегать от него в соответствии с особенностями вашего характера и психологическими потребностями. Но одиночество уже здесь, ждущее и наблюдающее, отступающее только, чтобы приблизиться снова.

Одиночество — это осознание полной изоляции. А разве наши действия не самоогораживающие? Хотя наши мысли и эмоции направлены наружу, являются ли они не исключаящими и разделяющими? Разве мы не ищем господства в наших отношениях, в наших правах и владениях, таким образом создавая сопротивление? Разве мы не расцениваем дело как «ваше» и «мое»? Разве мы не отождествляемся с коллективным, с целой страной или с каким-нибудь меньшинством? Разве не все наше намерение состоит в том, чтобы изолировать себя, отделить и отделиться? Сама деятельность «я» на любом уровне является способом изоляции. Одиночество есть осознание себя без какой-либо деятельности. Деятельность, физическая или

психологическая, становится средством самопроявления, и, когда нет никакой деятельности, появляется осознание пустоты «я». Именно эту пустоту мы стремимся заполнить, и в заполнении ее мы проводим нашу жизнь, благородным ли образом или позорным. Может показаться, что в заполнении этой пустоты благородным образом нет никакого социального вреда, но иллюзия порождает невыразимое страдание и разрушение, которое не сразу проявится. Жажда заполнить эту пустоту или сбежать от нее, что в принципе одно и то же, не может быть возвеличена или подавлена. Так что же это за объект, который нужно подавить или возвысить? Разве этот объект — не иная форма этого влечения? Объекты влечения могут меняться, но разве не все увлечения похожи? Можно поменять объект вашего увлечения с выпивки на воображение, но без понимания процесса увлечения этим иллюзия неизбежна.

Нет никакого объекта, отделенного от увлечения им. Есть только увлечение, нет того, кто увлечен. В разные времена и в зависимости от интересов страстное увлечение наряжается в различные маски. Память об этих меняющихся интересах сталкивается с новым, что вызывает конфликт. Таким образом, рождается тот, кто выбирает, укрепляя себя как субъект, отделенный и отличный от его увлечения. Но субъект не отличается от своих свойств. Субъект, который пытается заполнить себя или убежать от своей пустоты, ущербности, одиночества, не отличается от того, чего он избегает, он и есть это. Он не может убежать от себя самого, все, что он может сделать, это понять себя. Он есть его собственное одиночество, его пустота. И пока он расценивает это как что-то отдельное от себя, он будет пребывать в иллюзии и бесконечном противоречии. Когда он непосредственно прочувствует, что он и есть его собственное одиночество, тогда только может возникнуть свобода от страха. Страх существует только во взаимоотношениях с идеей, а идея — это отклик памяти в виде мысли. Мысль — это результат опыта, и хотя она может обдумывать пустоту, иметь ощущения по отношению к ней, она не может познать пустоту напрямую. Слово «одиночество» с его воспоминаниями о боли и страхе мешает пережить это состояние заново. Слово — это память, и когда слово больше не имеет значения, тогда взаимоотношения между переживающим и переживаемым совершенно другие. Тогда эти взаимоотношения являются прямыми, а не через слово, через память. Тогда переживающий и есть переживаемое и так освобождается от страха.

Любовь и пустота не могут пребывать вместе. Когда есть чувство одиночества, нет любви. Вы можете скрыть пустоту под словом «любовь», но когда объекта вашей любви больше нет или он не реагирует на вас, тогда вы осознаете пустоту, вы расстраиваетесь. Мы используем слово «любовь» как средство побега от нас самих, от нашей собственной ущербности. Мы цепляемся за то, что мы любим, мы ревнуем, мы тоскуем без этого, когда оно отсутствует, мы совершенно потеряны, когда оно умирает. А затем мы ищем утешение в какой-нибудь другой форме, в некоей вере, в некоей замене. Разве все это любовь? Любовь — это не идея, не результат ассоциации, любовь не то, что можно использовать как спасение от нашей собственной несчастья. И когда мы действительно так используем ее, мы создаем проблемы, которые не имеют решений. Любовь — не абстракция, но ее суть может быть пережита только, когда идея, ум больше не являются наивысшим фактором.

Последовательность

Было очевидно, что он был умен, активен и предан чтению нескольких избранных книг. Хотя он и был женат, он не был семейственным человеком. Он называл себя идеалистом и общественным работником. Он побывал в тюрьме по политическим причинам и имел много друзей. Его не интересовало приобретение имени ни для себя, ни для партии, что было для него в принципе одно и то же. Его действительно интересовала общественная деятельность, которая хоть как-нибудь могла бы принести счастье человечеству. Он был тем, кого вы могли бы назвать религиозным человеком, но не сентиментальным или суеверным. Не был он и сторонником какой-либо специфической доктрины или ритуала. Он сказал, что он прибыл, чтобы обсудить проблему противоречия, не только внутри себя, но и в природе, и в мире. Ему казалось, что это противоречие было неизбежно: умный и глупый, противоречивые желания внутри себя, слово находится в конфликте с поступком, а поступок с мыслью. Такие противоречия он находил повсюду.

Быть последовательным означает быть бездумным. Гораздо легче и более безопасно без отклонения следовать за образцом поведения, соответствовать идеологии или традиции, чем рискнуть ощутить боль от мысли. При повиновении авторитету, внутреннему или внешнему, не возникают никакие вопросы. Такой способ позволяет обойти мысль с ее неприятностями и тревогами. Следование нашим собственным умозаключениям, опыту, намерениям не создает никаких противоречий в нас. Мы последовательны в нашей собственной цели. Мы выбираем какой-то путь и следуем по нему упорно и решительно. Разве большинство из нас не ищет образ жизни, который не будет слишком тревожащим, в котором, по крайней мере, есть психологическая безопасность? А как мы уважаем человека, живущего в соответствии с его собственными идеалами! Мы приводим таких людей в пример, стремимся за ними следовать и поклоняться им. Приближение к идеалу, хотя это требует некоторого усердия и борьбы, в целом радостно и приятно, поскольку в конце концов, идеалы являются самодельными, самоспроецированными. Вы выбираете вашего героя, религиозного или светского, и следуете за ним. Желание быть последовательным придает специфическую силу и удовлетворение, в искренности есть безопасность. Но искренность не есть простота, а без простоты не может быть понимания. Быть последовательным, двигаться за хорошо продуманным образцом поведения удовлетворяет побуждение к достижению, а в этом находят утешение и безопасность. Устанавливание идеала и постоянное соответствие ему порождает сопротивление, а приспособляемость ограничена пределами образца. Последовательность предлагает безопасность и уверенность, и поэтому мы с отчаянием цепляемся за нее.

Находиться во внутреннем противоречии означает жить в конфликте и горе. «Я», в его самой сути, является противоречивым. Вся структура «я» — это результат противоречащих интересов и ценностей, многих меняющихся желаний на различных уровнях его существования. И все эти желания порождают свои собственные противоположности. «Я», внутренняя сущность, является сетью сложных желаний, при этом каждое желание имеет свой собственный стимул и цель, часто противоречащий надеждам и стремлениям другого. Эти маски надеваются согласно влиянию обстоятельств и ощущений, поэтому в пределах структуры «я» противоречие неизбежно. Такое противоречие в нас порождает иллюзию и боль, и, чтобы сбежать от этого, мы прибегаем ко всем способам самообмана, которые только усиливают наш конфликт и страдание. Когда внутреннее противоречие становится невыносимым, сознательно или подсознательно мы стараемся убежать через смерть, через безумие, или же мы посвящаем себя идее, группе, стране, какой-то деятельности, которая полностью поглотит наше существование. Мы обращаемся к

организованной религии, с ее догмами и ритуалами. Итак, этот раскол внутри нас ведет или к дальнейшему внутреннему разрастанию, или к самоуничтожению, безумию. Попытка быть иным, чем мы являемся, приводит к противоречию. Страх того, что есть, порождает иллюзии противоположности этому, и в стремлении к этой противоположности мы надеемся сбежать от страха. Синтез — это не культивирование противоположности, синтез не проявляется через противоположное, поскольку все противоположное содержит элементы собственных противоположностей. Противоречие в нас приводит к разного вида физическим и психологическим ответным реакциям, тихим или буйным, уважаемым или опасным, а последовательность только еще более путает и укрывает противоречие. Целенаправленное стремление к единственному желанию, определенному интересу ведет к замкнутому в себе противостоянию. Противоречие внутри приводит к конфликту снаружи, а конфликт указывает на противоречие. Только через понимание направлений желаний можно освободиться от внутренней противоречивости.

Объединение в одно целое никогда не может ограничиваться верхними уровнями мышления. Этому не учат в школе. Это не возникает со знанием или с самопожертвованием. Только лишь объединение всего в целом даст свободу от последовательности и противоречия. Но объединение не означает слияние в одно всех желаний и множественных интересов. Объединение в одно целое — это не соответствие образцу, какой бы он ни был благородный и хитрый. К этому нельзя приблизиться непосредственно, активно, а лишь косвенно, пассивно. Иметь концепцию этого объединения означает соответствовать образцу, что только возвращает глупость и разрушение. Стремиться к объединению — означает делать из него идеал, самоспроецированную цель, а так как все идеалы самоспроецированы, они неизбежно ведут к конфликту и вражде. То, что «я» проецирует, имеет его собственную природу, и поэтому противоречиво и запутанно. Объединение в целое — это не идея, не простой ответ памяти, и поэтому его нельзя породить. Желание объединения возникает из-за конфликта, но через искусственное культивирование объединения конфликт не преодолеть. Вы можете скрывать, отрицать противоречие или не осознавать его, но оно здесь, в ожидании, чтобы вспыхнуть.

Противоречие — это наше беспокойство, а не объединение в целое. Объединение в целое, подобно умиротворению, является побочным явлением, не самоцелью. Это просто результат, и поэтому оно вторично по важности. В понимании конфликта будет не только объединение и умиротворение, но еще что-то бесконечно большее. Противоречие нельзя подавить или возвысить, и при этом его ничем не подменить. Противоречие приходит вместе со страстным хотением, с желанием продолжаться, становиться чем-то большим, это не подразумевает, что нужно застыть в состоянии удовлетворенности. «Большее» — это постоянный крик «я», это тяга к ощущениям, из прошлого ли или из будущего. Ощущения принадлежат уму, и поэтому ум — не инструмент для понимания противоречия. Понимание — это не просто словесная форма, это не умственный процесс, и поэтому оно не относится к опыту. Опыт — это память, а без слова, символа, образа памяти нет. Вы можете читать тома о противоречиях, но это может не иметь никакого отношения к пониманию противоречия. Чтобы понять противоречие, мысль не должна вмешиваться. Должно быть осознание противоречия без думающего. Думающий — это тот, кто выбирает, который неизменно становится на сторону приятного, удовлетворяющего и таким образом поддерживает противоречие. Он может избавиться от одного какого-нибудь противоречия, но тут же появляется почва для дальнейшего противоречия. Думающий оправдывает или осуждает и таким образом препятствует пониманию. Когда отсутствует думающий, есть прямое переживание противоречия, но не как переживание, которое переживающий испытывает. В состоянии переживания нет ни переживающего, ни пережитого. Переживание является прямым, тогда взаимоотношения становятся прямыми, а не проходящими

через память. Именно эти прямые взаимоотношения дают понимание. Понимание приносит освобождение от противоречия, и с освобождением от противоречия появляется объединение в целое.

Действие и идея

Он был мягок и нежен и имел дежурную, но приятную улыбку. Одевался он очень просто, а его поведение было спокойным и скромным. Он сказал, что он много лет практиковал отказ от насилия и хорошо осознал его мощь и духовное значение. Он написал несколько книг по этому поводу и принес с собой одну из них. Он объяснил, что он много лет добровольно ничего не убивал и был строгим вегетарианцем. Он пустился в детали о своем вегетарианстве и сказал, что его ботинки и сандалии были сделаны из шкур животных, которые умерли естественно. Он сделал свою жизнь настолько простой, насколько возможно, изучил диетологию и ел только то, что было необходимо. Он утверждал, что он не сердился в течение нескольких лет, хотя иногда он был нетерпелив, что было просто реакцией его нервной системы. Его речь была контролируемой и вежливой. Сила отказа от насилия преобразовала бы мир, сказал он, и он посвятил этому свою жизнь. Он не был из тех, кто легко рассказывал о себе, но на предмет отказа от насилия он был весьма красноречив, и слова, казалось, лились без усилия. Он прибыл, добавил он, чтобы еще глубже проникнуть в свою любимую тему.

Напротив дороги был большой спокойный водоем. Его воды были очень взволнованны, когда дул сильный бриз. Но сейчас он был совершенно спокоен и отражал большие листья дерева. Одна или две лилии медленно плыли по его поверхности, и еще один бутон начал только что показываться из воды. Начали прилетать птицы, и несколько лягушек выползли и попрыгали в водоем. Рябь вскоре прошла, и вновь вода стала неподвижной. На самом верху высокого дерева сидела птица, прихорашиваясь и что-то напевая. Она взлетела, описав круг, и вернулась к своему возвышенному и уединенному местечку. Она была так восхищена миром и собой. Поблизости сидел полный мужчина с книгой в руках, но его мысли были где-то далеко. Он было пытался читать, но внимание его улетучивалось прочь снова и снова. В конечном счете, он перестал бороться и позволил мыслям свободно блуждать. Грузовик проезжал по холму медленно и устало, а потом скорость вновь изменилась.

Мы столь заинтересованы в соответствии производимых впечатлений, во внешних жестах и внешности. Мы стремимся сначала создать внешний порядок, внешне мы регулируем нашу жизнь согласно нашим решениям, внутренним принципам, которые мы установили. Почему мы вынуждаем внешнее соответствовать внутреннему? Почему мы действуем согласно идее? Действительно ли идея более сильна, более мощна, чем действие?

Сначала идея утверждается, продумывается или интуитивно ощущается, и затем мы пытаемся приблизить к идее действие. Мы пробуем жить в соответствии с ней, проводить в жизнь ее, контролируем себя в соответствии с ней — это постоянная борьба за соответствие действия рамкам идеи. Зачем эта непрерывная и болезненная борьба за формирование действия согласно идее? Что это за побуждение, состоящее в том, чтобы делать внешнее соответствующим внутреннему? Это для того, чтобы усилить внутреннее или получить подтверждение от внешнего, когда внутреннее неуверенно? При получении комфорта от внешнего разве не приобретает внешнее большую значимость и важность? Внешняя действительность имеет значение. Но когда ее рассматривают как проявление искренности, разве это не указывает более, чем когда-либо, что идея является доминирующей? Почему идея стала всесильной? Чтобы заставить нас действовать? Идея помогает нам действовать или она мешает действию?

Конечно, идея ограничивает действие. Именно страх действия порождает идею. В идее есть безопасность, а в действии есть опасность. Чтобы управлять действием, которое является

безграничным, создали идею. Чтобы надеть броню на действие, возникает идея. Думайте, что случилось бы, если бы вы были щедры на действия! Итак, вы имеете щедрость от сердца, противопоставленную щедрости ума. Вы поступаете так только потому, что вы не знаете, что случится с вами завтра. Идея управляет действием. Действие — это полнота, открытость, насыщенность, а страх, как и идея, подкрадывается и овладевает вами. Таким образом, идея становится всезначимой, а не действие.

Мы пробуем заставить действие соответствовать идее. Идея или идеал — это отказ от насилия, и наши действия, поступки, мысли формируются согласно этому мысленному образцу. Что мы едим, что мы носим, что мы говорим, становится очень существенным, поскольку по этому всему мы судим о нашей искренности. Искренность становится важной, а не то, чтобы быть ненасильственным. Ваши сандалии и то, что вы едите, становятся поглощающим вас интересом, а о том, чтобы быть ненасильственным, забывают. Идея всегда вторична, а вторичные проблемы доминируют над первичными. Вы можете писать, читать лекции, сплетничать об идее, в идее есть большие возможности для раздувания себя, но нет никакого возрастающего удовлетворения в том, чтобы быть ненасильственным. Идея, будучи самоспроецированной, стимулирует и удовлетворяет, активно или пассивно. Но нет никакого очарования в том, чтобы быть ненасильственным. Отказ от насилия — это результат, побочное явление, а не сама конечная цель. Это само по себе цель только, когда идея преобладает. Идея — всегда заключение, конец, самоспроектированная цель. Идея является движением в пределах известного, но мысль не может сформулировать, что значит быть ненасильственным. Мысль может раздумывать над отказом от насилия, но она не может быть ненасильственной. Отказ от насилия — это не идея, его нельзя превращать в образец действия.

Жизнь в большом городе

Это была удачно расположенная комната, тихая и успокаивающая. Мебель стояла изящная и в очень хорошем вкусе, ковер был толстым и мягким. Там был мраморный камин, в нем горел костер. Стояли старинные вазы из разных уголков мира, а на стенах висели современные картины наряду с некоторыми, созданными старыми мастерами. Ради красоты и удобства комнаты, которая отразила богатство и вкус, было приложено значительное количество внимания и заботы. Комната была видом на маленький сад с лужайкой, которую, видимо, косили и разравнивали многие и многие годы.

Жизнь в большом городе странным образом отрезана от вселенной. Искусственные здания заняли место долин и гор, а рев движения заменил шум бурных ручьев. Ночью вряд ли можно увидеть звезды, даже если захочешь, поскольку городские огни слишком яркие, и в дневное время небо ограничено и загромождено. Определенно кое-что происходит с городскими обитателями: они хрупкие и изысканные, у них есть церкви и музеи, напитки и театры, красивая одежда и бесконечные магазины. Повсюду люди: на улицах, в зданиях, в помещениях. Облако проплывает по небу, и только немногие поднимают глаза. Там спешка и суматоха.

Но в этой комнате чувствовалось тихое и выдержанное достоинство. Она имела ту присущую богатым атмосферу, чувство надменной безопасности и уверенности, и желанной свободы от нужды. Он сначала рассказывал, что интересовался философией, как восточной, так и западной, и так нелепо, что она началась с греков, как будто бы ничто не существовало до них. И теперь он начал говорить о его проблеме: как давать и кому давать. Проблема наличия денег и сопутствующие ей многочисленные обязательства несколько тревожила его. Зачем он делал из этого проблему? Разве имело значение, кому он дал и с каким настроением? Почему это стало проблемой?

Вошла его жена, шикарная, броская и любопытная. Они оба казались хорошо начитанными, утонченными и светски умудренными. Они были умны и интересовались многими вещами. Они были детищами, как города, так и деревни, но большей частью их сердца были в городе. Такая вещь, как сострадание, казалась такой далекой. Качества ума были тщательно выпестованы. В них была некоторая резкость, грубый подход, но это не очень бросалось в глаза. Она немного писала, а он некоторой степени был политическим деятелем, и они говорили легко и уверенно. Медлительность настолько существенна для открытия, для дальнейшего понимания, но откуда взяться медлительности, когда вы знаете так много, когда самозащитная броня так тщательно отшлифована, все трещины запечатаны изнутри? Линия и форма необычно важны для тех, кто находится в неволе чувственного. Тогда красота — это ощущение, совершенство — это чувство, а истина — вопрос умственной деятельности. Когда ощущения доминируют, комфорт становится существенным, не только для тела, но также и для души. И комфорт, особенно умственный, разрушает, приводит к иллюзии.

Мы есть то, чем мы обладаем, мы есть то, к чему мы привязаны. Привязанность не имеет никакого благородства. Привязанность к знаниям не отличается от любой другой склонности удовлетворения. Привязанность — это эгоцентризм, на низшем или на высшем уровне. Привязанность — это самообман, это спасение от пустоты «я». Вещи, к которым мы привязываемся — собственность, люди, идеи — становятся наиболее важными, поскольку без многих вещей, которые заполняют его пустоту, «я» не существует. Страх не быть способствует чувству собственности. Страх порождает иллюзию, рабство от собственных выводов. Умозаключения, реальные или воображаемые, мешают развитию сообразительности, свободы, только лишь в которой возникает действительность. А без этой свободы хитрость принимают за

сообразительность. Проявления хитрости всегда сложны и разрушительны. Именно эта самозащитная хитрость потворствует привязанности. А когда привязанность причиняет боль, именно эта же самая хитрость стремится к отсоединению и находит удовольствие в гордости и тщеславии отказа. Понимание проявлений хитрости, проявлений «я» является началом сообразительности.

Навязчивая идея

Он сказал, что был одержим глупыми пустяками, и что эти навязчивые идеи постоянно изменялись. Он, бывало, волновался по поводу какого-нибудь воображаемого физического недостатка, а в течение нескольких часов его беспокойство фиксировалось на другом домысле или мысли. Казалось, что он живет от одной беспокоящей навязчивой идеи до другой. Чтобы преодолеть эти навязчивые идеи, продолжил он, ему приходилось искать помощь в книгах или обсуждать эту проблему с другом, и даже побывать у психолога. Но так или иначе, он не получил никакого облегчения. Даже после серьезной и захватывающей встречи эти навязчивые идеи тут же немедленно вновь появлялись. Если он найдет объяснение этому, положит ли это конец этой проблеме?

Разве обнаружение причины освободит от следствия? Разве знание причины уничтожит результат? Мы знаем причины, как экономические, так и психологические, войны, и все же мы поощряем варварство и самоуничтожение. В конце концов, наш мотив поиска причины — это желание избавиться от следствия. Это желание является иной формой сопротивления или осуждения, а когда есть осуждение, нет понимания.

— Тогда, что же делать? — спросил он.

Почему ум во власти этих тривиальных и глупых навязчивых идей? Спрашивать «почему» не означает искать причину как что-то далекое от вас самих, которое вы должны найти. Это просто раскрывать движения вашего собственного размышления. И, так, почему ум занимает себя подобным образом? Разве это не потому, что он является поверхностным, мелочным, пустым и поэтому обеспокоенным его собственными соблазнами?

«Да, — ответил он, — кажется, это верно, но не полностью, поскольку я — серьезный человек».

Кроме этих навязчивых идей, чем занята ваша мысль?

«Моей профессией, — сказал он. — У меня ответственная должность. Целый день и иногда до глубокой ночи мои мысли заняты моим делом. Иногда я читаю, но большинство своего времени провожу в своей деятельности».

Вы любите то, что делаете?

«Да, но это не полностью удовлетворяет меня. Всю свою жизнь я был неудовлетворен тем, что делаю, но я не могу бросить настоящую должность оттого, что имею некоторые обязательства, и, кроме того, годы-то идут. Что беспокоит меня — эти навязчивые идеи, мое нарастающее недовольство работой, а также людьми. Я никогда не был добр, я чувствую усиливающееся беспокойство о будущем, и мне никогда, кажется, не познать покоя. Я хорошо делаю свою работу, но...»

Зачем вы боретесь против того, что есть? Дом, в котором я могу жить, может быть шумным, грязным, мебель может быть отвратительна, и во всем этом может чрезвычайно не хватать красоты. По различным причинам мне, вероятно, придется жить там, я не смогу уйти в другой дом. Тогда это вопрос не принятия, а наблюдения очевидного факта. Если я не вижу то, что есть, я буду тревожиться до болезненности о той вазе, о том стуле или той картине. Они станут моими навязчивыми идеями, и появится обида на людей, свою работу и так далее. Если бы я мог все полностью бросить и начать сначала, это было бы другое дело, но я не могу. Не имеет никакого смысла мое восстание против того, что есть, реального. Признание того, что есть, не ведет к самодовольному удовлетворению и облегчению. Когда я уступаю тому, что есть, появляется не только понимание этого, но и также возникает определенное спокойствие поверхностного ума. Если поверхностный ум неспокоен, он увлекается навязчивыми идеями,

фактическими или воображаемыми. Он оказывается пойманным какой-нибудь реформой или религиозным умозаключением: мастером, спасителем, ритуалом и так далее. Только, когда поверхностный ум затихает, скрытое может показать себя. Скрытое должно проявить себя. Но это невозможно, если поверхностный ум обременен заботами, навязчивыми идеями. Так как поверхностный ум находится постоянно в каком-нибудь волнении, неизбежно противоречие между поверхностными и более глубокими уровнями мышления, и, пока от этого противоречия не избавляются, навязчивые идеи увеличиваются. В конце концов, навязчивые идеи — это бегство от нашего противоречия. Любое бегство подобно другому такому же бегству, хотя некоторые в социальном плане более вредны.

Когда каждый знает о целостном процессе возникновения навязчивой идеи или любой другой проблемы, только тогда приходит освобождение от проблемы. Чтобы полностью осознать, не должно быть никакого осуждения или оправдания проблемы. Осознание должно быть не определено выбором. Чтобы осознавать, требуется огромное терпение и чувствительность. Чтобы наблюдать и понять полностью весь процесс размышления, необходима готовность и выдержанное внимание.

Духовный лидер

Он сказал, что его гуру был слишком великим человеком, чтобы его описать, и что он был его учеником многие годы. Этот учитель, продолжил он, передавал свое учение с помощью мощных потрясений, через сквернословие, через оскорбления и действия, которые были противоречивы, и он добавил, что множество важных персон были среди его последователей. Сама жесткость техники вынуждала людей думать, она заставляла их сидеть и внимать тому, что считалось важным, потому что большинство людей спало и их нужно было встряхнуть. Этот учитель говорил самые ужасные вещи о боге, и казалось, что и ученики должны были много выпивать, поскольку сам учитель часто во время еды сильно напивался. Учение, однако, было глубоким, когда-то оно было тайным, но теперь стало доступным для всех.

Солнце поздней осени вливалось сквозь окно, и можно было слышать гул оживленной улицы. Отмирающие листья блестели, а воздух был свежий и насыщенный. Как во всех городах, здесь царил атмосфера уныния и невыразимой печали, что не соответствовало огням вечера. А искусственная веселость даже еще больше опечаливала. Кажется, мы забываем, что значит быть естественными, непринужденно улыбаться. Наши лица скрыты за беспокойством и печалью. А листья искрились на солнце, и в небе проплывало облако.

Даже в так называемых духовных движениях поддерживаются социальные разногласия. Как охотно приветствуют человека с титулом и уступают переднее место! Как последователи толпятся вокруг знаменитостей! Как жаждем мы различий и ярлыков! Эта тяга к различию становится тем, что мы называем духовным ростом: те, кто рядом, и те, кто далек, иерархическое разделение на мастера и посвященного, ученика и новичка. Эта тяга очевидна и даже понятна в повседневном мире. Но когда эти отношения переносят в мир, где эти глупые различия не имеют никакого значения вообще, это показывает, как глубоко мы зависимы от нашей тяги и appetитов. Без понимания этой тяги совершенно тщетно стремиться быть свободным от гордости.

«Но, — продолжил он, — мы нуждаемся в проводниках, гуру, мастерах. Может быть, вы выше них, но мы, обычные люди, нуждаемся в них, иначе мы будем подобно заблудшим овцам».

Мы выбираем наших лидеров, политических или духовных, из-за нашей собственной неуверенности, но они также неуверенны. Нам требуется, чтобы нас уговаривали и утешали, поощряли и удовлетворяли, поэтому мы выбираем учителя, который даст нам то, что мы жаждем. Мы не ищем действительности, а гонимся за вознаграждения и ощущениями. Для самовосхваления является важным то, что мы создаем учителя, мастера, и мы чувствуем себя растерянными, смущенными и беспокойными, когда наше «я» отвергают. Если вы не имеете никакого прямого контакта с реальным преподавателем, вы придумываете учителя, который далеко, который скрыт и таинственен. Первый зависим от различных физических и эмоциональных влияний, а второй — это самоспроецированный, самодельный идеал. Но оба являются результатом вашего выбора, а выбор неизбежно основан на предубеждении, пристрастии. Вы можете предпочесть дать более уважаемое и успокаивающее название для вашего предубеждения, но оно исходит от вашего замешательства и выбранных вами appetитов. Если вы ищете удовлетворения, естественно, вы найдете то, чего желаете, но давайте не называть это истиной. Истина возникает, когда вознаграждение, желание ощущений оканчиваются.

«Вы не убедили меня, что мне не нужен мастер», — сказал он.

Истина — не предмет спора и убеждения, она не результат суждения.

«Но мастер помогает мне преодолевать мою жадность, мою завистливость», — настаивал он.

Может ли кто-то другой, каким бы великим он ни был, помочь произойти изменению внутри вас? Если он сможет, тогда вы не изменились. Просто вами помыкают, на вас оказывают влияние. Это влияние может длиться значительное время, но вы не преобразитесь. Вами овладели, и неважно, зависть ли это или так называемое благородное влияние, вы все еще раб, вы не свободны. Нам нравится быть в рабстве, принадлежать кому-то, будь то мастер или кто-нибудь другой, потому что в этой принадлежности есть безопасность. Мастер становится убежищем. Обладать означает быть обладаемым, но обладание — это не свобода от жадности.

«Я должен сопротивляться жадности, — сказал он. — Я должен бороться с нею, прилагать все усилия, чтобы уничтожить ее, и только тогда она уйдет».

Как вы говорили, вы боролись с жадностью на протяжении многих лет, и вы все еще не свободны от нее. Не говорите, что вы недостаточно старались, что является очевидным ответом. Вы можете понять что-нибудь благодаря борьбе? Победить не значит понять. То, что вы побеждаете, нужно побеждать снова и снова, но есть освобождение от этого, которое является полным пониманием. Чтобы понимать, необходимо осознание процесса сопротивления. Сопротивляться намного легче, чем понимать, и к тому же нас обучают сопротивляться. При сопротивлении нет никакой надобности в наблюдении, соображении, общении. Сопротивление — это признак отупления ума. Ум, который сопротивляется, замкнут в себе и поэтому неспособен к чувствительности, к пониманию. Понимать суть сопротивления намного важнее, чем избавиться от жадности. На самом деле, вы не слушаете то, что говорится, вы обдумываете ваши различные обязательства, которые выросли из вашей многолетней борьбы и сопротивления. Вы теперь связаны обязательствами, и вокруг ваших обязательств, о которых вы, вероятно, читали лекции и писали, вы собрали друзей. Вы вложили средства в вашего мастера, который помог вам сопротивляться. Поэтому ваше прошлое мешает вам слушать то, о чем говорится.

«Я и согласен и не согласен с вами», — заметил он.

Что и указывает, что вы не слушаете. Вы взвешиваете ваши обязательства по отношению того, что говорится, что не означает слушать. Вы боитесь слушать и поэтому вы находитесь в противоречии, соглашаясь и в то же самое время не соглашаясь.

«Вы, наверное, правы, — сказал он, — но я не могу отбросить все, что я приобретал: моих друзей, мои знания, мой опыт. Я знаю, что я должен отбросить, но я просто не могу, и это так».

Противоречие в нем теперь станет больше, чем когда-либо, поскольку, когда вы однажды осознаете то, что есть, даже если неохотно, и отрицаете это из-за ваших обязательств, устанавливается глубокое противоречие. Это противоречие — дуальность. Не может быть никакого соединения противопоставленных желаний, а если придумывается связка, то это — сопротивление, которое является последовательностью. Только в понимании того, что есть, появляется освобождение от того, что есть.

Это странно, но факт, что последователи любят, чтобы над ними измывались и управляли, мягко или грубо. Они думают, что грубое обращение — это часть их обучения, обучения духовному успеху. Желание быть обиженным, чтобы быть грубо расшевеленным, является частью удовольствия от причиненной боли. И эта взаимная деградация лидера и последователя — результат желания ощущений. Именно из-за того, что вы хотите более острых ощущений, вы следуете за кем-то и так создаете лидера, гуру. И ради этого нового удовлетворения вы жертвуете, переносите дискомфорт, оскорбления и неодобрение. Все это является частью взаимного использования, это не имеет ничего общего с действительностью и никогда не приведет к счастью.

«Горы заставили меня замолчать, — сказала она. — Я взбиралась на Ингадайн, и ее красота сделала меня совершенно молчаливой. Я безмолвно стояла, любуясь чудом всего этого. Это было великолепное переживание. Жаль, что я не могу удержать эту тишину, это проживание, яркую, движущуюся тишину. Когда вы говорите о тишине, я предполагаю, что вы подразумеваете этот необычайный опыт, который я пережила. Я действительно хотела бы знать, ссылаетесь ли вы на эти же самые свойства тишины, какие я испытала. Впечатление от этой тишины длилось в течение долгого периода, и теперь я возвращаюсь к нему, я пробую вновь уловить ее и прожить в ней».

Вас сделала молчаливой Ингадайн, кого-нибудь другого — красивые человеческие формы, а третьего — мастер, книга или выпивка. Из-за внешнего побуждения личность сжимается до ощущения, которое называют тишиной и которое чрезвычайно радостно. Задача красоты и великолепия состоит в том, чтобы отогнать ежедневные проблемы и противоречия, быть отдушиной. Из-за внешнего влияния временно ум заставляют замолчать. Это возможно благодаря новому переживанию, новому восхищению, а ум потом возвращается к этому как к воспоминанию, когда он больше не испытывает это. Остаться в горах, естественно, невозможно, поскольку нужно вернуться на работу. Но искать то состояние покоя действительно возможно в некой иной форме стимулирования, в выпивке, в человеке или в идее, что и делает большинство из нас. Эти различные формы возбуждения — это средства, благодаря которым ум заставляют замолчать. Так что средства становятся существенными, важными, и мы привязываемся к ним. Поскольку средства дают нам наслаждение тишиной, они становятся доминирующими в наших жизнях, они — наш приобретенный интерес, психологическая потребность, которую мы защищаем и ради которой, если необходимо, мы уничтожаем друг друга. Средства занимают место переживания, которое теперь является только воспоминанием.

Стимуляторы могут варьироваться, каждый приобретает значимость согласно состоянию человека. Но есть схожесть во всех стимуляторах: желание убежать от того, что есть, от нашей повседневной рутины, от взаимоотношений, которые уже изжили себя, и от знаний, которые всегда застаиваются. Вы выбираете один вид спасения, а я другой, и мой особый метод всегда принимается за более разумный, чем ваш. Но любое бегство в виде идеала, кино или церкви является вредным, приводящим к иллюзии и обману. Психологическое бегство гораздо более вредно, чем открытое, будучи более изощренным и запутанным и поэтому более трудным для обнаружения. Тишина, которая вызвана стимулированием, тишина, которая выпестована дисциплиной, контролем, противлением, активным или пассивным, является результатом, следствием, и поэтому не творческая. Она мертвая.

Существует тишина, которая не является реакцией, откликом, тишина, которая не есть результат стимулирования, ощущения, тишина, которая не воссоздана из памяти, не умозаключение. Она возникает, когда понят процесс мышления. Мысль — это отклик памяти, определенных выводов, осознанных или бессознательных. Такая память диктует поступки в зависимости от получаемых удовольствия или боли. Таким образом, действие управляется идеями, и, следовательно, между действием и идеей существует конфликт. Этот конфликт всегда внутри нас, как только он усиливается, появляется побуждение избавиться от него. Но до тех пор, пока этот конфликт не понят и разрешен, любая попытка освободиться от него есть бегство. Пока действие приближено к идее, конфликт неизбежен. Только, когда действие свободно от идеи, противоречия прекращаются по-настоящему.

Но как действие вообще может когда-либо быть свободно от идеи? Конечно же, не может

быть никакого действия, не возникни оно вначале в воображении. Действие следует за идеей, и я никак не могу представить себе действие, которое не является результатом идеи».

Идея — это плод памяти. Идея — это вербальное оформление памяти. Идея — это неадекватная реакция на брошенный вызов, на жизнь. Адекватный ответ на жизнь — это действие, а не воображение. Мы отвечаем в воображении, чтобы оградить нас от действия. Идеи ограничивают действие. В пространстве идей есть безопасность, а в действии нет, поэтому действие сделалось подвластным идее. Идея — это самозащитный ограничитель для действия. При остром переломном моменте, кризисе проявляется прямое действие, освобожденное от идеи. Именно против этого спонтанного действия ум держит себя в строгости. И так как у большинства из нас ум является доминирующим, идеи выступают как тормоз для действия, и, следовательно, существует трение между действием и воображением.

«Я обнаруживаю, что мой ум витает где-то в том счастливом переживании на Ингадайн. Действительно ли это побег, чтобы вновь пережить тот опыт в памяти?»

Конечно. Настоящая ваша жизнь в настоящем: эта переполненная улица, ваше дело, ваши теперешние отношения. Если бы они были приятны и давали удовлетворение, Ингадайн исчезла бы. Но поскольку реальное является запутанным и болезненным, вы обращаетесь к переживанию, которое является завершенным и мертвым. Вы можете помнить тот опыт, но он окончен. Вы возвращаете ему жизнь только через память. Это похоже на накачивание жизни в мертвое существо. Как только настоящее становится унылым, бессмысленным, мы обращаемся к прошлому или вглядываемся в самоспроецированное будущее. Это бегство от настоящего неизбежно ведет к иллюзии. Увидеть настоящее, каким оно фактически является, без осуждения или оправдания, означает понять то, что есть, и тогда появляется действие, которое вызывает преобразование в том, что есть.

Проблемы и бегство от них

«У меня много острых проблем, и я, кажется, делаю их более мучительными и болезненными, пробуя решить их. Я — в тупике и не знаю, что сделать. Вдобавок ко всему этому, я глухая и должна использовать эти дурацкие штуки как помощь для своего слуха. У меня есть дети и муж, который оставил меня. Я по-настоящему беспокоюсь о своих детях, поскольку я хочу, чтобы они избежали всех бедствий, через которые я прошла».

Как стремимся мы найти ответ на наши проблемы! Мы так жаждем найти ответ, что не можем изучить проблему. Это мешает нашему спокойному наблюдению за проблемой. Важна проблема, а не ответ. Если мы ищем ответа, мы найдем его, но проблема сохранится, поскольку ответ неуместен для проблемы. Наш поиск — это спасение от проблемы, а решение — внешнее избавление, так что здесь нет никакого понимания проблемы. Все проблемы возникают из одного источника, и при непонимании источника любая попытка решить проблемы будет только вести к дальнейшему замешательству и страданию. Нужно сначала четко определиться, что ваше намерение понять проблему является серьезным, что освобождение от всех проблем является необходимостью. И только тогда можно приблизиться к тому, что порождает проблемы. Без освобождения от проблем не будет спокойствия. А спокойствие важно для счастья, которое само по себе не есть цель. Как затихает водоем, когда прекращается ветер, так и ум затихает с прекращением проблем. Но ум нельзя заставить успокоиться, если это сделать, он загнивает, он становится похож на застоявшийся водоем. Когда это становится ясным, тогда можно наблюдать то, что порождает проблемы. Наблюдение должно быть спокойным, а не согласно какому-то намеченному плану, основанному на удовольствии и боли.

«Но вы просите невозможного! Наше образование учит наш ум различать, сравнивать, судить, выбирать, и очень трудно не осуждать или не оправдывать то, что мы наблюдаем. Как можно освободиться от этих условий и спокойно наблюдать?»

Как вы понимаете, это спокойное наблюдение, пассивное осознание необходимо для понимания, ведь тогда истинность вашего восприятия освобождает вас от заднего фона. Только, когда вы не понимаете непосредственную потребность пассивного и все же внимательного осознания, возникает вопрос «как» и поиск средства избавления от заднего фона. Освобождает истина, а не средство или система. Нужно постичь суть, что только лишь спокойное наблюдение дает понимание. Лишь тогда только вы свободны от осуждения и оправдания. Когда вы видите опасность, вы не спрашиваете, как вам избежать ее. Вы спрашиваете «как», потому что вы не видите необходимости в том, чтобы быть пассивно осознающим. Почему вы не видите потребность в этом?

«Я хочу, но я никогда не задумывалась над этим прежде. Все, что я могу сказать, это то, что я хочу избавиться от моих проблем, потому что они настоящая пытка для меня. Я хочу быть счастливой, как любой другой человек».

Сознательно или подсознательно мы отказываемся видеть существование того, чтобы быть пассивно осознающим, потому что мы в действительности не хотим отпустить наши проблемы. Чем же мы будем без них? Мы предпочитаем цепляться за то, что мы знаем, как бы ни было это болезненно, чем рисковать поиском чего-то, что может привести, бог знает куда. С проблемами, по крайней мере, мы знакомы, но мысль о поиске их создателя, незнание того, куда это может привести, создает в нас страх и уныние. Ум растерялся бы без беспокойства из-за проблем, он питается проблемами, будь они мировые или бытовые, политические или личные, религиозные или идеологические. Таким образом, наши проблемы делают нас мелочными и ограниченными. Ум, который поглощен мировыми проблемами, является столь же мелочным, как и ум, который

волнуется о своем духовном продвижении. Проблемы обременяют ум страхом, поскольку проблемы усиливают «я», «мне» и «мое». Без проблем, без достижений и неудач нет «я».

«Но без «я» как можно существовать вообще? Это источник всех действий».

Пока действие является результатом желания, памяти, страха, удовольствия и боли, оно неизбежно будет порождать противоречие, беспорядок и антагонизм. Наше действие — это результат нашего состояния на любом уровне. А наш отклик на брошенный вызов, будучи неадекватным и неполным, должен вызвать противоречие, чем и является проблема. Противоречие — это сама структура «я». Возможно жить полностью без противоречий, конфликтов, жадности, страхов, успеха. Но эта возможность будет просто теоретической, а не фактической, пока конфликт не будет обнаружен прямым переживанием. Существовать без жадности возможно только, когда поняты мотивы «я».

«Вы думаете, что моя глухота из-за моих страхов и подавленности? Доктора уверили меня, что нет в моем организме никаких отклонений. А есть ли какая-нибудь возможность восстановления моего слуха? Всю свою жизнь я была так или иначе подавлена, я никогда не делала ничего, что бы мне действительно хотелось сделать».

Внутреннее и внешнее легче подавить, чем понять. Понимать трудно, особенно для тех, кто прошел через тяжелые условия в детстве. Хотя подавление и напрягает, но оно становится привычным делом. Понимание никогда невозможно превратить в привычку, рутину, оно требует постоянной настороженности, внимательности. Чтобы понимать, необходима гибкость, чувствительность, теплота, которая не имеет никакого отношения к сентиментальности. Подавление в любой форме не ускоряет осознания. Это самый легкий и самый глупый способ справляться с первыми реакциями. Подавление — это соответствие идее, образцу, и оно предлагает внешнюю безопасность, уважение. Понимание освобождает, а подавление всегда ограничивает, замыкает в себе. Боязнь авторитета, ненадежности собственного мнения создает идеологическое убежище с его физиологическим союзником, к помощи которого обращается ум. Это убежище, на каком бы уровне оно ни находилось, вечно удерживает страх, и из-за страха проявляется подмена ценностей, возвеличивание или строгость к себе, которые все являются формами сдерживания. Сдерживание должно найти выход, это может быть физическая болезнь или какая-нибудь идеологическая иллюзия. Цену каждый платит в соответствии со своим характером и особенностями.

«Я заметила, что всякий раз, когда мне приходится слышать кое-что неприятное, я нахожу убежище в этом своем приспособлении, которое таким образом помогает мне убежать в свой собственный мир. Но как освободиться от сдержанности многих лет? Разве не потребуется долгое время?»

Это не вопрос времени, копания в прошлом или тщательного анализа. Это вопрос понимания сути сдержанности. Если быть пассивно осознающим весь процесс сдержанности, без необходимости какого-либо выбора, суть его становится тут же ясна. Суть сдержанности нельзя обнаружить, если мы думаем понятиями «вчера» и «завтра», истину нельзя постигать с помощью временного подхода. Истина — это не то, что достигается. Ее замечают или не замечают, ее нельзя постичь постепенно. Воля к освобождению от сдерживания — это помеха для понимания его сути, поскольку воля — это желание, положительное или отрицательное, а при желании не может быть пассивного осознания. Именно желание или стремление вызвало сдерживание. И это то самое желание, хотя теперь названное волей, никогда не сможет освободить себя от своего собственного создания. Опять же, суть воли должна быть воспринята через пассивное и все-таки внимательное осознание. Анализирующий является частью анализируемого, хотя он может отделить себя от этого. А поскольку он в зависимости от того, что анализирует, он не может освободить себя от этого. Снова суть этого должна быть понята.

Именно истина освобождает, а не воля и усилие.

Что есть и что должно быть

«Я замужем и имею детей, — сказала она, — но я, кажется, растеряла всю любовь. Я медленно увядаю. Хотя я занимаюсь социальными делами, они своего рода времяпрепровождение, и я понимаю их тщетность. Кажется, ничто глубоко и полностью не интересует меня. Я взяла недавно длительный отпуск от своих семейных дел и общественной работы, и я пробовала рисовать, но делала я это не от души. Я чувствую себя совершенно мертвой, лишенной творчества, угнетенной и очень разочарованной. Я все еще молода, но будущее кажется мне полной тьмой. Я подумывала о самоубийстве, но все же я понимаю совершенную его бессмысленность. Я все более и более запутываюсь, а мое разочарование, кажется, не имеет никакого предела».

Что вас смущает? Ваша проблема из-за взаимоотношений?

«Нет, я прошла через это и вышла из этого не совсем разбитой. Но я в растерянности, и ничто, кажется, не удовлетворяет меня».

У вас есть определенная проблема, или вы просто недовольны вообще? Возможно, там где-то глубоко в вас есть небольшое беспокойство, какой-то страх, и, вероятно, вы не осознаете его. Вы хотите знать, что это?

«Да, именно поэтому я пришла к вам. Это действительно не может так продолжаться. Все, кажется, потеряло всякий смысл, и я периодически сильно заболеваю».

Ваша болезнь может быть бегством от себя самой, от ваших условий жизни.

«Я абсолютно уверена, что так и есть. Но что же мне делать? Я действительно совершенно в отчаянии. Прежде, чем я уйду, я должна найти выход из всего этого».

Заключается ли противоречие между двумя реальностями или между реальным и вымышленным? Ваше недовольство — это простая неудовлетворенность, которую легко удовлетворить, или это действительно беспричинное страдание? Неудовлетворенность скоро находит специфический канал, через который оно находит удовлетворение. Неудовлетворенность быстро находит источники питания, но недовольство не может успокоиться от мысли. Разве это так называемое недовольство является результатом ненайденного удовлетворения? Если бы вы нашли удовлетворение, ваше недовольство исчезло бы? Так ли это, что вы действительно ищете некоторое постоянное удовлетворение?

«Нет, не так. В действительности я не ищу никакого удовлетворения, по крайней мере, я так не думаю. Все, что я знаю, это то, что я в растерянности и в противоречивом положении, и я, кажется, не найду выхода из этого».

Когда вы говорите, что вы находитесь в противоречивом положении, это должно относиться к чему-то: к вашему мужу, вашим детям, вашим действиям. Если, как вы говорите, ваше противоречие не связано ни с одним из них, то оно может быть только, между тем, чем вы являетесь, и тем, чем вы хотите быть, между фактическим и идеалом, между тем, что есть, и мифом о том, что должно быть. У вас есть идея относительно того, чем вы должны быть, и, возможно, противоречие и растерянность являются результатом желания вписаться в этот самоспроецированный образец. Вы изо всех сил пытаетесь быть кем-то, кем вы не являетесь. Это так?

«Я начинаю понимать, из-за чего я в растерянности. Я думаю, то, что вы говорите, правда».

Противоречие есть между фактическим и выдумкой, между тем, чем вы являетесь, и тем, чем бы вам хотелось быть. Надуманный образ взращивался с детства и прогрессивно расширялся и углублялся, вырастая в отличие от фактического, и постоянно изменялся в зависимости от обстоятельств. Этот вымышленный образ, подобно всем идеалам, целям, утопиям, находится в

противоречии с тем, что есть, скрытым, фактическим. Так что вымышленный образ — это бегство от того, кто вы есть. Это бегство неизбежно порождает пустое противоречие двух противоположностей. А любое противоречие, внутреннее или внешнее, является тщетным, бесполезным, глупым, порождая растерянность и неприятие.

Итак, если можно сказать так, ваше замешательство является результатом противоречия между тем, чем вы являетесь, и выдуманном образом того, кем вы должны быть. Выдумка, идеал являются нереальными, это самоспроецированное бегство, оно не относится к подлинному. Подлинно то, кем вы являетесь. То, кем вы являетесь, намного важнее, чем то, каковы вы должны быть. Вы можете понять только то, что есть, вы не можете понять то, что должно быть. Не существует понимания иллюзии, существует только понимание того, каким образом она возникает. Выдумка, фикция, идеал не имеют никакого обоснования, это результат, следствие. И что является важным, это понимание процесса, благодаря которому оно возникло.

Чтобы понять, кто вы есть, приятно это или неприятно, необходимо избавиться полностью от выдумки, идеала, от самоспроецированного будущего состояния. Только тогда вы сможете принять то, что есть. Чтобы понимать то, что есть, необходимо освободиться от всего, что отвлекает внимание. Отвлечение внимания — это осуждение или оправдание того, что есть. Отвлечение внимания — это сравнение, это — сопротивление или строгость по отношению к фактическому. Отвлечение внимания — это само усилие или принуждение к пониманию. Любое отвлечение внимания — это помеха для быстрого следования за тем, что есть. То, что есть, не является неподвижным, оно находится в постоянном движении, и, чтобы следовать за ним, ум не должен быть привязан ни к какой вере, ни к какой надежде на успех или страху неудачи. Только пассивное и все же внимательное осознание может раскрыть то, что есть. Это раскрытие не зависит от времени.

Противоречие

Он был хорошо известным и авторитетным политическим деятелем, несколько высокомерным и из-за этого нетерпеливым. Будучи весьма образованным, он был довольно нуден и уклончив в представлении себя. Он не мог позволить себе быть остроумным, поскольку он был очень увлечен улаживанием. Он был публикой, государством, властью. Он говорил бегло, и сама эта беглость казалась неуместной. Он был неподкупен, и поэтому удерживал свою публику. Ему было необычайно неудобно сидеть в этой комнате: политик отошел в сторону, а тут остался человек, нервничающий и осознающий себя как есть. Хвастовство, самоуверенность прошли, и остались взволнованное любопытство, раздумье и самоизобличение.

Через окно проникали послеполуденное солнце, а также шум уличного движения. Попугаи, словно ярко зеленые вспышки света, возвращались после своего дневного вылета, чтобы обосноваться на ночь в безопасности среди деревьев города, тех очень больших деревьев, которые можно найти вдоль дорог и в частных садах. Когда попугаи летели, они издавали отвратительный визг. Они никогда не летели по прямой линии, а снижались, поднимались или двигались в стороны, вечно болтая и трезвоня. Их полет и их крики противоречили их собственной красоте. Далеко в море виднелся единственный белый парус. Маленькая группа людей заполнила комнату, создавая контраст цвета и мысли. Небольшая собака вошла, посмотрела вокруг и вышла, почти не замеченная. Звонил колокол храма.

«Почему в нашей жизни есть противоречия? — спросил он. — Мы говорим об идеалах мира, отказа от насилия, и все же закладываем фундамент войны. Мы должны быть реалистами, а не мечтателями. Мы хотим мира, и все же наши ежедневные действия, в конечном счете, приводят к войне, мы хотим света, и мы все же закрываем окно. Сам процесс нашего мышления есть противоречие, хотите ли вы этого или не хотите. Это противоречие, вероятно, свойственно нашей природе, и поэтому довольно безнадежно пробовать объединить все в себе, быть целым. Любовь и ненависть всегда, кажется, идут вместе. Из-за чего это противоречие? Действительно ли оно неизбежно? Можно ли избежать его? Может современное государство быть полностью сторонником мира? Может ли оно позволить себе быть полностью сторонником чего-то одного? Нет, оно должно трудиться ради мира и все же готовиться к войне, цель — это мир через готовность к войне».

Почему у нас есть исходный пункт, идеал, отклонение от которого создает противоречие? Если бы не было никакого исходного пункта, никакого умозаключения, тогда не было бы никакого противоречия. Мы устанавливаем исходный пункт, а затем блуждаем где-то далеко от него, что и рассматривают как противоречие. Мы приходим к выводу через окольные пути и на различных уровнях и затем пробуем жить в соответствии с этим умозаключением или идеалом. Поскольку у нас не получается, возникает противоречие. А затем мы пробуем соединить исходное, идеал, умозаключение с мыслью или действием, которые противоречат им. Это соединение называют последовательностью. И как мы восхищаемся человеком, который последователен, кто придерживается своих умозаключений, своего идеала! Такого человека мы считаем святым. Но безумцы также последовательны, они также придерживаются своих умозаключений. Нет никакого противоречия в человеке, чувствующем себя Наполеоном, он является воплощением собственного умозаключения. А человек, который полностью отождествил себя со своим собственным идеалом, очевидно неуравновешен.

К умозаключению, названному нами идеалом, можно прийти на любом уровне, возможно, сознательно или бессознательно. И раз придя к нему, мы пробуем приблизить наше действие к нему, что вызывает противоречие. Что важно, это не как бы соответствовать образцу, идеалу, а

обнаружить, почему мы породили этот исходный пункт, это умозаключение. Поскольку, если бы мы не имели никакого образца, тогда противоречие исчезло бы. Тогда зачем нам идеал, умозаключение? Разве идеал не предотвращает действие? Разве идеал не возникает, чтобы изменить действие, управлять действием? Разве невозможно действовать без идеала? Идеал — отклик подноготного, условного, и так что он никогда не сможет быть средством освобождения человека от конфликта и смущения. Напротив, идеал, умозаключение увеличивает разделение между человеком и человеком и таким образом ускоряет процесс разъединения.

Если нет никакого исходного пункта, никакого идеала, от которого можно отклониться, не будет никакого противоречия с его побуждением следовать ему. Тогда есть только действие от мгновения до мгновения, и это действие будет всегда законченным и верным. Верное не значит идеальное, выдуманное, а подлинное. Понять и иметь дело можно только с подлинным. Понимание подлинного не может породить вражду, как это делают идеалы. Идеалы никогда не смогут вызвать коренной переворот, а только лишь видоизмененное продолжение старого. Коренной и постоянный переворот происходит только в действии от мгновения до мгновения, которое не основывается на идеале, и поэтому свободно от умозаключения.

«Но государством нельзя управлять по этому принципу. Должна быть цель, запланированное действие, усилие, сконцентрированное на специфической проблеме. То, что вы говорите, может быть применено к индивидууму, и я вижу для себя лично в этом большие возможности. Но это не работает в общественном взаимодействии».

Запланированное действие нуждается в постоянной переделке, необходимо подстраиваться под изменяющиеся обстоятельства. Действие согласно установленному проекту будет неизбежно терпеть неудачу, если вы не учитываете физические факты и психологическое давление. Если вы планируете строить мост, вы должны не только сделать его проект, но вам необходимо изучить почву, ландшафт, где его собираются построить, иначе ваше планирование не будет соответствовать действительности. Действие может быть завершённым только, когда все физические факты и психологическое напряжение целостного человеческого процесса поняты, и это понимание ни от какого проекта не зависит. Оно требует быстрого реагирования, что есть интеллект. И только, когда нет никакого интеллекта, мы обращаемся к умозаключениям, идеалам, целям. Государство не является статичным. Его лидеры — возможно, но государство, подобно индивидууму, живет динамично, а то, что является динамичным, не может быть помещено в смиренную рубашку проекта. Обычно мы строим стены вокруг государства, стены умозаключений, идеалов, надеясь связать его. Но живое существо нельзя связать, не убив его, поэтому мы продолжаем убивать государство и затем лепить его согласно нашему проекту, согласно идеалу. Только мертвую вещь можно заставить соответствовать образцу, и, поскольку жизнь находится в постоянном движении, противоречие возникает в тот миг, когда мы пытаемся приспособить жизнь к образцу или умозаключению. Соответствие образцу есть распад индивидуума и государства на составляющие. Идеал не превышает жизни, и когда мы делаем его таковым, появляется беспорядок, антагонизм и страдание.

Солнце ярко освещало белую стену напротив, и ее слепящий свет делал лица неясными. Маленькая девочка без материнского наставления подошла и села рядом. Она удивлялась всему происходящему широко открытыми глазами. Она недавно искупалась и оделась, и в ее волосах были какие-то цветы. Она внимательно наблюдала за всем, как это делают дети, не запоминая слишком много. Ее глаза искрились, и она совсем не знала, что сделать, плакать ли, смеяться или подскакивать. Вместо этого она взяла мою руку и смотрела на нее с поглощающим интересом. Теперь она забыла обо всех людях в комнате, расслабилась и уснула, положив свою голову на мои колени. Ее голова имела правильную форму и хорошо держалась, она была безупречно чиста. Ее будущее было столь же запутанным и столь же несчастным, как и у других в этой комнате. Противоречие и горе для нее были столь же неизбежны, как то солнце на стене. Для того, чтобы быть свободным от боли и страдания, необходим высочайший интеллект, а ее образование и оказываемое на нее влияние позаботятся о том, чтобы у нее не было этого интеллекта. Любовь настолько редка в этом мире, как огонь без дыма. Дым все одолевает, все удушает, приносит мучения и слезы. Из-за дыма редко увидишь огонь. И, когда дым становится наиважнейшим, огонь умирает. Без этого огня любви жизнь не имеет никакого значения, она становится унылой и утомительной. Но не может быть огня в чернеющем дыме. Эти двое не могут существовать вместе. Дым должен прекратиться, чтобы возникло яркое пламя. Огонь — не соперник дыма, у огня нет соперника. Дым — это не огонь, он не может содержать в себе огонь. И при этом дым не указывает на присутствие пламени, поскольку пламя независимо от дыма.

«Разве любовь и ненависть не могут существовать вместе? Разве ревность — это не признак любви? Мы держимся за руки, а затем в следующую минуту ругаемся. Мы говорим жестокие вещи, но вскоре обнимаемся. Мы ссоримся, затем поцелуемся — и мы помирились. Разве все это не любовь? Само проявление ревности — признак любви. Кажется, что они идут вместе, подобно свету и темноте. Вспышка ярости и нежность — это разве не полнота любви? Река является и бурной, и спокойной, она течет через тень и солнечный свет, и в этом есть прелесть реки».

Что это, что мы называем любовью? Это все пространство ревности, разврата, резких слов, ласки, сплетенных рук, ссор и примирений. Это явления той сферы так называемой любви. Злость и ласка — ежедневные явления в этой сфере, разве не так? И мы пытаемся установить отношения между разными явлениями или сравниваем одно явление с другим. Мы используем одно явление, чтобы в пределах той же самой сферы осуждать или оправдывать другое или мы пробуем установить отношения между явлением в пределах этой сферы и чем-то вне ее. Мы не рассматриваем каждое явление отдельно, а пробуем найти взаимосвязь между ними. Почему мы делаем это? Мы можем понять явление только, когда не используем другое явление в той же самой сфере как посредника для понимания, что просто порождает противоречие и беспорядок. Но почему мы сравниваем различные явления в одной и той же сфере? Почему мы переносим значение одного явления, чтобы компенсировать или объяснить другое?

«Я начинаю улавливать то, что вы имеете в виду. Но почему мы делаем это?»

Понимаем ли мы явление через призму идеи, через призму памяти? Я понимаю ревность, потому что я держал вас за руку? Держание руки — это явление и ревность — тоже явление. Но понимаю ли я процесс ревности, только потому, что у меня есть воспоминание, как я держал вашу руку? Действительно ли память является помощницей понимания? Память сравнивает, изменяет, осуждает, оправдывает или отождествляет, но она не может принести понимание. Мы

подходим к явлениям в сфере так называемой любви через идею, через умозаключение. Мы не принимаем явление ревности так, как оно есть, и не наблюдаем за ним молча, а хотим вертеть явлением, равняясь на образец, на умозаключение. И мы подходим к нему таким способом, потому что мы в действительности не желаем понимать явление ревности. Ощущения от ревности столь же стимулирующие, как и от ласки. Но мы хотим стимулирования без боли и дискомфорта, которые неизменно следуют за ревностью. Поэтому в пределах этой сферы, которую мы называем любовью, существует конфликт, смущение и противостояние. Но разве это любовь? Действительно ли любовь — это идея, ощущение, стимулирование? Любовь — это ревность?

«Разве действительность не содержится в иллюзии? Разве тьма не охватывает или не скрывает свет? Разве в неволе нет бога?»

Это просто идеи, мнения, так что они не имеют под собой никакого основания. Такие идеи только порождают вражду, они не охватывают или содержат в себе реальность. Где есть свет, нет тьмы. Тьма не может скрыть свет, если же она скрывает его, то света нет. Где есть ревность, там нет любви. Идея не может охватить любовь. Чтобы стать общностью, должна быть взаимосвязь. Любовь не взаимосвязана с идеей, и поэтому идея не может иметь общность с любовью. Любовь — это пламя без дыма.

Спонтанность

Она была среди группы людей, которые пришли для обсуждения одного серьезного вопроса. Она, должно быть, пришла из любопытства, или ее привела с собой подруга. Хорошо одетая, она держала себя с некоторым достоинством и, очевидно, считала себя очень хорошенькой. Она полностью осознавала себя: осознавала свое тело, свою внешность, свои волосы и впечатление, которое она производила на других. Ее манеры были выработаны, и время от времени она меняла положение, которое она, должно быть, тщательно продумывала. Сама ее внешность говорила о том, что долго выработывала свою позу, которую она была намерена принять независимо от того, что случится. Остальные начали говорить о серьезных вещах, и в течение целого часа или больше она сохраняла свою позу. Среди всех тех серьезных и поглощенных лиц было видно эту осознающую себя девушку, старающуюся следить за тем, что говорилось и участвовать в обсуждении. Но она не проронила ни словечка. Она хотела показать, что она также понимала проблему, которая обсуждалась. Но в ее глазах было смущение, поскольку она была неспособна принять участие в серьезной беседе. Было видно, что она вскоре ушла в себя, все еще поддерживая долго культивируемую позу. Спонтанность усердно разрушалась.

Каждый придумывает себе позу. Существует походка и поза преуспевающего делового человека, улыбка того, кто только что приехал откуда-нибудь, существует взгляд и поза художника, есть поза почтительного ученика и поза живущего в строгости отшельника. Подобно этой осознающей себя девушке, так называемый религиозный человек принимает позу, позу самодисциплинированности, которую он усердно выпестовал благодаря отречениям и жертвам. Она приносит в жертву спонтанность ради впечатления, и он жертвует собой, чтобы достигнуть желаемого результата. Оба заинтересованы в результате, но на различных уровнях. И хотя его результат можно считать социально более выгодным, чем ее, по сути, они подобны, один не лучше другого. Оба они невежественны, поскольку оба показывают мелочность ума. Мелочный ум всегда мелочен. Его нельзя сделать обогащенным, изобилующим. Хотя такой ум может приукрасить себя или стремится приобрести достоинство, он остается тем, каков он есть: мелочной пустышкой, а через так называемый рост, опыт он может быть обогащен только его собственной мелочностью. Уродливую вещь нельзя превратить в красивую. Бог мелочного ума — это мелочный бог. Неглубокий ум не станет бездонным, приукрасив себя знанием и умными фразами, произнесением мудрых слов или нарядив внешность. Приукрашенность, внутренняя или внешняя, не создаст глубинный ум. И именно эта глубинность ума придает красоту, а не драгоценности или напыщенное достоинство. Для того, чтобы появилась красота, ум должен непринужденно осознавать свою собственную мелочность. Должно возникнуть понимание, в котором полностью бы прекратилось сравнение.

Искусственно созданная поза девушки и строгая поза такюется одинаково вымученными результатами мелочного ума, поскольку оба отрицают важность спонтанности. Оба боятся спонтанного, поскольку оно показывает их такими, как они есть, и себе, и другим. Оба устремили свои помыслы на уничтожение ее, а мерилom их успеха является их полное соответствие выбранному образцу или умозаключению. Но спонтанность — это единственный ключ, который открывает дверь к тому, что есть. Непринужденный ответ раскрывает ум таким, как он есть. Но то, что обнаружено, немедленно приукрашивается или разрушается, так что спонтанности приходит конец. Уничтожение спонтанности — это путь мелочного ума, который потом на любом уровне приукрашает внешнее. И это искусственное оформление есть поклонение себе. Только при спонтанности, при свободе может возникнуть открытие. Дисциплинированный ум не может делать открытия. Он может функционировать для

произведения эффекта, а, следовательно, он не может раскрыть глубинное. Именно страх создает сопротивление, названное дисциплинированностью. Но непринужденное обнаружение страха — это освобождение от страха. Соответствие образцу, на любом уровне, является страхом, который только порождает противоречие, смущение и противостояние. Но протестующий ум не является бесстрашным, поскольку противостояние никогда не сможет познать непринужденность, свободу.

Без спонтанности не может быть никакого самопознания. Без самопознания ум подстраивается под мимолетные влияния. Эти мимолетные влияния могут сделать ум узким или расширенным, но все это все же в пределах сферы этого влияния. То, что сопоставлено, может быть разрушено, а то, что не сопоставляется, может быть узно только через самопознание. Наше эго сопоставлено, и только в разъединении эго может быть познано то, что не является результатом влияния, что не имеет никакой причины.

Сознательное и подсознательное

Он был одновременно и бизнесменом, и политическим деятелем, и был очень успешен и там, и тут. Он говорил, смеясь, что бизнес и политика составляли отличную комбинацию. И в то же самое время он был искренним человеком, немного странным и суеверным. Всякий раз, когда у него появлялось свободное время, он частенько читал священные писания и повторял множество раз определенные слова, что, он считал, принесут исцеление. Эти слова давали его душе покой, говорил он. Он был престарелого возраста и очень богат, но он не был щедр ни рукой, ни сердцем. Было ясно, что он хитер и расчетлив, и все же было в нем стремление к чему-то большему, чем материальный успех. Жизнь едва касалась его, поскольку он очень тщательно охранял себя от всякого притязания. Он сделал себя неуязвимым в физическом, так же как и в психологическом отношении. В психологическом отношении он отказывался видеть себя таким, каков он был, и он мог вполне это себе позволить. Но это начинало сказываться на нем. Когда он не был бдителен, у него появлялся взгляд загнанного в тупик человека. Материально он был в безопасности, по крайней мере, пока оставалось существующее правительство и не было революции. Он также хотел сделать свой вклад ради собственной безопасности в так называемом духовном мире, и именно поэтому он играл с идеями, принимая идеи за что-то духовное, реальное. В нем не было и никакой любви, разве что к его многочисленному имуществу. Он цеплялся за него, как ребенок цепляется за свою мать, потому что у него ничего иного не было. До него медленно доходило, что он был очень несчастным человеком. Даже осознания этого он избегал как можно дольше. Но жизнь давила на него.

Когда проблема сознательно неразрешима, разве подсознательное берется за нее и помогает решать ее? Что такое сознательное и что такое подсознательное? Есть четкая граница, где конец одного и начало другого? Есть ли у сознательного предел, за который оно не может пойти? Может ли оно ограничить себя своими собственными границами? Является ли подсознательное чем-то отделенным от сознательного? Действительно ли они несхожи? Когда одно неэффективно, начинает ли функционировать другое?

Что является тем, что мы называем сознательным? Чтобы понять, из чего же оно состоит, мы должны понаблюдать, как мы сознательно подходим к проблеме. Большинство из нас пробует искать ответ на проблему. Мы заинтересованы в решении, а не в проблеме. Мы хотим получить вывод, мы ищем выход из проблемы. Мы хотим избежать проблемы через ответ, через решение. Мы не наблюдаем непосредственно саму проблему, а нащупываем удовлетворяющий ответ. Все наше сознательное беспокойство в целом состоит из поиска решения, удовлетворяющего умозаключения. Часто мы действительно находим удовлетворяющий нас ответ, и тогда мы думаем, что решили проблему. Фактически то, что мы сделали, это скрыли проблему под умозаключением, удовлетворяющим ответом. Но проблема осталась под грузом умозаключения, которое временно сгладило ее. Поиск ответа — это уклонение от проблемы. Когда нет никакого удовлетворяющего ответа, сознательное или высшее мышление прекращает искать его. И затем так называемое подсознательное, более глубинное мышление приступает к делу и находит ответ.

Сознательное мышление, очевидно, ищет выход из проблемы, а выход — это удовлетворяющее умозаключение. Разве само сознательное мышление не состоит из умозаключений, активных или пассивных, и разве оно способно искать что-то другое? Разве поверхностный разум — это не склад умозаключений, являющихся остатками опытов, отпечатками прошлого? Конечно, сознательное мышление состоит из прошлого, оно основано на прошлом, поскольку память — это материал для умозаключений. И с этими

умозаключениями ум находит подход к проблеме. Он неспособен к рассмотрению проблемы без призмы собственных умозаключений. Он не может изучать, молча осознавать саму проблему. Он знает только умозаключения, приятные или неприятные, и он способен только присоединить к себе последующие умозаключения, последующие идеи, последующие устоявшиеся мысли. Любое умозаключение — это идея-фикс, и сознательное мышление неизбежно будет искать умозаключение.

Когда ум не может найти удовлетворяющее умозаключение, сознательное мышление прекращает поиск, и таким образом оно становится спокойным. И успокоенному поверхностному уму подсознательное подсовывает ответ. Теперь, действительно ли подсознание, глубинное мышление отличается по своей характеристике от сознательного мышления? Разве подсознательное также не состоит из расовых, групповых и социальных умозаключений, воспоминаний? Конечно, подсознательное — это также результат прошлого, времени, только оно подавлено и находится в ожидании. И когда его призывают, оно подбрасывает свои собственные скрытые умозаключения. Если они удовлетворительны, поверхностный ум принимает их, он устало откладывает проблему, которая постепенно разъедает ум. За этим следуют болезнь и безумие.

Поверхностное и глубинное мышление не различаются. Оба они состоят из умозаключений, воспоминаний, оба они есть результат прошлого. Они могут добыть ответ, умозаключение, но они неспособны разрешать проблемы. Проблема разрешается только, когда и поверхностное, и глубинное мышление затихают, когда они не проецируют положительные или отрицательные умозаключения. Освобождение от проблемы возникает только, когда целостный ум совершенно спокоен, непринужденно осознавая проблему, поскольку только тогда нет того, кто порождает проблемы.

Река была полной и бурной, шириной в несколько миль в некоторых местах, и было восхитительно смотреть на такое количество воды. На севере располагались зеленые холмы, посвежевшие после шторма. Было приятно видеть могучий изгиб реки с белыми парусниками на ней. Паруса были большие и треугольные, и при раннем утреннем свете в них было какое-то очарование, они, казалось, появлялись из-под воды. Шум дня еще не начался, и с противоположного берега реки доносилась песня лодочника, пересекавшего водный поток. В тот час его песня, казалось, заполнила землю, а все другие звуки умолкли, даже свист поезда стал приглушенным и терпимым.

Постепенно в деревне поднялся шум: громкие ссоры у фонтана, блеяние коз, мычание коров, просящих, чтобы их подоили, скрежет тяжелых телег по дороге, пронзительный крик ворон, плач и смех детей. И так родился еще один день. Солнце было над пальмами, обезьяны сидели на стене, а их длинные хвосты почти касались земли. Они были крупные, но очень робкие. У них были черные морды и черные лапы, и, хотя они на вид были сообразительны, они не были столь же умны и хитры, как маленькие обезьяны.

«Почему мысли так навязчивы? Они кажутся такими беспокойными, такими чересчур настойчивыми. Делайте, что хотите, а они всегда будут активными, подобно тем обезьянам, а сама их деятельность будет истощать. Вы не можете убежать от мысли, она неуклонно преследует вас. Вы пробуете подавить ее, но несколько секунд спустя она снова выскакивает. Она никогда не успокаивается, никогда не отдыхает. Она всегда преследует что-то, всегда анализирует, всегда терзает себя. Во сне или наяву мысль находится в постоянной суете, и, кажется, она не знает никакого покоя, никакого отдыха». Она может думать о покое и пытаться быть спокойной, принуждая себя успокоиться. Но может ли сама по себе мысль быть спокойной? Разве мысль по своей природе не беспокойна? Разве мысль — это не постоянный отклик на постоянно бросаемый вызов? Вызовы никогда не прекратятся, потому что каждое движение жизни — это вызов. И если нет никакого осознания вызова, то наступает упадок, смерть. Вызов и отклик — это и есть путь жизни. Ответ может быть соответствующим или несоответствующим, и именно такое несоответствие отклика брошенному вызову провоцирует неугомонность мысли. Вызов требует действия, а не болтовни. Болтовня — это мысль. Слово, символ задерживают действие, а идея — это слово, как и память — тоже слово. Памяти нет без символа, без слова. Память — это слово, мысль, а может ли мысль быть истинным откликом на вызов? Разве вызов — это идея? Вызов является всегда новым, свежим, а может ли мысль или идея когда-либо быть новыми? Когда мысль встречает вызов, который является вечно новым, разве ее отклик не есть результат старого, прошлого?

Когда старое встречается с новым, встреча является неизбежно незаконченной. И этой незаконченностью является мысль с ее беспокойным поиском законченности. Может ли мысль, идея быть когда-либо завершенной? Мысль и идея являются ответом памяти, а память вечно незакончена. Опыт — это отклик на брошенный вызов. Этот отклик обусловлен прошлым, памятью. Такой отклик только усиливает условность. Опыт не освобождает, он усиливает веру, память, и именно эта память отвечает на вызов. Так что опыт условен.

«Но где место мысли?»

Вы имеете в виду, какое место занимает мысль в действии? Имеет ли какую-либо функции в действии идея? Идея становится фактором в действии, чтобы изменять его, управлять им, формировать его, но идея — это не действие. Идея и вера являются гарантией против действия. Они занимают место контролера, изменяя и видоизменяя действие. Идея — это образец для

действия.

«А может быть действие без образца?»

Нет, если стремитесь к результату. Действие по отношению к predetermined цели — это не действие вообще, а соответствие вере, идее. Если стремиться к соответствию, то возникает мысль, идея. Функция мысли — создать образец для так называемого действия, и таким образом уничтожить действие. Большинство из нас заинтересовано в уничтожении действия, а помогают уничтожать его идея, вера, догма. Действие подразумевает открытость, чувственность по отношению к неизвестному, а мысль, вера, которые являются известным, это эффективный барьер для неизвестного. Мысль никогда не сможет проникнуть в неизвестное. Она должна остановиться для того, чтобы возникло неизвестное. Действие неизвестного — вне предела досягаемости действия мысли, и мысль, осознавая это сознательно или подсознательно, цепляется за известное. Известное всегда отвечает неизвестному, вызову. И из-за этого несоответствия отклику возникает противоречие, замешательство и страдание. Только, когда известное, идея останавливаются, может возникнуть действие неизвестного, которое является неизмеримым.

Чувство собственности

Он привел с собой свою жену, так как сказал, что это их общая проблема. У нее были яркие глаза, и она была маленькой, бодрой и довольно-таки встревоженной. Это были простые, дружелюбные люди. Он хорошо говорил по-английски, а она только могла попытаться понять и задавать простые вопросы. Когда это становилось немного сложным, она поворачивалась к своему мужу, и он объяснялся с ней на их собственном языке. Он сказал, что они были женаты в течение более двадцати пяти лет и имели несколько детей, и что их проблемой не были дети, а борьба между собой. Он объяснил, что у него была работа, приносящая ему скромный доход, и продолжил, рассказывая, как трудно жить спокойно в этом мире, особенно когда вы женаты. Он не жалуется, добавил он, но это было именно так. Он делал все, что должен был делать настоящий муж, по крайней мере, он надеялся, что это так, но не всегда это было легко.

Им было трудно начать с главного, и они рассказывали о разных пустяках некоторое время: об образовании их детей, о браках дочерей, о трате денег на церемонии, о недавней смерти в семье и так далее. Они чувствовали себя непринужденно и не торопились, поскольку было приятно поговорить с кем-то, кто будет слушать и кто, возможно, сможет понять.

Кто захочет слушать о неприятностях другого? У нас так много собственных проблем, что мы совершенно не имеем времени на проблемы других. Чтобы заставить другого слушать, вам придется заплатить или деньгами, или молитвой, или верой. Профессионал выслушает, это его работа, но это не принесет никакого длительного облегчения. Мы хотим освободиться от собственного груза свободно, непринужденно, без каких-либо сожалений впоследствии. Очищение путем признания не зависит от того, кто слушает, а от того, кто желает открыть свое сердце. Открыть сердце важно, и оно найдет кого-то, возможно, даже нищего, которому оно сможет излить себя. Разговор с целью углубления в себя никогда не сможет открыть сердце. Он замыкает, зажимает и совершенно бесполезен. Быть открытым — значит слушать не только себя самого, но и каждое влияющее явление, каждое движение внутри вас. Это возможно, а может и нет — сделать что-то осязаемое по поводу того, что вы слышите, но сам факт того, что вы открыты, приводит к естественному взаимодействию. Такое слушание очищает ваше собственное сердце, отмывая его от продуктов ума. Слушать умом — это домысел, в этом случае ни для вас, ни для другого никакого облегчения не будет. Или это просто продолжение боли, что является глупостью.

Неторопливо они добивались-таки до сути.

«Мы пришли, чтобы поговорить о нашей проблеме. Мы ревнуем, я — нет, но она — да. Хотя она раньше не была так открыто ревнива, как теперь, но намек на это был всегда. Я не считаю, что я когда-либо давал ей какую-нибудь причину ревновать, но она находит причину».

Вы думаете, что есть какая-нибудь причина для того, чтобы ревновать? Есть ли причина для ревности? И исчезнет ли ревность, когда причина станет известна? Разве вы не заметили, что, даже когда вы знаете причину, ревность продолжается? Давайте не будем искать причину, а начнем понимать саму ревность. Как вы говорите, можно уцепиться почти за что угодно, чтобы стать завистливым. Зависть — вот что нужно понять, а не то, из-за чего она появляется.

«Ревность была во мне долгое время. Я не очень хорошо знала своего мужа, когда мы поженились, ну вы знаете, как это все происходит. Ревность постепенно появлялась, подобно дыму на кухне».

Ревность — один из способов удержать мужчину или женщину, не так ли? Чем больше мы ревнуем, тем больше чувство обладания. Обладание чем-то делает нас счастливыми. Назвать что-то, даже собаку, исключительно нашей собственностью означает почувствовать себя

приятно и комфортно. Быть единственными в нашем обладании придает нам гарантию и уверенность в нас самих. Иметь что-либо значит для нас быть важным. Именно за эту важность мы цепляемся. Мысль о том, что мы владеем не карандашом или домом, а человеком, заставляет нас чувствовать себя еще более сильными и удивительно удовлетворенными. Зависть возникает не из-за кого-то другого, а из-за ценности, важности нас самих.

«Но я не важна, я никто, мой муж — это все, что у меня есть. Даже мои дети не в счет».

У всех у нас есть только одно, за что мы цепляемся, хотя оно принимает различные формы. Вы цепляетесь за вашего мужа, другие за своих детей, а третьи за какую-нибудь веру. Но намерение то же самое. Без объекта, за которым мы цепляемся, мы чувствуем себя так безнадежно потерянными, не так ли? Мы боимся почувствовать себя в полном одиночестве. Этот страх и есть ревность, ненависть, боль. Между завистью и ненавистью нет большого различия.

«Но мы любим друг друга».

Тогда, как вы можете ревновать? Мы не любим, и это неприятная часть во всем этом. Вы используете вашего мужа, как и он использует вас, чтобы быть счастливыми, иметь сотоварища, не чувствовать себя одиноко. Вы можете не обладать многим, но, по крайней мере, у вас есть кто — то, с кем можно быть. Эту взаимную потребность и использование мы называем любовью.

«Но это ужасно».

Это не ужасно, только мы никогда не присматриваемся к этому. Мы называем это ужасным, даем этому название и быстро отворачиваемся, что вы и делаете.

«Я знаю, но я не хочу понимать. Я хочу, чтобы во мне все продолжалось так, как есть, даже притом, что это означает остаться ревнивой, потому что я не могу в жизни понять ничего другого».

Если бы вы поняли еще кое-что, вы больше не ревновали бы вашего мужа, не так ли? Но вы бы уцепились за другую вещь так, как сейчас цепляетесь за вашего мужа, так что вы ревновали бы это тоже. Вы хотите найти замену вашему мужу, а не освобождения от ревности. Все мы такие: прежде, чем мы бросаем одну вещь, мы хотим быть полностью уверенными относительно другой. Когда вы совсем неуверенны, тогда только нет места для зависти. Зависть появляется тогда, когда есть уверенность, когда вы чувствуете, что у вас есть что-то. Исключительность — это чувство уверенности. Иметь значит быть завистливым. Чувство собственности порождает ненависть. Мы на самом деле ненавидим то, чем мы обладаем, что проявляется в ревности. Где есть обладание, там никогда не может быть любви. Обладать означает уничтожить любовь.

«Я начинаю понимать. На самом деле я никогда не любила своего мужа, верно? Я начинаю понимать». И она зарыдала.

Чувство собственного достоинства

Она пришла с тремя ее друзьями. Все они были серьезные и держались с достоинством интеллигентов. Один быстро все схватывал, другой был слишком нетерпелив, а третий был заинтересован, но его заинтересованность не была постоянной. Они составляли хорошую компанию, поскольку все они разделяли проблему своей подруги, и никто ей не давал совета и не высказывал своего мнения. Они все хотели помочь ей сделать то, что она считала правильным, а не просто действовать согласно традиции, общественному мнению или личной склонности. Трудность состояла в том, чтобы определить, как поступить правильно. Сама она не была в себе уверена, она чувствовала себя обеспокоенно и была запутанна. Но действовать надо было немедленно. Решение надо было принимать, и она не могла дольше откладывать это. Это был вопрос освобождения от определенных взаимоотношений. Она хотела быть свободной, и она несколько раз повторила это.

В комнате стояла тишина. Сильное волнение спало, и они были все в нетерпении вникнуть в проблему без ожидания результата и определения правильного поступка. Как только проблема раскроется, правильное решение само собой придет, естественно и во всей полноте. Было важным открыть суть проблемы, а не найти единственно верное решение, поскольку любой ответ был бы только следующим умозаключением, еще одним мнением, еще одним советом, которые никоим образом не решат проблему. Нужно понять саму проблему, а не как отреагировать на проблему или что делать с ней. Важен был правильный подход к проблеме, потому что сама проблема содержала в себе правильное решение.

Вода в реке танцевала по созданной солнцем дорожке света. Белый парус пересек эту дорожку, но танец не нарушился. Это был танец искрящегося восторга. В деревьях было полно птиц, щебечущих, чистящих свои перышки и улетающих только, чтобы возвратиться снова. Несколько обезьян отрывали нежные листья и набивали ими свои рты. Под их весом тонкие ветви сгибались в вытянутые дуги, все же обезьяны держались с легкостью и не боялись. С какой непринужденностью они передвигались с ветки на ветку. Хотя они и перепрыгивали, этот прыжок туда-сюда был мгновенным движением. Вот они тут же вновь сидели со свешивающимися хвостами и тянулись за листьями. Они находились далеко наверху и не замечали проходящих внизу людей. Когда наступила темнота, прилетело около сотни попугаев, чтобы усесться на ночь среди густой листвы. Было видно, как они прилетали и исчезали в листве. Молодая луна была едва видима. Вдалеке свистел поезд, когда он пересекал длинный мост через изгиб реки. Эта река была священна, и люди проезжали далекие расстояния, чтобы искупаться в ней, чтобы смыть свои грехи. Любая река прекрасна и священна. А красота этой была в ее широте, крутых изгибах и островах песка между глубокими пространствами воды и в тех тихих белых парусниках, которые каждый день ходили вверх и вниз по реке.

«Я хочу освободиться от определенных отношений» — сказала она.

Что вы подразумеваете под желанием освободиться? Когда вы говорите: «я хочу освободиться», вы подразумеваете, что вы не свободны. Каким образом вы не свободны?

«Физически я свободна. Я свободно прихожу и ухожу, потому что физически я больше не жена. Но я хочу быть полностью свободной. Я не хочу иметь ничего общего с тем самым человеком».

Каким образом вы связаны с тем человеком, если вы уже физически свободны? Вы связаны с ним каким-то иным способом?

«Я не знаю, но у меня большое чувство обиды на него. Я не хочу иметь какое-либо

отношение к нему».

Вы хотите быть свободной, и все же у вас большое чувство обиды на него? Тогда вы не свободны от него. Почему у вас есть это чувство обиды на него?

«Я недавно обнаружила, каков он на самом деле: его подлость, его нелюбовь, его полный эгоизм. Я не могу рассказать вам, какой ужас я обнаружила в нем. Подумать только, что я ревновала его, что я боготворила его, что я покорялась ему! Обнаружив его глупость и коварство, когда я считала его идеальным мужем, любящим и добрым, я сильно обиделась на него. Мысль о том, что я имела с ним отношения, заставляет меня чувствовать себя грязной. Я хочу быть полностью свободной от него».

Вы можете быть физически свободной от него, но пока у вас большое чувство обиды на него, вы не свободны. Если вы ненавидите его, вы привязаны к нему. Если вы стыдитесь его, вы все еще поработаны им. Вы сердиты на него или на саму себя? Он — то, что он есть, и зачем злиться на него? Ваше чувство обиды действительно относится к нему? Или, увидев то, что есть, вы устыдились себя саму из-за того, что были связаны с ним? Конечно, вы обижены не на него, а на ваши собственные суждения, на ваши собственные действия. Вы стыдитесь самой себя. Не желая понять это, вы обвиняете его в том, каков он есть. Когда вы поймете, что ваше чувство обиды на него — это бегство от вашего собственного романтического обожествления, тогда он уйдет из вашей памяти. Вы стыдитесь не его, а себя из-за того, чтобы были связаны с ним. Именно на себя саму вы рассержены, а не на него.

«Да, это так».

Если вы действительно понимаете это, переживаете это как факт, то вы свободны от него. Он больше не является объектом вашей враждебности. Ненависть привязывает, так же как и любовь.

«Но как же мне освободиться от моего собственного стыда, от моей собственной глупости? Я очень ясно понимаю, что он тот, кем он является, и его нельзя винить. Но как мне освободиться от этого стыда, этого чувства обиды, которое медленно назревало во мне и вылилось во всей полноте в этой стрессовой ситуации? Как мне стереть прошлое?»

То, почему вы хотите стереть прошлое, имеет большее значения, чем знание, как стереть его. Намерение, с которым вы подходите к проблеме, более важно, чем знание, что делать с ней. Почему вы хотите стереть память об этих событиях?

«Мне не нравится вспоминать обо всех тех годах. Они оставили неприятный осадок в моей душе. Разве это недостаточно хорошая причина?»

Не совсем, не так ли? Почему вы хотите стереть те прошлые воспоминания? Конечно, не потому, что они оставили неприятный след в вашей душе. Даже если вы были способны с помощью каких-то средств стереть прошлое, вы могли бы снова попасться на поступках, которых вы будете стыдиться. Простое избавление от неприятных воспоминаний не решает проблему, не так ли?

«Я думала, что решает. Но в чем тогда проблема? Разве вы не излишне усложняете все? Все это и так уже достаточно запутано, по крайней мере, моя жизнь. Зачем добавлять сюда еще один ненужный груз?»

Мы добавляем еще один ненужный груз или мы пытаемся понять то, что есть, и освободиться от него? Пожалуйста, немного потерпите. Что это за убеждение, которое побуждает вас стереть прошлое? Оно может быть неприятным, но зачем же вы хотите стереть его из памяти? В вас есть некая идея или картинка о вас самих, которым эти воспоминания противоречат, и поэтому вы хотите избавиться от них. У вас есть определенная оценка вас самих, не так ли?

«Конечно, иначе...»

Все мы помещаем себя на различные уровни, а затем мы постоянно падаем с этих высот. Именно этих падений мы и стыдимся. Чувство собственного достоинства — причина нашего позора, нашего падения. Именно это чувство собственного достоинства нужно понимать, а не падение. Если нет никакого пьедестала, на который вы помещаете себя, какое тогда может быть падение? Почему вы помещаете себя на пьедестал, названный уважением к себе, человеческим достоинством, идеалом и тому подобным? Если вы сможете понять это, то не будет никакого стыда из-за прошлого. Все полностью пройдет. Вы будете той, кто вы есть, без пьедестала. Если пьедестала нет, нет той высоты, которая заставляет вас смотреть вниз или вверх, то вы есть то, чего вы всегда избегали. Именно это недопущение того, что есть, того, чем вы являетесь, вызывает смущение и антагонизм, стыд и негодование. Вы не должны говорить мне или другому, какая вы есть, но надо самой осознавать то, какая вы, независимо от того, приятно это или неприятно. Живите с этим, не оправдывая и не сопротивляясь этому. Живите с этим, не называя это, так как само определение — это осуждение или отождествление. Живите с этим без страха, так как страх мешает общности, а без общности вы не сможете жить с этим. Иметь общность означает любить. Без любви вы не можете стереть прошлое, в любви нет никакого прошлого. Любовь и время несовместимы.

Она проделала длинный путь, проехав через полмира. У нее был настороженный взгляд, в нем была какая-то недоверчивость, она как будто приоткрылась, чтобы тут же закрыться при любой попытке слишком глубокого проникновения. Она не была робка, но она не очень хотела, хотя и не сознательно, раскрывать свое внутреннее состояние. И все-таки ей хотелось поговорить о себе и своих проблемах, и она явно преодолела все это расстояние, чтобы сделать это. Она колебалась, сомневалась в своих словах, была отчужденной, и в то же самое время ей нетерпелось рассказать о себе. Она прочла много книг по психологии, и, поскольку она никогда не была у психолога, она была способна сама полностью исследовать себя. Она сказала, что фактически с детства привыкла анализировать свои собственные мысли и чувства.

Почему вы настолько поглощены самоанализом?

«Я не знаю, но я всегда делала это с тех пор, как я помню».

Действительно ли анализ — это способ защитить себя от нас самих, от эмоциональных взрывов и последующих сожалений?

«Я совершенно уверена, именно поэтому я анализирую, постоянно спрашиваю себя. Я не хочу пойматься в ловушку всего того беспорядка внутри меня, личного и общего. Это слишком отвратительно, и я не хочу допустить это. Теперь я понимаю, что я использовала анализ как средство сохранить себя невредимой, чтобы не впасть в общественную суету и суету семейной жизни».

Вам удавалось избежать быть пойманной в эту ловушку?

«Я не совсем уверена. По некоторым направлениям мне это удавалось, по другим, думаю, что нет. Рассказывая обо всем этом, я понимаю, какую необычную вещь я сделала. Я никогда прежде не смотрела на это все так ясно».

Почему вы защищаете себя так умно и от чего? Вы говорите, от беспорядка вокруг вас. Но что находится там, в этом беспорядке, от которого вам приходится защищать себя? Если это беспорядок, и вы ясно видите это таким, тогда вам не стоит охранять себя от него. Мы охраняем себя только, когда есть страх и непонимание. И так, чего вы боитесь?

«Я не считаю, что я боюсь. Я просто не хочу запутаться в горестях существования. У меня есть профессия, которая поддерживает меня, но я хочу быть свободной от остальной части запутанных ситуаций, и я думаю, что уже свободна».

Если вы не боитесь, то почему вы сопротивляетесь запутанным ситуациям? Каждый сопротивляется чему-то только, когда не знает, как поступить с этим. Если вы знаете, как работает двигатель, вы свободны от него. Если что-нибудь случится, вы можете починить его. Мы сопротивляемся тому, что мы не понимаем. Мы сопротивляемся беспорядку, злу, страданию, только когда мы не знаем его устройство, из чего оно состоит. Вы сопротивляетесь беспорядку, потому что не знаете о его устройстве, его составляющих. Почему вы не осознаете это?

«Но я никогда не думала об этом в таком смысле».

Только, когда вы находитесь в прямых отношениях со строением беспорядка, вы сможете знать о работе его механизма. Только, когда есть общность между двумя людьми, они понимают друг друга. Если они сопротивляются друг другу, никакого понимания нет. Общность или взаимоотношения могут существовать только, когда нет страха.

«Я понимаю, что вы имеете в виду».

Тогда чего вы боитесь?

«Что вы подразумеваете под страхом?»

Страх может существовать только во взаимоотношениях, страх не может существовать

отдельно, в изоляции. Нет такого понятия как абстрактный страх, есть страх известного или неизвестного, страх того, что сделано или что можно сделать, страх прошлого или будущего. Связь между тем, чем каждый является и чем желает быть вызывает страх. Страх возникает, когда фактическое трактуется вами самими с помощью таких понятий, как поощрение и наказание. Страх приходит с ответственностью и желанием освободиться от нее. В контрасте между болью и удовольствием существует страх. Страх существует в противоречии противоположностей. Поклонение успеху порождает страх неудачи. Страх — это умственный процесс борьбы за становление. Когда становишься добром, возникает страх зла, когда становишься единым с кем-то, появляется страх одиночества, когда становишься великим, появляется страх быть незначительным. Сравнение не есть понимание. Оно вызвано страхом неизвестного по отношению к известному. Страх — это неуверенность в поиске безопасности.

Усилие стать кем-то — это начало страха, страха быть или не быть. Ум, осадок от переживания — это всегда страх неизвестного брошенного вызова. Ум, который является именем, словом, памятью, может функционировать только в пределах сферы известного. А неизвестное, являющееся вызовом от мгновения до мгновения, отвергается или переводится умом в понятия известного. Это отвержение или перевод вызова в иную категорию есть страх, поскольку ум не может иметь никакой общности с неизвестным. Известное не может сообщаться с неизвестным. Известное должно раствориться для того, чтобы появилось неизвестное.

Ум — это породитель страха. И когда он анализирует страх, ища его причину, чтобы быть свободным от него, ум только далее изолирует себя и таким образом увеличивает страх. Когда вы используете анализ, чтобы противостоять беспорядку, вы увеличиваете силу сопротивления, а сопротивление беспорядку только увеличивает страх этого беспорядка, что мешает свободе. Свобода есть в общности, а не страхе.

«Как мне полюбить?»

Мы были высоко на склоне горы, люблюсь долиной, а большой ручей казался на солнце серебряной лентой. Местами солнце проникало через толстую листву, и стоял аромат множества цветов. Это было восхитительное утро, и на земле все еще была тяжелая роса. Душистый бриз дул через долину, принося отдаленный шум людей, звук колокольчиков и иногда морского гудка. Над долиной прямо вверх поднимался туман, и ветерок не был достаточно силен, чтобы рассеять его. Наблюдать за столбом тумана было увлекательно. Он возвышался от основания долины и пытался достать до самых небес, подобно этой древней сосне. Большая черная белка, которая ворчала на нас, бросила наконец это занятие и спустилась с дерева, чтобы опять разнюхивать, и затем частично удовлетворенная ушла, обходя нас стороной.

Его глаза были закрыты для всего этого. Он был поглощен сиюминутной проблемой, как он был поглощен своими проблемами прежде. Проблемы сменяли одна другую и вели в нем свою собственную жизнь. Он был очень богатым человеком. Он был тощим и грубым, но вид у него был непринужденный, с искусственной улыбкой. Теперь он смотрел на долину, но ее оживляющая красота не тронула его. Лицо его ничуть не смягчилось, линии оставались все еще жесткими и решительными. Он все еще охотился, не за деньги, а за тем, что он называл богом. Он вечно говорил о любви и боге. Он охотился далеко и повсюду, побывал у многих учителей, и, поскольку он старел, охота становилась более острой. Несколько раз он приходил обсудить эти вопросы, но в нем всегда оставался хитрый и расчетливый взгляд. Он постоянно взвешивал, во сколько ему обойдется найти бога, насколько дорогой окажется поездка. Он знал, что не сможет взять с собой то, что он имел. А мог ли он взять что-нибудь, деньги, например, которые имели ценность, туда, куда он шел? Он был сухим человеком, и в нем никогда не проявлялась щедрость ни сердца, ни руки. Он всегда очень сомневался, давать ли что-то сверху, он ощущал, что каждый был достоин своей участи, как был достоин он. И вот он был здесь тем утром, чтобы дальше познавать себя, поскольку назревали неприятности, а серьезные препятствия мешали его так или иначе успешной жизни. Богини успеха не было рядом.

«Я начинаю понимать, каков я, — сказал он. — Эти многие годы я изощренно противостоял вам и отвергал вас. Вы говорите плохо о богатых, вы рассказываете жестокие вещи о нас, и я был рассержен на вас. Но я был неспособен нанести вам встречный удар, поскольку я не могу добраться до вас. Я испробовал различные способы, но я не могу поднять на вас руку. Ну, что вы хотите, чтобы я сделал? Я мечтал бы, чтобы я никогда не слышал вас или не приближался к вам. Теперь у меня бессонные ночи, а прежде я всегда спал хорошо. Мне снятся мучительные сны, а раньше я вообще редко видел сны. Я боялся вас, я тихо проклинал вас, но время назад не вернуть. Что мне делать? У меня нет друзей, как вы заметили, и я не могу покупать их, как я раньше делал, я слишком открылся тому, что случилось. Возможно, я могу быть вашим другом. Вы предложили помощь, и вот я здесь. Что мне сделать?»

Раскрыться нелегко. И разве кто-то раскрыл себя? Разве кто-то открыл тот шкафчик, который так тщательно запер, наполнив его вещами, которые не хочет видеть? Действительно ли кто-то хочет открыть его и увидеть, что там?

«Я хочу, но как я должен поступить?»

Действительно ли кто-то хочет это сделать, или он просто играет с намерением? Однажды открыв, неважно насколько, его нельзя снова закрыть. Дверь будет всегда оставаться открытой, днем и ночью ее содержимое будет вываливаться. Можно пробовать убежать, как каждый и делает всегда, но она будет ждать и наблюдать. Неужели кто-то действительно хочет открыть ее?

«Конечно, я хочу, именно поэтому я пришел. Я должен взглянуть в лицо этому, ведь я собираюсь добраться до сути вещей. Что мне сделать?»

Откройте и посмотрите. Чтобы накопить богатство, нужно приносить вред, быть жестоким, жадным. Необходимы жестокость, хитрый расчет, непорядочность. Приходится стремиться к власти. Это эгоцентрическое действие, которое просто прикрыто такими приятно звучащими словами как ответственность, обязанность, эффективность, права.

«Да, все это так и более того. Никого никогда не брали в расчет: религиозное искание было простым прикрытием для респектабельности. Теперь, когда я смотрю на это, я вижу, что все вращалось вокруг меня. Я был центром, хотя и притворялся, что это не так. Я понимаю все это, но что же мне сделать?»

Сначала нужно признать вещи такими, каковы они есть. Но как может кто-то избавиться от этих вещей, если нет никакой привязанности, никакой любви, нет того огня без дыма? Именно один этот огонь выжжет содержимое шкафчика, и ничего другое. Никакой анализ, никакая жертва, никакой отказ не сможет сделать этого. Когда есть это пламя, тогда больше не будет жертвы, отказа. Тогда вы встретите шторм, не ожидая его.

«Но как мне полюбить? Я знаю, у меня нет теплоты к людям. Я был безжалостен, и рядом со мной нет тех, кто должен был быть здесь. Я совершенно одинок, и как же мне познать любовь? Я не дурак, чтобы думать, что я смогу заполучить ее каким-то сознательным поступком, купить ее, пожертвовав чем-то, отрекшись от чего-то. Я знаю, что никогда не любил, и понимаю, что если бы я любил, то не оказался бы в этой ситуации. Что же мне сделать? Мне отказаться от своей собственности, от своего богатства?»

Если вы обнаружите, что в саду, который вы так тщательно пестовали, растут только ядовитые сорняки, вы должны вырвать их с корнями. Вы должны сломить стены, которые прикрывали их. Вы, возможно, сделаете это, а, возможно, и нет, поскольку у вас обширные сады, ловко огороженные стеной и хорошо охраняемые. Вы сделаете это, если только не будет нужды чем-то поступиться. Но это нужно сделать, так как умереть богатым означает прожить напрасно. Но, кроме всего этого, должен быть огонь, который очистит ум и сердце, делая все явления новыми. Этот огонь не от ума, его нельзя искусственно разжечь. Можно устроить демонстрацию доброты, чтобы засиять, но это — не огонь. Деятельность, названная служением, хотя выгодная и необходимая, не есть любовь. Часто практикуемая и выпестованная терпимость, искусственно проявляемое сострадание церкви и храма, трогательная речь, добрый нрав, обоготворение спасителя, изображения идеала — ни одно из этого не является любовью.

«Я слушал и наблюдал, и я знаю, что нет никакой любви ни в одном из этих проявлений. Но мое сердце пусто, как же его наполнить? Что мне делать?»

Привязанность отрицает любовь. Любовь не найти в страдании. Хотя ревность сильна, она не может привязать любовь. Ощущения и удовлетворение от нее всегда заканчиваются. Но любовь неистоцима.

«Это просто слова для меня. Я ужасно измучился, поддержите меня».

Чтобы быть накормленным, должен быть голод. Если вы хотите есть, вы найдете пищу. Вы хотите есть или просто жаждете вкуса какой-то другой пищи? Если вы жаждете, вы найдете то, что удовлетворит вас. Но это скоро закончится и это не будет любовь.

«Ну что же мне делать?»

Вы продолжаете повторять этот вопрос. Что вы должны сделать — это неважно. Но необходимо осознавать то, что вы сейчас делаете. Вас беспокоит действие в будущем, а это способ избегать немедленного действия. Вы не хотите действовать, и поэтому вы продолжаете спрашивать, что же вам сделать. Вы снова хитрите, обманываете себя, и из-за этого ваше сердце пусто. Вы хотите заполнить его тем, что в вашем уме, но любовь не принадлежит уму. Пусть

ваше сердце будет пустым. Не заполняйте его словами, поступками, идущими от ума. Пусть ваше сердце будет совершенно пустым, тогда только оно наполнится.

Бесполезность результата

Они съехались из различных частей мира и обсуждали некоторые из проблем, с которыми сталкивается большинство из нас. Хорошо обсуждать вещи, но простые слова, умные доводы и обширные знания не приносят свободу от наболевших проблем. Интеллект и знания могут быть и часто действительно являются бесполезными, а, обнаружив их бесполезность, ум замолкает. В этом молчании приходит понимание проблемы. Но искать эту тишину означает породить другую проблему, другое противоречие. Объяснения, раскрытие причин, аналитические разборы проблемы, никоим образом не решат ее, поскольку ее нельзя решить умственным путем. Ум может только породить дальнейшие проблемы. Он может убежать от проблемы через объяснения, мыслеобразы, усилия. Но делайте, что хотите, а ум не сможет освободить себя от проблемы. Сам ум — это сфера, в которой проблемы и противоречия растут и умножаются. Мысль сама не может заставить себя замолчать. Она может прикрыться молчанием, но это только укрывательство и жеманство. Мысль может уничтожить себя карательным действием ради определенного результата. Но смерть не молчалива. Смерть более криклива, чем жизнь. Любое движение ума — помеха молчанию.

Через открытые окна доносилось смешение звуков: громкий разговор и ссора в деревне, мотор, выпускающий пар, крики детей и их непринужденный смех, грохот проезжающего грузовика, жужжание пчел, скрипучее карканье ворон. И среди всего этого шума в комнату вползала тишина, нежданная и незванная. Сквозь слова и доводы, сквозь непонимание и борьбу эта тишина раскидывала свои крылья. Эта тишина не приглушала шума, болтовни и слов. Чтобы вобрать в себя эту тишину, ум должен расстаться со своей способностью расширяться. Эта тишина свободна от всех принуждений, от соответствия, усилия. Она неистощима и поэтому вечно новая, вечно обновленная. Но слово — это не эта тишина.

Почему происходит так, что мы добиваемся результата, цели? Почему происходит так, что мы вечно стремимся к завершению? И почему бы уму и не стремиться к цели? Прибыв сюда, разве мы не ищем чего-то, некоего опыта, некоего восхищения? Мы утомлены и сыты по горло многими предметами, с которыми мы играли. Мы отвернулись от них, и теперь мы хотим поиграть с новой игрушкой. Мы идем от одной вещи к другой, подобно женщине, которая заглядывает в витрины магазинов, пока мы не находим то, что полностью удовлетворяет нас. И затем мы успокаиваемся, чтобы бездействовать. Мы вечно жаждем чего-нибудь. И, испробовав многие вещи, которые по большей части не удовлетворяли нас, мы теперь хотим самую последнюю вещь: бога, истину или то, что вы желаете. Мы хотим результата, нового переживания, нового ощущения, которое будет, несмотря на все, длиться. Мы никогда не осознаем бесполезность любого результата, а только лишь какого-то отдельного результата. Поэтому мы блуждаем от одного результата к другому, всегда надеясь найти тот, на котором весь поиск закончится.

Поиск результата и успеха связывает, ограничивает, он вечно приходит к завершению. Получение — это процесс окончания. Прибыть означает смерть. И все же, это именно то, что мы ищем, не так ли? Мы ищем смерть, только называем это результатом, целью, назначением. Мы хотим прибыть. Мы утомлены этой извечной борьбой, и мы хотим добраться туда — «туда», где бы оно ни находилось. Мы не видим расточительную пагубность борьбы, но через достижение результата желаем освободиться от нее. Мы не понимаем суть борьбы, противоречия и поэтому мы используем их как средство получения того, что мы хотим, самого удовлетворяющего. И то, что больше всего удовлетворяет, определено интенсивностью нашего недовольства. Это желание результата всегда заканчивается его достижением. Но мы хотим

«никогда не заканчиваемого» результата. Так в чем же наша проблема? Как освободиться от тяги к результатам, так ведь?

«Думаю, что так. Само желание быть свободным также является желанием результата, не так ли?»

Мы полностью запутаемся, если будем продолжать в том же духе. Не в том ли проблема, что мы не можем видеть бесполезность результата, на каком бы уровне он ни находился? Она ведь в этом? Давайте внимательно рассмотрим нашу проблему, а потом, возможно, мы окажемся способными понять ее. Разве вопрос в том, чтобы понять бесполезность одного результата и таким образом отказаться от желаний результатов? Если мы постигнем бесполезность одного вида бегства от проблем, то тогда все бегства станут напрасными. В этом наша проблема? Конечно, это не совсем так, не так ли? Возможно, мы сможем подойти к ней по-другому.

Разве опыт — это также не результат? Если нам нужно освободиться от результатов, разве мы не должны также быть свободными от опыта? Разве опыт — это не результат, не цель?

«Цель чего?»

Цель опыта. Опыт — это воспоминание о переживании, не так ли? Когда переживание заканчивается, появляется опыт, результат. Пока мы переживаем, никакого опыта нет. Опыт — всего лишь память о том, что прожито. Как только состояние переживания исчезает, начинается опыт. Опыт всегда мешает переживанию, проживанию. Результаты и опыты заканчиваются. Но переживание неистощимо. Когда неистощимому препятствует память, тогда начинается поиск результатов. Ум и результат всегда ищут цель, исход, а это означает смерть. Смерти нет, когда нет переживающего. Только тогда появляется неистощимое.

Желание блаженства

Единственное дерево на широкой зеленой лужайке было центром небольшого мирка, который включал в себя лес, дом и маленькое озеро. Вся окружающая территория, казалось, стекалась к этому дереву, которое было высоким и раскидистым. Оно, должно быть, было очень старо, но в нем присутствовала свежесть, как будто бы оно только что появилось. Ветки были жесткими и усохшими, но листья на них были безупречны, поблескивая на утреннем солнце. Поскольку оно было одиноко стоящим, все, казалось, стремилось к нему. Олени и фазаны, кролики и рогатый скот собирались в его тени, особенно в полдень. Симметрическая красота этого дерева придавала форму небу, и в раннем утреннем свете дерево, казалось, было единственным существом, которое жило. Из леса дерево казалось далеким. Но от дерева, леса, дома даже небо казалось близким, часто ощущалось, что можно было прикоснуться к проплывающим облакам.

Мы в течение некоторого времени просидели под тем деревом, когда он пришел, чтобы присоединиться к нам. Он серьезно интересовался медитацией и сказал, что он занимался ею много лет. Он не принадлежал ни к какой особой философской школе, и хотя, читал многие из христианских тайных учений, его больше тянуло к медитациям и практикам хинду и буддийских святых. Он рано понял, продолжал он, неактуальность аскетизма с его особой преданностью силе и ее культивированием через воздержание, и он с самого начала избегал всех крайностей. Однако он был строг к себе, постоянно занимался самоконтролем и был настроен понять тайное во время медитации и после нее. Он жил, как считалось, строгой нравственной жизнью, но это было не самым худшим, его вообще не привлекала повседневная жизнь. Когда-то он забавлялся мирскими вещами, но забава окончилась несколько лет назад. Он имел некое подобие работы, но она также была совсем несущественна для него.

Результат медитации — это и есть сама медитация. Поиск чего-то во время и после медитации — это достижение результата, а то, что достигается, снова теряется. Поиск результата — это продолжение собственной проекции. Результат, как бы он ни был велик, является проектированием желания. Медитация как средство, чтобы достичь, чтобы извлечь пользу, чтобы обнаружить, только придает силу медитирующему. Медитирующий — это сама медитация, а медитация — это понимание медитирующего.

«Я медитирую, чтобы найти наивысшую реальность или чтобы дать возможность этой реальности проявить себя. Не то, чтобы я ищу именно результат, я ищу ту благодать, которую иногда можно ощутить. Она есть, и, как измученный жаждой человек тянется к воде, я хочу того невыразимого блаженства. Та благодать бесконечно больше, чем вся радость, и я стремлюсь к ней, как к своему самому заветному желанию».

То есть, вы медитируете, чтобы получить то, что вы хотите. Чтобы достичь того, чего вы желаете, вы строго контролируете себя, следуете определенным правилам и инструкциям. Вы полностью выкладываетесь и следуете курсу с целью иметь то, что в конце этого. Вы надеетесь достигнуть определенных результатов, определенных хорошо обозначенных стадий в зависимости от упорства ваших усилий, и постепенно испытывать все большую и большую радость. Этот хорошо проложенный курс делает вас уверенным в финальном результате. Так что эта ваша медитация — это тщательно спланированное мероприятие, не так ли?

«Когда вы выставляете ее подобным образом, она действительно кажется, в поверхностном понимании, довольно-таки абсурдной. Но если вникнуть глубже, что ж в ней плохого? Что же плохого в поиске этого блаженства? Предполагаю, что я действительно хочу результата всех моих усилий. Но опять же, почему бы и нет?»

Это желание блаженства подразумевает, что блаженство это что-то окончательное, вечное, не так ли? Все предыдущие результаты были неудовлетворительными. Кое-кто рьяно преследовал мирские цели и понял их приходящую природу, а теперь кое-кто хочет вечно длящегося состояния, цели, которая не имеет никакого окончания. Ум ищет заключительное и нетленное убежище. Поэтому он дисциплинирует и тренирует себя, практикует некоторые добродетели, чтобы получить то, что требуется. Возможно, однажды он испытал то блаженство, и теперь он тоскует о нем. Подобно другим преследователям результатов, вы преследуете ваш, только вы поместили его на иной уровень. Вы можете назвать его высшим, но это не соответствует действительности. Результат означает окончание. Достижение подразумевает следующее усилие стать кем-то. Ум никогда не находится в покое, он всегда борется, всегда достигает, всегда получает и, конечно, всегда в страхе потери. Этот процесс называют медитацией. Может ум, который в ловушке бесконечного становления, осознать блаженство? Ум, который применяет к себе дисциплину, когда-либо быть свободным для получения той благодати? Из-за усилий и борьбы, из-за сопротивления и отвержения ум делает себя нечувствительным. И может ли такой ум быть открытым и чувствительным? Из-за желания того блаженства разве вы не построили стену вокруг себя, через которую не может проникнуть непредсказуемое, неизвестное? Разве вы фактически не отстранили себя от нового? От старого вы проложили путь к новому, а разве новое может содержаться в старом?

Ум никогда не сможет создать новое. Сам ум — это результат, а все результаты — продукты старого. Результаты не могут никогда быть новыми. Преследование результата никогда не может быть спонтанным. То, что является свободным, не может преследовать цель. Цель и идеал всегда являются проекцией ума, и естественно это не медитация. Медитация — это освобождение медитирующего, и лишь в свободе есть открытие, чувственность восприятия. Без свободы не может быть никакого блаженства. Но свобода не возникает благодаря строгости к себе самому. Строгость к себе порождает определенный образец свободы, а образец — уже не свобода. Для возникновения свободы образец нужно сломать. Разрушение устоявшейся формы — это медитация. Но такое разрушение устоявшейся модели не есть цель или желаемое. Устоявшаяся модель разрушается от мгновения до мгновения. Разрушенный промежуток времени — это забытый миг. Именно вспоминаемый момент создает форму устоявшейся модели, и только тогда появляется создатель устоявшейся модели, создатель всех проблем, противоречий, бедствий.

Медитация освобождает ум от его собственных мыслей на всех уровнях. Мысль создает думающего. Думающий неотделим от мысли, они единый процесс, а не два отдельных процесса. Отделенные, эти процессы только ведут к невежеству и иллюзии. Медитирующий есть сама медитация. Тогда ум уединяется, а его не заставляют быть в уединении. Он молчит, его не заставляют молчать. Только к уединившемуся может прийти беспричинное, только уединившемуся дается блаженство.

Все уединялось. Деревья уходили в свое собственное бытие, птицы складывали свои крылья, чтобы размышлять об их дневных блужданиях, река потеряла свое свечение, и воды больше не танцевали, а затихли и затаились. Горы были далекими и недоступными, и человек удалился в свое жилище. Наступила ночь, и возникла неподвижность отделенности. Не было никакой общности, каждый замкнулся в себе, обособился. Цветок, звук, разговор — все было скрыто, отдалено. Слышался смех, но он был обособленным и каким-то далеким, разговор был приглушенным и доносился откуда-то из помещения. Только звезды манили к себе, открытые и общительные, но они тоже были слишком далеко.

Мысль — всегда поверхностный отклик, она никогда не сможет ответить глубинно. Мысль — это всегда внешнее, мысль — всегда следствие, а размышление — это согласование следствий. Мысль всегда поверхностна, хотя она может занять место на различных уровнях. Мысль никогда не сможет проникать в глубокое, скрытое. Мысль не может выйти за пределы себя, и каждая попытка сделать это есть ее собственное расстройство.

«Что вы подразумеваете под мыслью?»

Мысль — ответ на любой вызов, мысль — это не действие, не выполнение. Мысль — это продукт, результат размышления, это результат воспоминания. Воспоминание — это мысль, а мысль — оформление воспоминания в слова. Воспоминание — это опыт. Умственный процесс — это сознательный процесс, как скрытый, так и открытый. Весь умственный процесс — это сознание. Бодрствующие и спящие, верхние и более глубокие уровни — все это части памяти, опыта. Мысль не является независимой. Не существует независимого размышления. «Независимое размышление» является противоречивым понятием. Мысль, будучи результатом, выступает против или соглашается, сравнивается или приспособливается, осуждает или оправдывает, и поэтому она никогда не сможет быть свободной. Результат никогда не может быть свободным. Он может крутиться, управлять, блуждать на каком-то расстоянии, но он не может быть свободным от его собственного якоря. Мысль стоит на якоре у памяти и никогда не может быть свободной для обнаружения сути проблемы.

«Вы хотите сказать, что мысль вообще не имеет никакой ценности?»

Ее ценность в согласовании результатов, но в ней нет никакой ценности как в средстве для действия. Действие — это переворот, а не согласование результатов. Действие, освобожденное от мысли, идеи, веры никогда не будет в пределах образца. В пределах образца может быть деятельность, и эта деятельность является либо насильственной, кровавой, или наоборот. Но это не действие. Противоположное — тоже не действие, это видоизмененное продолжение деятельности. Противоположное все еще находится в пределах области результата, и в преследовании противоположного мысль оказывается пойманной в сети ее собственных ответов. Действие — это не результат мысли, действие не имеет никакого отношения к мысли. Мысль или результат никогда не смогут создать новое. Новое длится от мгновения до мгновения, а мысль — это всегда старое, прошлое, обусловленное. У нее есть ценность, но нет свободы. Всякая ценность — это ограничение, оно связывает. Мысль связывает, поскольку ее лелеют.

«Какие взаимоотношения между сознанием и мыслью?»

Разве они не те же самые? Есть ли какое-нибудь различие между «думать» и «осознавать»? Думать — это отклик, а осознавать не такой же отклик? Когда кто-то осознает тот стул, это отклик на стимул, а разве мысль не отклик памяти на вызов? Именно этот отклик мы называем переживанием. Переживание — это вызов и отклик, и это переживание вместе с присвоенным

ему именем или запоминанием его, этот полный процесс на различных уровнях и является сознанием, разве нет? Опыт — это результат, продукт переживания. Результату дают название, само название — это умозаключение, одно из многих умозаключений, которые составляют память. Этот процесс умозаключения — это сознание. Умозаключение или результат являются самосознанием. «Я» — это память, множество умозаключений. А мысль — это отклик памяти. Мысль — это всегда умозаключения. Размышление приводит к умозаключению, и поэтому оно никогда не сможет быть свободно.

Мысль — это всегда поверхностное умозаключение. Сознание — это запись поверхностного. Поверхностное разделяет себя на внешнее и внутреннее, но это деление не делает мысль менее поверхностной.

«Но разве нет чего-то, что вне мысли, вне времени, чего-то, что не создано умом?»

Или вам рассказали о том состоянии, или вы прочитали о нем, или было переживание этого. Переживание никогда не сможет стать опытом, результатом. О нем нельзя подумать, а если можно, то это воспоминание, а не переживание. Вы можете повторить то, что вы прочли или слышали, но слово — не это же самое явление, и слово, повторение предотвращает состояние переживания. Такое состояние переживания не может возникнуть, пока есть мышление. Мысль, результат, следствие никогда не познают состояние переживания.

«Тогда, как заставить мысль не быть?»

Поймите суть того, что мысль, продукт известного, никогда не сможет быть в состоянии переживания. Переживание всегда ново, размышление всегда старо. Поймите суть этого, и истина принесет свободу, свободу от мысли, результата. Тогда возникнет то, что за пределами сознания, что не спит и не бодрствует, что всегда без названия: оно есть.

Самопожертвование

Он был очень толстым, но очень довольным собой. Он побывал несколько раз в тюрьме и был избит полицией, а теперь он был известным политиком и находился на пути становления министром. Он был на нескольких собраниях, сидя скромно, один среди многих. Но многие знали о нем, и он осознавал это. Когда он говорил, у него был властный голос, как будто с пьедестала. Множество людей взирали на него, а его голос снисходил до их уровня. Хотя он был среди них, он держался обособленно. Он был крупным политическим деятелем, его узнавали и смотрели заискивающе. Но уважение только доходило до какой-то определенной точки и никуда дальше. Каждый знал обо всем этом, когда началось обсуждение, и здесь воцарилась та специфическая атмосфера, которая возникает, когда известная персона находится среди аудитории, это была атмосфера удивления и ожидания, духа товарищества и подозрения, снисходительной отчужденности и удовольствия.

Он пришел с другом, и друг начал рассказывать о себе: сколько раз он сидел в тюрьме, избиениях, которым он подвергся, и огромных жертвах, которые он сделал ради свободы его страны. Он был богатым человеком, полностью европеизированным, с большим домом и садами, несколькими автомобилями и так далее. Поскольку друг рассказывал о деяниях большого человека, то есть себя, его голос наполнялся восхищением и почтением все более. Но сохранялось затаенное чувство, мысль, которая, казалось, говорила: «Может, он и не тот, за кого себя выдает, но, в конце концов, посмотрите на жертвы, которые он принес, по крайней мере, это уже что-то». Сам большой человек говорил об усовершенствовании, развитии гидроэлектричества, обеспечении процветания людей, текущей угрозе коммунизма, далеко идущих планах и целях. О человеке забыли, но оставались планы и идеологии.

Отречение, чтобы заполучить цель — это сделка, в этом нет никакого отречения, а только обмен. Самопожертвование — раздутие своего «я». Принесение в жертву «я» — это усовершенствование «я», но каким бы утонченным «я» ни сделало себя, оно все еще замкнуто, мелко, ограничено. Отречение ради цели, какой бы великой, грандиозной и важной она ни была, является заменой цели ради «я». Цель или идея превращается в это, «я» и «мое». Сознательная жертва — это раздутие «я»: отказ от чего-то ради того, чтобы снова получить что-то другое. Сознательная жертва — это пассивное самоутверждение «я». Отказ от чего-то — это иная форма приобретения. Вы отрекаетесь от этого с целью получить то. Это помещается на более низкий уровень, а то на более высокий уровень, и, чтобы получить высшее, вы «отказываетесь» от низшего. В этом процессе нет никакого отказа, а есть только получение большего удовлетворения, а в поиске большего удовлетворения нет никакого элемента жертвы. Зачем использовать праведно звучащее слово для приносящей удовлетворение деятельности, в которую все с удовольствием вовлекаются? Вы «оставили» ваше социальное положение, чтобы получить другой вид положения, и, возможно, вы теперь его имеете, так что ваша жертва принесла вам желаемое вознаграждение. Некоторые хотят свое вознаграждение на небесах, другие здесь и сейчас.

«Это вознаграждение досталось в ходе событий, но сознательно я никогда не искал вознаграждения, когда я впервые присоединился к этому движению».

Само присоединение к популярному или непопулярному движению — это само по себе удовлетворение, не так ли? Можно неосознанно присоединиться ради вознаграждения, но внутренние побуждения, которые вынуждают присоединиться, сложны, и без их понимания вряд ли кто-то сможет сказать, что не искал вознаграждения. Конечно, важно понять это побуждение отречься, жертвовать, не так ли? Почему мы хотим отказаться от чего-то? Чтобы ответить на

это, разве мы не должны сначала узнать, почему мы привязались к чему-то? Только, когда мы привязаны, мы говорим об отчуждении. Не было бы никакого усилия отказаться, если бы не было никакой привязанности. Не было бы никакого отречения, если бы не было никакого обладания. Мы обладаем и затем отрекаемся, чтобы обладать чем-то еще. Это последовательное отречение рассматривается как благородство и служение поучительным примером.

«Да, это так. Если не было никакого обладания, конечно, не было бы никакой потребности в отречении».

Итак, отречение, самопожертвование — это не жест величия, за который похвалят и который будут копировать. Мы обладаем, потому что без обладания мы ничто. То, чем мы владеем, многообразно и множественно. Тот, кто не обладает никакими материальными вещами, может привязаться к знанию, к идеям, другой может быть привязан к добродетели, третий к опыту, еще кто-то к имени и славе и так далее. Без обладания нет «я», а «я» и есть обладание, мебель, добродетель, имя. В своем страхе не быть ум присоединяется к имени, к ценностям. И он бросит их, чтобы быть на более высоком уровне, поскольку, чем мы выше, тем больше удовлетворения, тем больше постоянства нам обещают. Страх неопределенности, небытия способствует привязанности, обладанию. Когда обладание не удовлетворяет или болезненно, мы отказываемся от него ради более радостной привязанности. Наивысшим удовлетворяющим обладанием является слово «бог» или его замена: государство.

«Но это естественно, бояться быть ничем. Вы предполагаете, и я принимаю то, что нужно полюбить быть ничем».

Пока вы пытаетесь стать кем-то, пока вы охвачены чем-то, неизбежно будет конфликт, беспорядок и увеличивающееся страдание. Вы можете думать, что вы-то сами, при вашем достижении и успехе, не окажетесь в ловушке этого усиливающегося распада. Но вы не сможете избежать этого, поскольку вы и есть это. Ваши деятельность, ваши мысли, суется на противоречии и беспорядке и поэтому на процессе распада. Пока вы не желаете быть ничем, чем фактически вы являетесь, вы неизбежно будете порождать печаль и противостояние. Желание быть ничем — это не вопрос отречения, внутреннего или внешнего принуждения, а вопрос понимания сути того, что есть. Понимание сути того, что есть, приносит свободу от страха ненадежности, страха, который порождает привязанность и приводит к иллюзии отсоединения, отречения. Любовь к тому, что есть, является началом мудрости. Лишь одна любовь посвящает в это, одна она может объединять. А отречение и самопожертвование — это способы изоляции и иллюзии.

Весь день было тепло, и находиться снаружи было пыткой. Жар от дороги и воды, уже резкий и проникающий, белые дома делали еще более ярким, а земля, которая была зеленой, стала теперь ярко-рыжей и выжженной. Дождя не было в течение многих месяцев. Небольшой ручей высох и стал теперь извивающейся лентой песка. Несколько животных находились в тени деревьев, а мальчишка, приглядывающий за ними, сидел обособленно, бросая камни и напевая в своем одиночестве. Деревня располагалась на расстоянии в несколько миль, и он был предоставлен сам себе. Он явно недоедал и был худым, но веселым, и его песня не была слишком грустной.

За холмом стоял дом, и мы пришли к нему, когда солнце садилось. С крыши можно было видеть зеленые вершины пальм, простирающихся бесконечной волной к желтым пескам. Пальмы отбрасывали желтую тень, а их зелень была золотистой. За желтыми песками было зеленовато-серое море. Белые волны толпились на берегу, но глубокие воды были тихи. Облака над морем вбирали в себя все краски, хотя солнце садилось далеко от них. Вечерняя звезда только что показывалась. Подул прохладный бриз, но крыша была все еще теплой. Собралась небольшая группа, должно быть, они уже были здесь в течение некоторого времени.

«Я замужем и я мать нескольких детей, но я никогда не испытывала любовь. Я уже начинаю задаваться вопросом, существует ли она вообще. Мы знаем ощущения, страсть, восторг и чувственные удовольствия, но интересно, знаем ли мы любовь. Мы часто говорим, что любим, но всегда существует сдержанность. Физически мы можем не сдерживаться, поначалу мы можем отдаваться полностью, но даже тогда есть сдержанность. Дарение — это дарение чувств. Но то единственное, что можно дарить, оно не пробуждено, оно где-то далеко. Мы встречаемся и теряемся в дыме, но это — не огонь. Почему происходит так, что у нас нет огня? Почему огонь не горит без дыма? Интересно, стали ли мы слишком умными, слишком знающими, чтобы получать то благословение. Мне кажется, что я слишком хорошо начитанна, слишком современна и глупо поверхностна. Несмотря на умный разговор, мне кажется, что на самом деле я не мудра».

Но действительно ли это вопрос глупости? Действительно ли любовь — это яркий идеал, недостижимое, который становится достижимым, только если соблюдать определенные условия? Разве есть время на выполнение всех условий? Мы говорим о красоте, пишем о ней, рисуем ее, танцуем ее, проповедуем ее, но мы не красивы, не знаем мы и любовь. Мы знаем только слова.

Быть открытым и чувственным означает быть чувствительным, где есть сдерживание, там — нечувствительность. Чувственное — это что-то опасное, неуверенное в завтра. Открытое — это неявное, неизвестное. То, что является открытым и чувственным, красиво, то, что замкнуто в себе, — это неявное и нечувствительное. Глупость, как ум, является формой самозащиты. Мы открываем эту дверь, но держим другую закрытой, поскольку мы хотим свежего ветра только через особое отверстие. Мы никогда не выходим наружу или открываем все двери и окна одновременно. Чувствительность — это не то, что вы получаете, когда вам захочется. Унылое никогда не сможет стать чувствительным, унылое всегда унылое. Глупость никогда не сможет стать интеллектуальной. Сама попытка стать интеллектуальной глупа. Это одна из наших трудностей, не так ли? Мы всегда пробуем стать кем-то, поэтому глупость и остается.

«Тогда что же делать?»

Ничего не делайте, только будьте такой, какая вы есть, нечувствительной. Делать — означает избегать того, что есть, а избегать того, что есть, это величайшая форма глупости. Что бы с ней ни делали, глупость — это все еще глупость. Нечувствительное не может стать

чувствительным. Все, что оно может сделать, это осознать то, что есть, чтобы события того, что есть, разворачивались. Не мешайте нечувствительности, поскольку тот, кто мешает, нечувствителен, глуп. Слушайте, и она расскажет вам свою историю. Не интерпретируйте и не действуйте, а дослушайте историю до конца без прерывания или переосмысления. Только тогда возникнет действие. Неважно, что делать, а важно слушать.

Чтобы дарить, должно быть неистощимое. Сдержанность, которая дарит, — это всего лишь страх окончания, а только в окончании существует неистощимое. Дарение — это не окончание. Дарение — от многого или малого, а многое или малое ограничено, это дым, дарение и принятие. Дым — такое же желание, как ревность, гнев, разочарование. Дым — это страх времени, дым — это память, опыт. Нет никакого дарения, а только распространение дыма. Сдерживание неизбежно, поскольку на самом деле нет ничего, чтобы дарить. Делиться не означает давать. Осознание того, что даешь или делишься, приводит к концу общности. Дым — это не огонь, но мы принимаем его за огонь. Берегитесь дыма, вот что это. Не отогнав дым, не увидите огонь.

«Возможно ли получить тот огонь, или он только для избранных?»

Для немногих ли он или для многих, не суть важно, не так ли? Если мы пойдем этим путем, он может привести только к невежеству и иллюзии. Наше внимание приковано к огню. Может ли у вас возникнуть тот огонь, тот огонь без дыма? Узнайте, понаблюдайте тихо и терпеливо за дымом. Вы не сможете рассеять дым, поскольку вы и есть дым. Как только дым уйдет, возникнет огонь. Только этот огонь неистощим. Все имеет начало и окончание, оно вскоре истощается, изнашивается. Когда в сердце нет ничего от ума, а в уме нет мысли, тогда там возникает любовь. То, что пусто, неистощимо.

Сражение происходит не между огнем и дымом, а между различными откликами в клубах дыма. Огонь и дым никогда не могут противоречить друг другу. Чтобы противоречить, они должны состоять в определенных отношениях. А какие могут быть взаимоотношения между ними? Один появляется, когда другого нет.

Поглощенность ума

Это была узкая улица, переполненная людьми, но без слишком большого движения транспорта. Когда автобус или автомобиль проезжали, нужно было отходить к самому краю, почти к канаве. Там было несколько очень маленьких магазинов и маленький храм без дверей. Этот храм был исключительно чист, и там находились местные жители, хотя и не в большом количестве. У стены одного из магазинов сидел на земле мальчик, делающий гирлянды и маленькие букеты цветов. Должно быть, ему было двенадцать или четырнадцать лет. Нить была в маленькой фляге воды, а перед ним разложенные на влажной ткани в небольшие кучки лежали жасмин, несколько роз, ноготки и другие цветы. С ниткой в одной руке другой рукой он выбирал из ассортимента цветов. И быстрым, ловким скручиванием нити цветы были связаны, и букет был готов. Он почти не обращал внимание на то, что делали его руки, глаза его блуждали по проходящим мимо людям. Они улыбались при встрече кого-то знакомого, возвращались к его рукам и вновь отвлекались. Только что к нему присоединился другой мальчик, и они начали разговаривать и смеяться, но руки его никогда не оставляли свою работу. К тому времени образовалась настоящая кипа связанных цветов, но было немного рановато продавать их. Мальчик остановился, встал и ушел, но вскоре возвратился с другим мальчиком, помладше, чем он, возможно, его братом. Тогда он возобновил свое приятное занятие с той же самой непринужденностью и скоростью. Теперь повалил народ за покупками, поодиночке или компаниями. Они, должно быть, были его постоянными клиентами, поскольку были улыбки и обмен несколькими словами. С того времени он никогда не покидал своего места в течение более чем часа. Стоял аромат разных цветов, и мы улыбнулись друг другу.

Дорога вела к тропинке, а тропинка к дому.

Как мы привязаны к прошлому! Мы даже не привязаны к прошлому: мы и есть прошлое. И что за сложная штука это прошлое, одно за другим хаотичные воспоминания, такие лелеемые и такие грустные. Они преследуют нас день и ночь, но иногда бывают великие прорывы, проливающие ясный свет. Прошлое похоже на тень, делающую вещи тусклыми и неясными. В этой тени настоящее теряет свою яркость, свою свежесть, а завтра становится продолжением тени. Прошлое, настоящее и будущее связаны вместе длинной нитью памяти, вся связка — это память с небольшим благоуханием. Мысль перемещается через настоящее в будущее и снова назад. Подобно беспокойному животному, привязанному к шесту, она перемещается в пределах своего определенного радиуса, узкого или широкого, но она никогда не свободна от своей собственной тени. Такое движение — это поглощенность ума прошлым, настоящим и будущим. Ум и есть поглощенность. Если ум не поглощен, он прекращает существовать, сама его поглощенность — это его существование. Поглощенность оскорблением или лестью, богом или выпивкой, добродетелью или страстью, работой или самовыражением, сохранением или дарением — это все равно. Это — все еще поглощенность, беспокойство, неугомность. Быть поглощенным чем-либо, мебелью или богом, является состоянием мелочности, недалекости.

Поглощенность дает уму чувство деятельности, ощущение того, что он живет. Именно поэтому ум накапливает знания или отрекается, он поддерживает себя с помощью поглощенности. Ум должен быть занят чем-то. Чем он занят, это имеет небольшое значение, важным является то, что он увлечен, а лучшие увлечения имеют социальное значение. Быть поглощенным чем-то — это характерная природа ума, и из этого вытекает его деятельность. Быть поглощенным богом, государством, знанием является деятельностью поверхностного ума. Поглощенность чем-то подразумевает ограничение, и бог, порожденный умом, — поверхностный бог, как бы высоко ум его ни возносил. Без поглощенности ум не существует, и

страх не быть делает ум беспокойным и деятельным. Эта беспокойная деятельность принимает обличье жизни, но это не жизнь, она всегда ведет к смерти, к той смерти, которая является той же самой деятельностью в другой форме.

Мечта — это другое занятие ума, символ его неутомности. Мечтание — это продолжение сознательного состояния, продление того, что нереально в течение часов повседневной занятости. Деятельность и поверхностного, и глубинного мышления основана на увлечении чем-то. Такое мышление может осознать конец только как продолженное начало, оно никогда не сможет осознать окончание, а только результат, но результат вечно имеет продолжение. Поиск результата — это поиск продолжения. Ум или поглощенность не имеет никакого окончания, но только к тому, что имеет конец, может прийти новое, только к тому, что умирает, может прийти жизнь. Смерть поглощенности, ума является началом молчания, полного молчания. Между этим непостижимым молчанием и деятельностью ума нет никаких взаимоотношений. Чтобы возникли взаимоотношения, должен быть контакт, общность, но между молчанием и мышлением нет никакого контакта. Ум не может общаться с молчанием, он может контактировать только с его собственным придуманным им состоянием, которое он называет молчанием. Но такое молчание — это не молчание на самом деле, это просто другая форма поглощенности. Поглощенность — это не молчание. Молчание возникает только после смерти мысленной поглощенности молчанием.

Молчание — это вне пределов мечтания, вне пределов деятельности глубинного мышления. Глубинное мышление — это осадок, осадок прошлого, доступного или скрытого. Это остаточное прошлое не может переживать молчание. Оно может мечтать об этом, как оно это часто и делает, но мечта нереальна. Мечту часто принимают за реальность, но мечта и мечтатель — это поглощение мышлением. Мышление — это целостный процесс, а не отдельная часть. Полный процесс деятельности, накопленной и приобретенной, не может находиться в общности с той тишиной, которая является неистоцимой.

Прекращение мысли

Он был ученым, хорошо сведущим в древней литературе, и он взял за практику цитировать древних, чтобы приукрашать свои собственные мысли. Можно было задаться вопросом, имел ли он по-настоящему какие-нибудь мысли, не взятые из книг. Конечно, не существует независимой мысли, любая мысль зависима, обусловлена. Мысль — это оформление в слова стимулов. Думать — означает быть зависимым, мысль никогда не может быть свободой. Но он был заинтересован изучением, он был нагружен знаниями и превозносил их высоко. Он начал сразу же говорить на санскрите и был очень удивлен и даже несколько потрясен, обнаружив, что санскрит совершенно не понимали. Он едва смог поверить в это. «То, что вы рассказываете на разных встречах, показывает, что вы либо много читали на санскрите, либо изучили переводы некоторых из великих учителей», — сказал он. Когда он обнаружил, что это было не так, и что не было никакого чтения религиозных, философских или психологических книг, он стал открыто недоверчив.

Удивительно, какую важность мы придаем напечатанному слову, так называемым священным писаниям. Ученые, как и дилетанты, являются граммофонами, они постоянно повторяются, как бы часто ни менялись пластинки. Они заинтересованы в знаниях, а не в переживании. Знание — это препятствие для переживания. Но знание — это зона безопасности, убежище для немногих. И как неосведомленный впечатлен знанием, так знающий уважаем и почитаем. Знание — это дурная привычка, как выпивка, знание не приносит понимания. Знанию можно научить, но не мудрости, для возникновения мудрости должна быть свобода от знания. Знание — это не монета для того, чтобы купить мудрость. Но человек, укрывшись в убежище знания, не решается выйти, поскольку слово кормит его мысль, и он удовлетворяется размышлением. Размышление — это препятствие для переживания, а мудрости без переживания нет. Знание, идея, вера стоят на пути к мудрости.

Поглощенный ум несвободен, неспонтанен, а только в естественности может возникнуть открытие. Поглощенный ум замкнут в себе, он недоступен, неуязвим, и в этом его безопасность. Мысль по своей природе самоизолируется, ее нельзя сделать чувствительной. Мысль не может быть спонтанной, она никогда не сможет быть свободной. Мысль — это продолжение прошлого, а то, что продолжается, не может быть свободным. Свобода есть только в окончании.

Поглощенный ум создает то, над чем он трудится. Это может оказаться телега или реактивный самолет. Мы можем думать, что мы глупы, и тогда мы глупы. Мы можем думать, что мы бог, и тогда мы — это наше собственное представление: «я — это то-то».

«Но, конечно, лучше быть поглощенным божественными вещами, чем светскими, разве не так?»

Мы являемся тем, что мы думаем. Но важно именно понимание процесса мысли, а не то, о чем мы думаем. Думаем ли мы о боге или о выпивке, неважно. Каждый имеет свой собственный результат, но в обоих случаях мысль занята своей собственной самопроекцией. Идеи, идеалы, цели и тому подобное — это все проекции или распространения мысли. Быть поглощенным своими собственными проекциями на любом уровне означает поклоняться своему эго. Эго с заглавной буквы «Э» — это все еще проекция мысли. Чем мысль поглощена, она тем и является, а то, чем она является, и есть нечто иное, как мысль. Поэтому важно понять процесс мысли.

Мысль — это отклик на вызов жизни, не так ли? Без этого вызова нет мысли. Процесс получения вызова и отклика на него — это опыт. А опыт, оформленный в слова, — это мысль. Опыт принадлежит не только прошлому, но также прошлому в соединении с настоящим, он есть сознательное, так же как и скрытое. Осадок опыта — это память, влияние, а отклик памяти,

прошлого — это мысль.

«И что, это все, чем является мысль? Неужели нет ничего глубинного в мысли, кроме просто лишь отклика памяти?»

Мысль может действительно занимать место на различных уровнях, глупых и значительных, благородных и важных, но это все еще мысль, не так ли? Бог мысли принадлежит все-таки уму, слову. Мысль о боге — это не бог, это просто отклик памяти. Память длительна, и поэтому может казаться глубокой, но из-за самой ее структуры она никогда не сможет быть глубокой. Память может быть скрытой, не проявляться немедленно, но это не делает ее глубокой. Мысль никогда не может стать значимой или чем-нибудь большим, чем она есть. Мысль может придать себе большую ценность, но она остается мыслью. Когда ум поглощен своими собственным проекциями, он не покидает пределы мысли, он только принял новую роль, новое положение. Под этим прикрытием все еще находится мысль.

«Но как можно выйти за пределы мысли?»

Она же не точка, верно? Личность не может выйти за пределы мысли, поскольку личность или прилагающий усилия, является результатом мысли. При раскрытии мыслительного процесса, что является самопознанием, истина того, что есть, кладет конец процессу мысли. Суть того, что есть, нельзя найти ни в какой книге, древней или современной. То, что найдено, является словом, но не истиной.

«Тогда как найти истину?»

Нельзя найти ее. Усилие найти истину приводит к самоспроецированному результату, а такой результат не является истиной. Результат — это не суть, результат — это продолжение мысли, расширенной или спроецированной. Только, когда мысли заканчиваются, возникает истина. Не существует завершения мысли через принуждение, через дисциплину, через любую форму сопротивления. Умение слушать историю того, что есть, приведет к освобождению естественным путем. Именно истина освобождает, а не усилие стать свободным.

Желание и противоречие

Это была приятная компания. Большинство из них были увлечены, а тех, кто слушал, чтобы опровергнуть все, было немного. Умение слушать — это искусство, которым нелегко овладеть, но в нем есть красота и великое понимание. Мы слушаем различными глубинами нашего существа, но наше умение слушать всегда отталкивается от предвзятого мнения или от специфической точки зрения. Мы не слушаем просто, всегда есть мешающая завеса наших собственных мыслей, умозаключений и предубеждений. Мы слушаем с удовольствием или неприятием, с восторгом или отвращением, но это не умение слушать. Чтобы слышать, должна возникнуть внутренняя тишина, свобода от напряжения запоминания, расслабленность внимания. В этом внимательном, но все же пассивном состоянии можно услышать то, что за пределами устного умозаключения. Слова путают, они — это только внешнее средство общения. Но чтобы общаться без шума слов, должно быть умение слышать с помощью наблюдения и пассивности. Те, кто любит, могут слышать, но чрезвычайно редко можно встретить умеющего слушать. Большинство из нас — сторонники результатов, мы достигаем цели, мы вечно преодолеваем и побеждаем и оттого не умеем слушать. Только умея слушать, можно уловить песню слов.

«Возможно ли быть свободным от всех желаний? Без желания есть ли жизнь? Разве желания — это не сама жизнь? Стремиться к освобождению от желаний означает пригласить смерть, не так ли?»

Что является желанием? Когда мы осознаем его? Когда мы говорим, что мы желаем? Желайте — это не абстракция, оно существует только во взаимоотношениях. Желание возникает в контакте, во взаимоотношениях. Без контакта нет никакого желания. Контакт может быть на любом уровне, но без него нет никаких ощущений, никакого отклика, никакого желания. Мы знаем процесс желания, путь, по которому оно возникает: восприятие, контакт, ощущение, желание. Но когда мы осознаем желание? Когда я говорю, что я имею желание? Только когда есть волнение от удовольствия или боли. Именно когда есть осознание противоречия, волнения, тогда возникает осознание желания. Желание — это неадекватный отклик на брошенный вызов. Восприятие красивого автомобиля вызывает волнение от удовольствия. Это волнение есть осознание желания, сосредоточие волнения, вызванного болью или удовольствием, является самосознанием. Самосознание — это желание. Мы осознаем, когда желание является волнением из-за неадекватного отклика на брошенный вызов. Противоречие — это самосознание. Может ли возникнуть свобода от этого волнения, от противоречия желания?

«Вы подразумеваете свободу от противоречия желания или от самого желания?»

Являются ли противоречие и желание двумя разными состояниями? Если так, наше исследование должно привести к иллюзии. Если бы не было волнения из-за удовольствия или боли, желания, стремления и получения, активного или пассивного, возникло бы желание? И хотим ли мы избавиться от волнения? Если мы сможем понять это, то мы можем быть способны вникнуть в значение желания. Противоречие — это самосознание, сосредоточение внимания с помощью волнения — это желание. Ведь вы хотите избавиться от противоречащего элемента в желании и оставить приятный элемент? И удовольствие, и противоречие являются тревожащими, ведь так? Или вы думаете, что удовольствие не тревожит?

«Удовольствие не тревожит».

Верно ли это? Вы никогда не замечали боль от удовольствия? Разве тяга к дальнейшему удовольствию не вечно нарастает, вечно требует все большего и большего? Разве тяга к большему не так же тревожащая, как побуждение избегать? Оба приводят к конфликту. Мы

хотим удержать радостное желание и избежать болезненного, но если присмотреться, оба являются волнующими. Но хотите ли вы освободиться от волнения?

«Если в нас не будет никакого желания, мы умрем, если в нас не будет никакого противоречия, мы уснем».

Вы рассказываете из собственного опыта или у вас просто есть идея об этом? Мы представляем себе, на что это было бы похоже, если не было бы никакого противоречия, и таким образом предотвращаем переживание такого состояния, при котором всякое противоречие прекратилось бы. Наша проблема в том, чтобы выявить причину противоречия? Разве мы не можем смотреть на красивую или уродливую вещь без возникающего при этом противоречия? Разве мы не можем наблюдать, слушать без самосознания? Разве мы не можем жить без волнения? Разве мы не можем быть без желания? Конечно же, мы должны понять волнение и не искать способ преодолеть или возвысить желание. Конфликт необходимо понять, а не возвеличивать или подавлять.

Что вызывает конфликт? Конфликт возникает, когда отклик не соответствует брошенному вызову жизни, и такой конфликт — это сосредоточение сознания в виде «я». «Я», сознание, сконцентрированное благодаря конфликту, является опытом. Опыт — это отклик на стимул или вызов, без называния или определения никакого опыта нет. Обозначение берется из накопленного, из памяти, и это обозначение есть процесс оформления в слова, создания символов, образов, слов, которые усиливают память. Сознание, сконцентрированное «я», из-за конфликта является этим полным процессом получения опыта, обозначения, записи.

«В этом процессе что является тем, что вызывает противоречие? Можем ли мы быть свободными от противоречия? И что за пределами противоречия?»

Именно обозначение вызывает появление противоречия, не так ли? На любом уровне вы подходите к брошенному вызову с уже готовым обозначением, с идеей, с умозаключением, с предубеждением, то есть вы даете определение опыту. Это определение придает качество опыту, качество, возникающее благодаря обозначению. Обозначение — это регистрация в памяти. Прошлое встречается с новым, вызов жизни встречается с памятью, прошлым. Ответы прошлого не смогут понять живущее, новое, вызов жизни, ответы прошлого не соответствуют действительности, и из-за этого возникает конфликт, который является самосознанием. Конфликт прекращается, когда процесса обозначения нет. Вы можете пронаблюдать в вас самих, как обозначение происходит почти одновременно с откликом. Промежуток между откликом и обозначением — это переживание. Переживание, в котором нет ни переживающего, ни переживаемого, находится вне конфликта. Конфликт — это сконцентрированное «я», и с прекращением конфликта наступает конец всем мыслям и начало неистощимого.

Действие без цели

Он принадлежал к разным и сильно различавшимся организациям и активно участвовал в них всех. Он писал и говорил, собирал деньги, организовывал. Он был агрессивен, настойчив и продуктивен. Он был очень полезным человеком, очень востребованным и вечно то взлетал, то падал. Он побывал в политических передрягах, сидел в тюрьме, следовал за лидерами, а теперь он стал важным человеком в его собственной правоте. Он был целиком за немедленное исполнение грандиозных планов и подобно всем таким образованным людям был сведущ в философии. Он сказал, что был человеком действия, а не наблюдателем. Он воспользовался фразой из санскрита, которая была предназначена для передачи целой философии действия. Само утверждение, что он был человеком действия, подразумевало, что он был одним из существенных составляющих жизни, возможно, не он лично, но именно такой тип людей. Он относил себя к определенной категории и таким образом блокировал понимание себя.

Ярлыки, кажется, приносят удовлетворение. Мы принимаем категорию, к которой, как предполагается, мы принадлежим как удовлетворяющее объяснение жизни. Мы почитатели слов и ярлыков. Кажется, мы никогда не выходим за пределы символа, чтобы постичь реальную цену символу. Называя себя этим или тем, мы страхуем себя от дальнейшего волнения и успокаиваемся снова. Одно из проклятий идеологий и организованных верований — это утешение, смертельное вознаграждение, которое они предлагают. Они погружают нас в сон, и, пока мы спим, мы мечтаем, и мечта становится действием. Как легко нас отвлечь! И большинство из нас хочет быть отвлеченными, большинство из нас утомлено из-за непрерывного противоречия. И отвлечения становятся потребностью, они становятся более важны, чем то, что есть. Мы можем играть с отвлечениями, но не с тем, что есть. Отвлечения — это иллюзии, но в них есть извращенное восхищение.

Что такое действие? Как происходит действие? Почему мы действуем? Конечно, простая деятельность — это не действие. Быть занятым — это не действие, не так ли? Домохозяйка занята, и вы назвали бы это действием?

«Нет, конечно, нет. Она только заботится о каждодневных, незначительных делах. Человек действия поглощен большими проблемами и обязанностями. Занятие масштабными и более глубокими проблемами можно назвать действием, не только политическим, но духовным. Оно требует способности, продуктивности, организаторских усилий, постоянного движения к цели. Такой человек — не наблюдатель, мистик, отшельник, он человек действия».

Занятие более масштабными проблемами вы бы назвали действием. Что является более масштабной проблемой? Отделены ли они от повседневного существования? Разве действие отделено от целостного процесса жизни? Есть ли действие, когда нет объединения всех множественных уровней существования? Без понимания и, таким образом, объединения целостного процесса жизни не является ли действие просто разрушительной деятельностью? Человек — это единый механизм, и действие должно быть результатом всей этой целостности.

«Но это подразумевало бы не только бездействие, но и неопределенную отсрочку. Существует безотлагательность действия, и не имеет смысла философствовать об этом».

Мы не философствуем, а только задаемся вопросом, не причиняет ли ваше так называемое действие непреднамеренный вред. Реформа всегда нуждается в дальнейшей реформе. Частичное действие — это не действие вообще, оно приводит к распаду. Если вы будете терпеливы, мы сможем найти сейчас, не в будущем, то действие, которое является полным, объединенным.

«Целеустремленное действие можно назвать действием? Иметь цель, идеал и работать ради этого — является ли это действием? Когда действие происходит ради результата, разве это

действие?

Как еще вы можете действовать?»

Вы называете действием то, что имеет результат, точку во мнении, разве нет? Вы планируете последствие, или у вас есть идея, вера и вы работаете ради них. Работая ради цели, конца, результата, материального или психологического, это то, что вообще называют действием. Этот процесс можно понять на примере некоторого физического факта, типа построения моста. Но так ли это легко понять в отношении к психологическим целям? Конечно, мы говорим о психологической цели, идеологии, идеале или вере, ради которой вы трудитесь. Вы назвали бы действием этот труд ради психологической цели?

«Действие без цели — это вообще не действие, это смерть. Бездействие — это смерть».

Бездействие — это не противоположность действия, это совершенно иное состояние, но в настоящее время оно действительно противоположно. Мы сможем обсудить это позже, но давайте вернемся к нашему отправному пункту. Труд ради цели, идеала обычно называют действием, не так ли? Но как возникает идеал? Отличается ли он полностью от того, что есть? Действительно ли противопоставление отличается и отделено от утверждения? Действительно ли идеал отказа от насилия является совершенно иным, чем насилие? Разве идеал не самоспроецирован? Разве он не выдуманный? В действии к цели, идеалу вы преследуете собственную проекцию, разве нет?

«Действительно ли идеал — это собственная проекция?»

Вы есть это, но вы хотите стать тем. Естественно, что «то» — это продукт вашей мысли. Это может не быть продуктом вашей собственной мысли, но оно рождено мыслью, не так ли? Мысль проектирует идеал, идеал — это часть мысли. Идеал — это не что-то за пределами мысли, это сама мысль.

«Что плохого в мысли? Почему мысль не должна создавать идеал?»

Вы есть это, что не удовлетворяет вас, поэтому вы хотите быть тем. Если было бы понимание этого, возникло бы то? Из-за того, что вы не понимаете это, вы создаете то, в надежде понять это через то или убежать от этого. Мысль создает идеал так же, как проблему, идеал — это самопроектирование, и ваш труд ради той вашей проекции — это то, что вы называете действием, действием с целью. Так что ваше действие находится в пределах ограничения вашей собственной проекции либо бога, либо государства. Такое движение в пределах ваших собственных границ — это деятельность собаки, гонящейся за собственным хвостом, и разве это действие?

«Но возможно ли действовать без цели?»

Конечно, да. Если вы понимаете суть действия ради цели, тогда есть только действие. Такое действие — это единственно эффективное действие, это единственно радикальный переворот.

«Вы подразумеваете действие без «я», не так ли?»

Да, действие без идеи. Идея сама себя отождествляет с богом или государством. Такое отождествленное действие только создает больше противоречий, больше беспорядка и страдания. Но для человека так называемого действия трудно отбросить идею. Без идеологии он чувствует себя потерянным и он таковым является, так что он не человек действия, а человек, пойманный в ловушку его собственных проекций, чья деятельность состоит в прославлении себя. Его деятельность вносит вклад в отделение и разобщение.

«Тогда что же делать?»

Поймите то, чем является ваша деятельность, и только тогда появится действие.

Причина и следствие

«Я знаю, что вас вылечили, — сказал он, — и разве вы не излечите моего сына? Он почти ослеп. Я посетил несколько докторов, но они не могут ничего сделать. Они советуют мне отвезти его в Европу или Америку, но я не богач и не могу позволить себе этого. Пожалуйста, не могли бы вы что-нибудь сделать? Он наш единственный ребенок, а у моей жены большое сердце».

Он был мелким чиновником, бедным, но образованным, и, как все принадлежащие его группе, он знал санскрит и читал произведения на нем. Он продолжал говорить, что это была карма мальчика, из-за которой ему приходилось страдать и им тоже. Что они сделали, чтобы заслужить это наказание? Какое зло они совершили в предыдущей жизни или в более раннем периоде этой, что им приходится переносить такие страдания? Должна быть причина для этого бедствия, скрытая в каком-то поступке в прошлом.

Возможно, есть для этой слепоты недавняя причина, которую врачи еще не могут обнаружить, возможно, ее вызвало какое-нибудь наследственное заболевание. Если доктора не могут обнаружить физиологическую причину, почему вы ищете метафизическую причину в отдаленном прошлом?

«Ища причину, возможно, я смогу лучше понять следствие».

Вы понимаете какое-либо явление, зная его причину? Имея знание, почему человек боится, становится ли он свободным от страха? Можно знать причину, но разве она сама по себе приносит понимание? Когда вы говорите, что вы поймете следствие, зная причину, вы подразумеваете, что вы найдете утешение в знании того, как это явление появилось, не так ли?

«Конечно, именно поэтому я хочу знать, какое действие в прошлом повлекло за собой эту слепоту. Конечно, это будет самым большим успокоением».

Тогда вы хотите утешения, а не понимания.

«Но разве это не одно и то же? Понять — значит обрести успокоение. Что хорошего в понимании, если в нем нет никакой радости?»

Понимание факта может вызвать волнение, оно не обязательно приносит радость. Вы хотите успокоения, и именно это вы ищете. Вы встревожены фактом болезни вашего сына, и вы хотите умиротворения. Это умиротворение вы называете пониманием. Вы стараетесь добиться не понимания, а успокоения. Ваше намерение состоит в том, чтобы найти способ утихомирить ваше волнение, и это вы называете поиском причины. Ваша главная задача в том, чтобы погрузиться в сон, быть безмятежным, и вы ищете способ, как это сделать. Мы погружаем себя в сон различными путями: через бога, ритуалы, идеалы, через выпивку и так далее. Мы хотим убежать от волнения, и одно из спасений — это поиск причины.

«Почему нельзя искать освобождения от волнения? Почему нельзя избегать страдания?»

Разве, избегая, мы обретаем освобождение от страдания? Вы можете закрыть дверь перед каким-либо отвратительным явлением, перед каким-нибудь страхом, но они все еще там, за дверью, разве не так? То, что подавлено, чему сопротивляются, то не понято, не так ли? Вы можете подавлять или держать в строгости вашего ребенка, но это, естественно, не приведет к пониманию его. Вы ищете причину, чтобы избежать боли волнения. С тем намерением, с которым вы ищете, естественно, вы найдете то, что вы ищете. Возможность освобождения от страдания появляется только тогда, когда вы наблюдаете за его процессом, когда вы знаете о каждой его стадии, понимаете его целостную структуру. Избегать страдания означает только усиливать его. Объяснение причины — это не есть понимание причины. Через объяснение вы не освобождаетесь от страдания, страдание все еще остается, только вы прикрыли его словами,

умозаключениями, вашими собственными или кого-то другого. Изучение объяснений — это не изучение мудрости. Когда прекращаются объяснения, только тогда возможна мудрость. Вы с трепетом ищете объяснения, которые погрузят вас в сон, и вы их находите. Но объяснение не есть истина. Истина пребывает там, где есть просто наблюдение без умозаключений, без объяснений, без слов. Наблюдающий соткан из слов, «я» составлено из объяснений, умозаключений, осуждений, оправданий и так далее. Общность с наблюдаемым появляется только тогда, когда нет наблюдающего, и только тогда возникает понимание, освобождение от проблемы.

«Я думаю, что понял это, но разве нет такой вещи как карма?»

Что вы подразумеваете под этим словом?

«Существующие обстоятельства — это результат действий в прошлом, недавно произошедших или давно случившихся. Этот механизм причины и следствия со всеми его составляющими и есть более или менее то, что понимается под кармой».

Это всего лишь объяснение, но давайте заглянем за пределы слов. Приводит ли установленная причина к установленному следствию? Когда причина и следствие установлены, разве это не смерть? Любое, что является статичным, застывшим, обособившимся, должно умереть. Обособившиеся животные вскоре погибают, не так ли? Человек не обособился, поэтому есть возможность его длительного существования. То, что является гибким, выживает, то, что не является гибким, ломается. Желудь не сможет стать ничем кроме дуба. Причина и следствие находятся в желуде. Но человек не так полностью замкнут в себе, обособлен, следовательно, если он не уничтожает себя различными способами, он может выжить. Разве причина и следствие установлены, постоянны? Когда вы используете слово «и» между причиной и следствием, разве это не подразумевает, что они оба последовательны? Но разве причина вечно постоянная? Разве следствие является всегда неизменным? Конечно, причинно-следственный процесс непрерывный, не так ли? Сегодня — это результат вчера, а завтра — это результат сегодня. То, что было причиной, становится следствием, а то, что было следствием, становится причиной. Это цепная реакция, не так ли? Одно перетекает в другое, и ни в одной точке нет остановки. Это постоянное движение, без какой-либо фиксации. Есть много факторов, которые вызывают это причинно-следственное движение.

Объяснения, умозаключения являются устоявшимися, принадлежат ли они правым или левым, или организованной вере, названной религией. Когда вы пробуете укрыть живое под объяснениями, живому приходит конец, и именно этого желает большинство из нас. Мы хотим, чтобы нас погрузили в сон словом, идеей, мыслью. Рационалистическое объяснение — это просто иной способ утихомирить потревоженное внутреннее состояние. Но само желание погрузиться в сон, чтобы найти причину, чтобы искать умозаключения, приносит волнение, и таким образом мысль оказывается пойманной в сети своего собственного создания. Мысль не может быть свободной, не сможет она и сделать себя свободной. Мысль — это результат опыта, и опыт всегда обуславливает. Опыт — это не мерило истинности. Осознание ложного как ложного — это освобождение истины.

Глупость

Когда поезд отъехал, все еще было светло, но тени удлиннились. Весь город толпился вокруг железнодорожной линии. Вышли люди, чтобы наблюдать, как поезд проходит мимо, а пассажиры махали руками своим знакомым. С большим грохотом мы начали пересекать мост через широкую, извивающуюся реку. На этом промежутке она была шириной в несколько миль, а другой берег был едва видим в быстро исчезающем свете. Поезд пересек мост очень медленно, как будто ему приходилось прокладывать новый путь вперед, ширина реки была пронумерована в промежутках, и их было пятьдесят восемь между этими двумя берегами. Как красива была эта вода, тихая, насыщенная и очень медленная! Стояли островки песка, которые выглядели приятно прохладными на расстоянии. Город, с его шумом, пылью и нищетой, оставался позади, а чистый вечерний воздух проникал через окна. Но пыль снова закружилась, как только мы покинули длинный мост.

Мужчина, находившийся на нижнем сиденье, был очень болтлив, и поскольку у нас впереди была еще целая ночь, он почувствовал себя вправе задавать вопросы. У него было грузное телосложение, большие руки и ноги. Начал он, говоря о себе, своей жизни, тревогах и детях. Он говорил, что Индия должна стать столь же процветающей, как Америка. Эту перенаселенность необходимо контролировать, а людей нужно заставить почувствовать свою ответственность. Он говорил о политической ситуации и войне, а закончил счетом за свое собственное путешествие.

Насколько нечувствительны мы, как недостает нам быстрой и адекватной реакции, как мало свободны мы для наблюдения! Без чувствительности как может возникнуть гибкость и быстрота восприятия, как может появиться восприимчивость, понимание, свободное от стремления к чему-то? Само стремление предотвращает понимание. Понимание приходит с высокой чувствительностью, но чувствительность — не та вещь, которую можно искусственно взрастить. То, что искусственно выращено, — это позерство, искусственная фанера, и это прикрытие не чувствительность, это манерность, поверхностная или глубокая, в зависимости от обстоятельств. Чувствительность — это не культурное следствие, результат влияния, это состояние чуткости, доверительности. Доверительное — это скрытое, неизвестное, непредсказуемое. Но мы заботимся о том, чтобы не быть чувствительными, это слишком болезненно, слишком изнуряюще, это требует постоянного умения приспособливаться, что является проявлением внимания. Проявлять внимание означает быть осторожным, но мы, скорее, предпочитаем, чтобы нас утешали, погружали в сон, оглуляли. Газеты, журналы, книги из-за нашего пристрастия к чтению оставляют на нас свой отупляющий отпечаток, так как чтение — это изумительное бегство, подобно спиртному или обряду. Мы хотим убежать от боли жизни, и оглушение — это самый эффективный способ: оглушение, вызванное объяснениями, следованием за лидером или идеалом, отождествлением с каким-то достижением, каким-то ярлыком или характеристикой. Большинство из нас хочет, чтобы их сделали глупыми, а для погружения ума в сон привычка очень эффективна. Привычка самодисциплины, тренировки, поддержания усилия стать кем-то — все это одобряемые способы, чтобы вас сделать нечувствительными.

«Но что бы можно было сделать в жизни, если бы мы были чувствительны? Мы бы все съежились, и не было бы никакого эффективного действия».

Что привносят в мир отупленные и нечувствительные? Каков результат их «эффективного» действия? Войны, беспорядок в них самих и вовне, жестокость и увеличивающееся страдание, как в них самих, так и в мире. Действие ненаблюдаемых неизбежно приведет к разрушению, к физической опасности, к распаду. Но чувствительности нелегко достичь, чувствительность —

это понимание простого, что является очень сложным. Это — не уход в себя, не процесс съезживания, не изоляция. Действовать с чувствительностью — значит осознавать целостный механизм действующего.

«Понимание целостного механизма меня самого займет долгое время, а мой бизнес тем временем будет продолжать разрушаться, и моя семья будет умирать с голоду».

Ваша семья не будет голодать, даже если вы не сэкономили достаточно денег, всегда есть возможно устроить так, чтобы они были накормлены. Ваш бизнес, несомненно, будет продвигаться к разрушению, но распад на других уровнях существования уже происходит. Вас беспокоит только внешний разрыв, вы не хотите видеть или знать то, что происходит внутри вас. Вы игнорируете внутреннее и надеетесь построить внешнее, но все же внутреннее всегда одолевает внешнее. Внешнее не может длиться без полноты внутреннего. Но полнота внутреннего — это не повторяющиеся ощущения организованной религии и не накопление фактов, названное знанием. Путь всего этого внутреннего искания должен быть осознан для того, чтобы внешнее выжило и было здоровым. Не говорите, что у вас мало времени, поскольку у вас много времени, это вопрос не нехватки времени, а игнорирования и нежелания. У вас нет никакого внутреннего богатства, поэтому вы хотите удовлетворения от внутренних богатств, как вы уже имеете это на внешнем уровне. Вы ищете не средства, чтобы прокормить вашу семью, а удовлетворение от обладания. Человек, который обладает или собственностью, или знанием, никогда не сможет быть чувствительным, он никогда не сможет быть ранимым или открытым. Обладать — означает сделаться оупленным, является ли обладание добродетелью или деньгами. Обладать человеком — означает не осознавать этого человека. Искать и обладать действительностью значит отрицать ее. Когда вы стараетесь — стать добродетельным, вы больше не добродетельны, ваш поиск добродетели — это только лишь достижение вознаграждения на ином уровне. Вознаграждение — это не добродетель, добродетель — это свобода.

Как может оупленное, уважаемое, недобродетельное быть свободным? Свобода уединения — это не замыкающийся в себе процесс изоляции. Быть уединенным в богатстве или в бедности, в знании или в успехе, в идее или в добродетели — означает быть оупленным, нечувствительным. Бездушные, но почитаемые не могут образовать общность, но когда они делают это, они проделывают это с их собственными проекциями. Чтобы создать общность, необходима чувствительность, ранимость, свобода от желания стать кем-то, что является освобождением от страха. Любовь — это не становление, не состояние «я буду». То, что становится чем-то, не может создать общность, поскольку оно вечно изолирует себя. Любовь — это ранимое, любовь — это открытое, непредсказуемое, неизвестное.

Ясность в действии

Это было прекрасное утро, ясное после дождей. На деревьях были нежные посвежевшие листья, а ветер с моря придумывал для них танец. Трава была зеленой и пышной, и рогатый скот с жадностью ел ее, потому что через несколько месяцев и травинки не останется от нее. Аромат сада наполнил комнату, а снаружи кричали и смеялись дети. На пальмах висели золотистые кокосовые орехи, а банановые листья, огромные и колеблющиеся, еще не разорвались от старости и ветра. Насколько красивой была земля, а это была ода цветам и краскам! За деревней, за большими домами и рощами, простиралось море, наполненное светом и грозными волнами. Там далеко виднелась маленькая лодка из нескольких связанных вместе бревен. В ней сидел уединившийся рыбак.

Она была совсем юной, ей было за двадцать, и она недавно вышла замуж, но прошедшие годы уже оставили на ней свою отметку. Она сказала, что была из хорошей семьи, образованной и работающей. Она получила свою степень магистра гуманитарных наук с наградами, и было видно, что она была сообразительной и внимательной. Однажды начав, она говорила легко и плавно, но внезапно она становилась застенчивой и молчаливой. Она хотела отвести душу, поскольку сказала, что ни с кем не говорила о своей проблеме, даже своими родителями. Постепенно, кусочек за кусочком, ее горе было облачено в слова. Слова передают значение только на некотором уровне, у них есть свойство исказить, не предоставлять полностью значение стоящим за ними символам, создавать обман, что происходит совсем неумышленно. Она хотела передать намного больше, чем то, что означали простые слова, и ей это удавалось. Она не могла говорить о некоторых вещах, как бы усердно она ни старалась, но само ее молчание доносило ту боль и невыносимые унижения в отношениях, которые превратились просто в контракт. Муж избил ее и бросил, а ее маленькие детки едва ли могли стать благодарными слушателями. Что же ей делать? Они теперь жили отдельно, и должна ли она вернуться?

Какое сильное влияние на нас оказывают светские приличия! Что скажут? Можно ли жить одному, особенно женщине, чтобы о ней не говорили гадостей? Приличие — это одеяние для лицемера. В мысли мы совершаем любое возможное преступление, но внешне мы безукоризненны. Она соблюдала приличия и была смущена. Удивительно, но когда вы чисты перед собой, что бы ни случилось, оно является правильным. Когда есть эта внутренняя ясность, правильное не совпадает с чьим-либо желанием, но каким бы ни было это, оно правильно. Удовлетворенность приходит с пониманием того, что есть. Но как трудно быть понятным!

«Как мне выяснить, что мне следует сделать?»

Действие не следует за ясностью: ясность есть действие. Вы обеспокоены тем, что вам сделать, а не тем, чтобы обладать ясностью. Вы разрываетесь между соблюдением приличий и тем, что вы хотите сделать, между надеждой и тем, что есть. Двойственное желание соблюдения приличий и какого-то идеального поступка порождает конфликт и замешательство, и, только когда вы способны увидеть то, что есть, появляется ясность. То, что есть, это не то, что должно быть, что является желанием, искаженным по определенному образцу. То, что есть, является реальным, не желаемым, а фактическим. Вероятно, вы никогда не подходили к этому таким способом. Вы думали или ловко рассчитывали, взвешивая и то, и другое, планируя и не планируя, что очевидно могло привести только к дальнейшему замешательству. Посмотрите на это очень просто и прямо. Вы сделаете это, вы будете способны наблюдать то, что есть, без искажения. Скрытое находится в его собственном действии. Если то, что есть, ясно, то вы поймете: нет никакого выбора, а только действие, и вопрос, что вам делать, никогда не будет

возникать. Такой вопрос возникает только, когда есть неуверенность в выборе. Действие не относится к выбору, действие из-за выбора — это действие из-за замешательства.

«Я начинаю понимать то, что вы имеете в виду: я должна быть чиста перед собой, без стремления соблюсти приличия, без корыстного расчета, без чувства, что идешь на сделку. Мне ясно, но ведь трудно сохранить эту ясность, не так ли?»

Нисколько. Сохранять — значит противостоять. Вы не сохраняете ясность и противостояете замешательству: вы переживаете то, что является замешательством, и вы понимаете, что любое действие, являющееся его результатом, должно неизбежно стать еще более запутывающим. Когда вы испытываете все это, не потому, что кто-то сказал так, а потому, что вы понимаете это непосредственно для себя, тогда возникает ясность того, что есть. Вы не сохраняете ясность, она просто есть.

«Я совершенно понимаю то, что вы имеете в виду. Да, мне ясно, все хорошо. Но как насчет любви? Мы не знаем, что любовь означает. Я думала, что я любила, но я понимаю, что на самом деле нет».

Судя по тому, что вы мне рассказали, вы вышли замуж из страха одиночества и из-за материальной нужды и физиологических потребностей. И вы обнаружили, что все это не любовь. Вы, возможно, назвали это любовью, чтобы придать этому приличие, но фактически это был вопрос удобства под прикрытием слова «любовь». Для большинства людей это и есть любовь, со всем ее застилающим глаза дымом: страхом ненадежности, одиночества, расстройства, пренебрежения в старости и так далее. Но это является просто мыслительным процессом, который явно не есть любовь. Мысль приводит к повторению, а повторение делает взаимоотношения застоявшимися. Мысль — бесполезный процесс, она не обновляет себя, она может только продолжаться, а то, что имеет продолжение, не может быть новым, свежим. Мысль — это ощущения, мысль является чувственной, мысль — это сексуальная проблема. Мысль не может закончить себя, чтобы быть творческой, мысль не может стать чем-то другим, чем она есть, что является ощущениями. Мысль — это всегда застоявшееся, прошлое, старое, никогда не сможет быть новым. Как вы поняли, любовь — это не мысль. Любовь — это когда нет думающего. Думающий — не сущность, отличная от мысли, мысль и думающий — это одно. Думающий — это и есть мысль.

Любовь — не ощущение, это — огонь без дыма. Вы познаете любовь, когда вы не будете думающим. Вы не можете жертвовать собой, думающим, ради любви. Не нужно никакого специального действия для любви, потому что любовь не исходит от ума. Принуждение себя, хотение любить является мыслью о любви, а мысль о любви — это ощущение. Мысль не может думать о любви, поскольку любовь вне досягаемости ума. Мысль имеет продолжение, а любовь неистощима. То, что является неистощимым, вечно ново, а то, что имеет продолжение, находится вечно в страхе окончания. То, что заканчивается, знает вечное начало любви.

«Весь этот разговор о психологии, внутренней работе ума является тратой времени. Люди хотят работу и пищу. Не преднамеренно ли вы вводите в заблуждение ваших слушателей, когда это очевидно, что нужно сначала решить экономическую ситуацию? То, что вы говорите, может в конечном счете быть полезным, но что проку от всей этой ерунды, когда люди голодают? Вы не сможете думать или делать что-то, не имея полный желудок».

Конечно, нужно иметь что-то в желудке, чтобы быть способным жить дальше. Но чтобы еды хватало на всех, необходим фундаментальный переворот в способах нашего мышления, и отсюда важность критического подхода к психологическому аспекту. Для вас идеология намного более важна, чем производство продовольствия. Вы можете говорить о еде для бедных и принятии их во внимание, но разве вы не более заинтересованы идеей, идеологией?

«Да, мы заинтересованы. Но идеология — это только средство, сплачивающее людей вместе для коллективного действия. Без идеи не может быть никакого коллективного действия. Сначала возникает идея, план, а затем следует действие».

Так что вы также заинтересованы сначала психологическими факторами, и за ними будет следовать то, что вы называете действием. Тогда вы не подразумеваете, что говорить о психологических факторах значит преднамеренно вводить людей в заблуждение. То, что вы подразумеваете, это то, что у вас имеется единственно рациональная идеология, так зачем же утруждать себя дальнейшим рассуждением? Вы хотите действовать все вместе ради вашей идеологии, и именно поэтому вы говорите, что любое дальнейшее рассмотрение психологического процесса — это не только трата времени, но также и отклонения от главной проблемы, что является установлением бесклассового общества с работой для всех, и так далее.

«Наша идеология — это результат масштабного изучения истории, это история, интерпретируемая согласно фактам. Это реальная идеология, не похожая на суеверные религиозные верования. Наша идеология имеет за своими плечами прямой опыт, а не простые видения и иллюзии».

Идеологии или догмы организованных религий также базируются на опыте, возможно, на опыте того, кто провозгласил эти учения. Они также основываются на исторических фактах. Ваша идеология может быть результатом изучения, сравнения, принятия некоторых фактов и отрицания других, и ваши умозаключения могут быть продуктом опыта. Но зачем отклонять идеологии других как проявление иллюзий, когда они также есть результат опыта? Вы собираете вокруг вашей идеологии группу также, как и другие вокруг своих. Вы хотите коллективного действия, этого же хотят и они, но иным способом. В каждом случае то, что вы называете коллективным действием, возникает из идеи. Вы все заинтересованы в идеях, активно или пассивно, чтобы вызвать коллективное действие. Каждая идеология несет за собой опыт, только вы опровергаете обоснованность опыта других, а они опровергают обоснованность вашего. Они говорят, что ваша система непрактична, что она приведет к рабству, и тому подобное, а вы называете их подстрекателями войны и говорите, что их система должна неизбежно привести к экономическому бедствию. Так что вы оба обеспокоены идеологиями, а не тем, чтоб накормить людей или дать им счастье. Эти две идеологии находятся в состоянии войны, а о человеке забывают.

«О человеке забывают, чтобы спасти человека. Мы жертвуем человеком настоящего, чтобы спасти человека будущего».

Вы ликвидируете настоящее ради будущего. Вы принимаете на себя власть провидения во

имя государства, как это сделала церковь во имя бога. У вас обоих есть свои боги и свои священные писания. У вас обоих имеется истинный интерпретатор, священник, и горе любому, кто отклоняется от истинного и подлинного. Между вами нет большого различия. Вы оба очень похожи, ваши идеологии могут изменяться, но механизм более или менее тот же самый. Вы оба хотите спасти человека будущего, жертвуя человеком настоящего, как будто бы вы знаете все о будущем, как если бы будущее было установленным явлением и у вас имелась бы монополия на него! Все же вы оба столь же неуверены в завтрашнем дне, как любой другой. В настоящем существует так много неуловимых фактов, которые создают будущее. Вы оба обещаете награду, утопию, рай в будущем, но будущее — это не идеологическое умозаключение. Идеи всегда беспокоятся о прошлом или будущем, но никогда о настоящем. У вас не может быть идеи о настоящем, поскольку настоящее — это действие, в нем только и есть взаимодействие. Всякое другое действие — это задержка, отсрочка и поэтому не действие вообще, это предотвращение действия. Действие, основанное на идее из прошлого или будущего, является бездействием. Действие может быть только в настоящем, в «сейчас». Идея исходит из прошлого или будущего, и не может быть никакой идеи относительно настоящего. Для идеолога прошлое или будущее — это установленное состояние, поскольку сам он исходит из прошлого или будущего. Идеолог никогда не находится в настоящем, для него жизнь всегда в прошлом или в будущем, но никогда в «сейчас». Идея вечно исходит из прошлого, прокладывая свой путь через настоящее к будущему. Для идеолога настоящее — это переход к будущему и поэтому оно неважно. Средства вообще не имеют значение, а только лишь цель. Используйте любые средства, чтобы добиться цели. Результат установлен, будущее известно, поэтому уничтожайте любого, кто стоит на пути к цели.

«Опыт необходим для действия, а идеи или объяснения берутся из опыта. Наверняка вы не отрицаете опыт. Действие без структурности идеи является анархическим, это хаос, ведущий прямо в психушку. Вы защищаете действие без связующей силы идеи? Как вы можете что-нибудь сделать, не имея вначале идею?»

Как вы говорите, идея, объяснение, умозаключение являются результатом опыта, без опыта не может быть знания, без знания не может быть никакого действия. Идея следует за действием, или сначала идея, а затем действие? Вы говорите, что сначала идет опыт, а затем действие, не так ли? Что вы подразумеваете под опытом?

«Опыт — это знания учителя, писателя, революционера, знания, которые он почерпнул из своих исследований и из опытов, его собственных или других. Из знания или опыта конструируются идеи, и эта идеологическая структура выливается в действие».

Действительно ли опыт — это единственный критерий, истинный стандарт измерения? Что мы подразумеваем под опытом? Наш совместный разговор — это опыт, вы отвечаете на стимулы, и этот отклик на брошенный вызов — это опыт, не так ли? Вызов и отклик — это почти одновременный процесс. Они являются постоянным движением в пределах рамок причинного основания. Именно причинное основание отвечает на вызов, и этот отклик на вызов и есть опыт, не так ли? Ответ исходит от причинного основания, от созданных условий. Опыт всегда зависит от условий, так что идея тоже. Действие, основанное на идее, обусловлено, это ограниченное действие. Опыт или идея, противопоставленные другому опыту или идее, не приводят к синтезу, а только к дальнейшей оппозиции. Противоположности никогда не могут привести к синтезу. Объединение может получиться только тогда, когда не существует оппозиции. Но идеи всегда порождают оппозицию, конфликт противоположностей. Ни в коем случае противоречие не может привести к синтезу.

Опыт — это отклик причинного основания на брошенный вызов. Причинное основание — это влияние прошлого, а прошлое — это память. Отклик памяти — это идея. Идеология,

построенная на воспоминаниях, названных опытом, знаниями, никогда не сможет быть революционной. Она может назвать себя революционной, но она — это всего лишь видоизмененное продолжение прошлого. Противоположная идеология или доктрина — это все еще идея, а идея вечно исходит из прошлого. Никакая идеология не является идеологией, но если бы вы сказали, что ваша идеология ограниченная, предрассудочная, обусловленная, подобно любой другой, никто не последовал бы за вами. Вы должны говорить, что это единственная идеология, которая может спасти мир. И из-за того, что большинство из нас увлекается формулами и умозаключениями, мы следуем за вами, и вы нас полностью эксплуатируете, поскольку вас самих мы также эксплуатируем.

Действие, основанное на идее, никогда не может быть освобождающим действием, оно всегда связывает. Действие, направленное на результат и цель, является в конечном счете бездействием, во временном представлении оно может выполнять роль действия, но такое действие самоубийственно, что очевидно из нашей ежедневной жизни.

«Но можно ли когда-либо быть свободным от всех созданных условий? Мы полагаем, что это невозможно».

Снова вы заключены в тюрьму идеи, веры. Вы верите, а другой не верит, вы оба заключенные вашей веры, вы оба переживаете согласно созданным вами условиям. Можно узнать, возможно ли быть свободным только, исследуя целый процесс создания условий и влияния. Понимание этого процесса является самопознанием. Через самопознание и только возникает свобода от неволи, и эта свобода лишена любой веры, любой идеологии.

Деревня была грязна, но вокруг каждой хижинки было все аккуратно. Входные ступеньки ежедневно мылись и украшались, и внутри хижина была убрана, хотя немного закопчена из-за приготовления пищи. Там находилось целое семейство: отец, мать, дети, а старая леди, должно быть, была бабушкой. Они все казались настолько веселыми и удивительно довольными. Устное общение было невозможно, поскольку мы не знали их языка. Мы уселись, и не возникло никакого смущения. Они продолжали свою работу, и лишь дети подошли поближе, мальчик и девочка, они сели, улыбаясь. Вечерний ужин был почти готов, и его не было слишком много. Когда мы уезжали, они все вышли и проводили нас. Солнце повисло над рекой, укрывшись за широким одиноким облаком. Облако было, как в огне, и это делало воду мерцающей, подобно незабываемым лесным пожарам.

Длинные ряды хижин были разделены широкой дорожкой, и на каждой стороне дорожки стояли открытыми мусорные канавы, где разводился любой воображаемый ужас. Можно было видеть белых червей, извивающихся в черной слизи. Дети играли на дорожке, полностью поглощенные своими играми, смеясь и крича, равнодушные к любому прохожему. Вдоль набережной реки пальмы стояли на фоне пылающего неба. Свиньи, козы и рогатый скот блуждали около хижин, и дети, бывало, отпихивали козу или тощую корову со своего пути. Деревня успокаивалась из-за наступающей темноты, и дети умолкали, когда их матери звали их.

В большом доме рос прекрасный сад, а вокруг него была высокая белая стена. Сад был полон красок и цветов, и, должно быть, в него вложили огромное количество денег и заботы. В том саду было необычайное умиротворение, все процветало, и красота большого дерева, казалось, защищала все растущее. Фонтан, должно быть, являлся источником блаженства для многих птиц, но сейчас он спокойно пел сам про себя, безмятежно и уединенно. Все погружалось в себя, готовясь к ночи.

Она была танцовщицей, не по профессии, а по призванию. Как некоторые полагали, она была довольно-таки хорошей танцовщицей. Она, должно быть, чувствовала гордость за свое искусство, так как в ней присутствовало высокомерие, не только высокомерие из-за достигнутого, но также из-за какого-то внутреннего признания своей собственной духовной ценности. Как другой бы был удовлетворен внешним успехом, она была удовлетворена духовным продвижением. Совершенство духа — это самообман, но он очень удовлетворяет. На ней были драгоценности, и ее ногти были покрашены красным лаком, ее губы были тоже соответствующего цвета. Она не только танцевала, но также и вела разговоры об искусстве, о красоте и о духовном достижении. На ее лице отражались тщеславие и амбиции, она хотела быть известной и духовно, и как творческая личность, а теперь духовное брало верх.

Она сказала, что у нее не было никаких личных проблем, она хотела поговорить о красоте и духе. Ее не волновали личные проблемы, во всяком случае, они были глупостью для нее, ее интересовали более важные темы. Что такое красота? Она внутренняя или внешняя? Она субъективна или объективна, или комбинация обоих? Она была так уверена в своей правоте, а уверенность — это отрицание красоты. Быть убежденным — значит быть замкнутым в себе и нечувствительным. Без открытости как может быть чувствительность?

«Что такое красота?»

Вы ждете определения, формулы, или вы желаете найти ответ?

«Но разве не нужен инструмент для этого исследования? Без знаний, без объяснений, как можно исследовать? Мы должны знать, куда мы идем, прежде, чем мы пойдем».

Разве знание не предотвращает исследование? Когда вы знаете, как может быть

исследование? Разве само слово «знание» не указывает на состояние, в котором исследование прекратилось? Знать — не значит понимать, так что вы просто спрашиваете о выводе, о определении. Существует ли мерил красоте? Действительно ли красота — это соответствие известному или воображаемому образцу? Действительно ли красота — это абстракция без рамки? Действительно ли красота исключаящая, и может ли исключаящее быть объединяющим? Может внешнее быть красивым без внутренней свободы? Красота — это художественное оформление, украшение? Внешний вид красивого — это разве признак чувствительности? Что же это, что вы ищете? Комбинация внешнего и внутреннего? Как может быть внешняя красота без внутренней? На которой вы делаете акцент?

«Я делаю акцент на обеих: без совершенной формы как может быть совершенной жизнь? Красота — это комбинация внешнего и внутреннего».

Итак, у вас есть формула для того, чтобы стать красивой. Формула — это не красота, а только набор слов. Быть красивым — это не процесс становления красивым. Что же это, что вы ищете?

«Красоту как формы, так и духа. Для совершенного цветка должна быть прекрасная ваза».

Может ли быть внутренняя гармония и даже, возможно внешняя гармония без чувствительности? Разве чувствительность не необходима для восприятия или уродливого, или красивого? Разве красота — это уклонение от уродливого?

«Конечно, да».

Разве добродетель — это уклонение, сопротивление? Если есть сопротивление, может ли быть чувствительность? Разве не должна быть свобода для чувствительности? Замкнувшееся в себе может быть чувствительным? Может ли честолюбивый быть чувствительным, осознать красоту? Чувствительность, восприимчивость к тому, что есть, является необходимой, не так ли? Мы хотим отождествить себя с тем, что мы называем красивым, и избегать того, что мы называем уродливым. Мы хотим быть отождествленными с прекрасным садом и закрываем наши глаза при виде смердящей деревни. Мы хотим сопротивляться и все же получать. Разве любое отождествление не является сопротивлением? Осознавать деревню и сад без сопротивления, без сравнения — означает быть чувствительным. Вы хотите быть чувствительной только к красоте, к добродетели и сопротивляться злу, уродству. Чувствительность и восприимчивость — это целостный процесс, он не может быть отключен на определенном уровне удовлетворения.

«Но я ищу красоту, чувствительность».

Это действительно так? Если это так, то все беспокойство о красоте должно прекратиться. Такое рассуждение, поклонение красоте — это бегство от того, что есть, от вас самих, разве нет? Как вы можете быть чувствительны, если вы не осознаете, какая вы есть, какое оно есть? Честолюбивые, лукавые преследователи красоты только поклоняются их собственным проекциям. Они полностью замкнуты в себе, они построили стену вокруг себя, и, поскольку ничто не может жить в изоляции, существует страдание. Этот поиск красоты и бесконечные разговоры об искусстве — это почитаемые и высоко расцененные виды бегства от жизни, которая в вас самих.

«Но ведь музыка — это не бегство».

Бегство, когда она заменяет понимание себя. Без понимания себя всякая деятельность приводит к замешательству и боли. Чувствительность есть только тогда, когда есть свобода, приходящая с пониманием, с пониманием движений «я», движений мысли.

Объединение

Крохотные щенки были пухлыми и чистыми и игрались на теплом песке. Их было шестеро, все белого цвета с легким коричневым оттенком. Мамаша лежала в тени немного поодаль от них. Она была худой и истощенной, и настолько паршивой, что на ней почти не было шерсти. На ее теле виднелось несколько ран, но она виляла своим хвостом и так гордилась этими круглыми щенками. Она, вероятно, не проживет больше, чем месяц или около этого. Она была одной из тех собак, которые бродят, собирая, что попало, по грязным улицам или около бедной деревни, вечно голодные и вечно на ногах. Люди бросали в нее камни, отгоняли ее от своих дверей, и их нужно бы сторониться.

Но здесь, в тени, воспоминания о вчерашнем дне были далеко, а она была истощена, кроме того, щенков избаловали и разговаривали с ними. Это было послеобеденное время, ветер, дувший с широкой реки, был свеж и обдавал прохладой, и в то мгновение возникло блаженство. Где она добудет еду в следующий раз, было второстепенным вопросом, ну зачем сейчас волноваться?

Мимо деревни, вдоль набережной за зелеными полями, на пыльной и шумной дороге стоял дом, в котором ожидали люди, чтобы обсудить кое-что. Они были разных типов: задумчивые и бодрые, ленивые и любители поспорить, сообразительные и те, кто жил согласно определениям и умозаключениям. Задумчивые были терпеливыми, а сообразительные были резки с теми, кто отставал, но медлительным приходилось успевать за быстрыми. Понимание приходит в виде вспышек, и необходимы интервалы молчания для того, чтобы возникали эти вспышки. Но быстрые слишком нетерпеливы, чтобы оставить место для этих вспышек. Понимание не является устным, также нет такого понятия как понимание разумом. Понимание разумом происходит только на словесном уровне, так что это вовсе не понимание. Понимание не приходит как результат мысли, поскольку мысль в конце концов оформлена в слова. Без памяти не существует мысли, а память — это слово, символ, механизм создания изображения. На этом уровне никакого понимания нет. Понимание вмещается в пространство между двумя словами, в тот промежуток, до того, как слово сформирует мысль. Понимание не дано ни сообразительным, ни медлительным, а лишь тем, кто осознает это неизмеримое пространство.

«Что такое распад? Мы наблюдаем в мире быстрый распад человеческих взаимоотношений, но еще больший в нас самих. Как этот развал на части можно остановить? Как мы можем объединиться?»

Объединение возникает, если мы внимательны к путям распада. Объединение находится не на одном или двух уровнях нашего существования, это воссоединение целого. Прежде, чем сделать это, мы должны узнать то, что же мы подразумеваем под распадом, не так ли? Действительно ли конфликт — это признак распада? Мы ищем не определение, а значение за пределами слова.

«Разве борьба не является неизбежной? Все существование — это борьба, без борьбы наступит упадок. Если я бы не боролся за цель, я бы деградировал. Борьба столь же необходимо, как дышать».

Категорическое утверждение останавливает все исследование. Мы пытаемся узнать, какие факторы приводят к распаду, и, возможно, противоречие и борьба являются одними из них. Что мы подразумеваем под конфликтом и борьбой?

«Соревнование, стремление, приложение усилия, волю к достижению, недовольство и так далее».

Борьба происходит не только на одном уровне существования, но на всех уровнях. Процесс

становления кем-то — это борьба и конфликт, не так ли? Клерк, становящийся управляющим, священник, становящийся епископом, ученик, становящийся мастером, — это все психологическое становление, что является усилием, конфликтом.

«Можем ли мы обойтись без этого процесса становления? Разве это не необходимость? Как можно освободиться от конфликта? Разве за этой попыткой не скрывается страх?»

Мы пробуем выяснить, пережить, не просто на словесном уровне, а глубоко, что же приводит к распаду, а не как освободиться от конфликта или что стоит за ним. Проживание и становление — это два различных состояния, не так ли? Существование может влечь за собой усилие, но мы рассматриваем процесс становления, психологическое убеждение быть лучше, стать кем-то, стремление заменить то, что есть, на его противоположность. Это психологическое становление может быть фактором, который превращает каждодневное проживание в болезненный, соревновательный, глобальный конфликт. Что мы подразумеваем под становлением? Психологическое становление священника, который хочет быть епископом, ученика, который хочет быть мастером, и так далее. В этом процессе становления присутствует усилие, положительное или отрицательное, это стремление заменить то, что есть, на что-то другое, разве не так? Я есть это, но я хочу стать тем, и это становление — это серия конфликтов. Когда я стал тем, есть еще другое то, и так продолжается бесконечно. Процесс этого, становящегося тем, не имеет конца, и поэтому конфликт не имеет конца. Теперь, почему я хочу стать кем-то, отличным от того, что я есть?

«Из-за окружающих нас условий, из-за социальных влияний, из-за наших идеалов. Мы не можем без этого, это наша природа».

Просто сказать, что мы не можем без этого, означает положить конец обсуждению. Только ленивый ум порождает это утверждение и просто смиряется со страданиями, что является глупостью. Почему мы столь зависимы от условий? Кто ставит нас в условия? Так как мы подчиняемся тому, чтобы быть зависимыми от условий, мы сами создаем эти условия. Разве это идеал заставляет нас изо всех сил пытаться стать тем, когда мы являемся этим? Действительно ли это цель или утопия приводит к конфликту? Действительно ли мы бы деградировали, если бы не боролись за результат?

«Конечно. Мы бы застаивались, постепенно бы ухудшались. Легко провалиться в ад, но трудно подняться на небеса».

Снова мы имеем идеи и мнения о том, что случилось бы, но мы напрямую не переживаем происходящее. Идеи предотвращают понимание, также как и умозаключения и объяснения. Не идеи и идеалы ли заставляют нас изо всех сил пытаться достигать, становиться? Я есть это, и не заставляет ли идеал меня изо всех сил пытаться стать тем? Является ли идеал причиной конфликта? Действительно ли идеал совершенно отличается от того, что есть? Если он полностью отличается, если он не имеет никакого отношения к тому, что есть, тогда то, что есть, не может стать идеалом. Чтобы было возможно стать, необходимы взаимоотношения между тем, что есть, и идеалом, целью. Вы говорите, что идеал дает нам стимул, чтобы бороться, так что давайте узнаем, как возникает идеал. Не является ли идеал проекцией ума?

«Я хочу походить на вас. Разве это проекция?»

Конечно, да. У ума есть идея, возможно, приятная, и он хочет походить на эту идею, которая является проецированием вашего желания. Вы есть это, что вам не нравится, и вы хотите стать тем, что вам нравится. Идеал — это собственная проекция, ее противоположность — это расширение того, что есть, это вообще не противоположность, а продолжение того, что есть, возможно, несколько измененное. Проецирование своевольно, а конфликт — это стремление к проецированию. То, что есть, проецирует себя как идеал и стремится к нему, и это стремление называют становлением. Конфликт между противоположностями считают

необходимым и важным. Этот конфликт состоит в том, что то, что есть, старается стать тем, чем оно не является, и чем оно не является — это идеал, собственная проекция. Вы изо всех сил пытаетесь стать чем-то, а это что-то является частью самих вас. Идеал — это ваше собственное проецирование. Понимаете, как ум сыграл с собой шутку. Вы боретесь за слова, преследуете ваше собственное проецирование, вашу собственную тень. Вы жестоки, и вы изо всех сил пытаетесь стать нежестоким, идеалом. Но идеал — это проекция того, что есть, только под другим названием. Эту борьбу считают необходимой, духовной, эволюционной и так далее. Но она полностью в пределах клетки ума и только ведет к иллюзии.

Когда вы осознаете эту уловку, которую вы расставили сами для себя, тогда ложное осознается как ложное. Стремление к иллюзии — это фактор распада. Любой конфликт, любое становление — это распад. Когда есть понимание этой уловки, которую ум расставил для себя, только тогда проявляется то, что есть. Когда ум лишается любого становления, любых идеалов, любого сравнения и осуждения, когда его собственная структура разрушится, тогда то, что есть, претерпело полное преобразование. Пока есть обозначение того, что есть, существуют взаимоотношения между умом и тем, что есть. Но когда этот механизм обозначения, являющийся памятью, самой структурой ума, отсутствует, тогда отсутствует то, что есть. Лишь только в этом преобразовании возникает объединение.

Объединение — не волевой поступок, это не процесс становления объединенным. Когда нет распада, когда нет противоречия, нет стремления стать, только возможно существование целого, полного.

Страх и бегство

Мы настойчиво поднимались, но без какого-либо ощутимого продвижения вперед. Внизу было широкое море облаков, белых и ослепительных, волна за волной, насколько было видно глазу. Они выглядели такими удивительно твердыми и манящими. Иногда, когда мы поднимались выше к более широкому обзору, в этой блестящей пене появились разрывы, и далеко внизу было видно зеленую землю. Над нами было ясное синее зимнее небо, нежное и безмерное. Массивная цепь заснеженных гор простиралась с севера на юг, искрясь на светящемся солнце. Эти горы достигали в высоте более чем четырнадцати тысяч футов, но мы поднялись над ними и все еще взбирались. Они были знакомой цепью вершин, и они казались такими близкими и безмятежными. Более высокие пики располагались на севере, и мы рискнули отправиться на юг, достигнув требуемой высоты двадцати тысяч футов.

Пассажир на соседнем месте был очень болтлив. Ему были незнакомы эти горы, и он подремал, пока мы поднялись. Но теперь он проснулся и желал пообщаться. На первый взгляд показалось, что он выехал по какому-то делу. Казалось, что у него было много интересов, и он говорил со значительной осведомленностью о них. Море было теперь под нами, темное и далекое, оно было усыпано судами. Грохота от крыльев не было, и мы проезжали вдоль побережья мимо одного освещенного города за другим. Он рассказывал, как трудно это было не иметь страха не только из-за катастрофы, но из-за всех несчастных случаев в жизни. Он был женат и имел детей, и страх был всегда не будущего в одиночестве, а вообще всего. Это был страх, который не имел никакого специфического объекта, и хотя он был успешен, этот страх делал его жизнь утомительной и болезненной. Он всегда был довольно опаслив, но теперь это стало чрезвычайно навязчивым, и у его снов появился пугающий характер. Его жена знала о его страхах, но она не осознавала о серьезности их.

Страх может существовать только относительно чего-то. Как абстракция, страх — это всего лишь слово, а слово — это не реальный страх. Вы знаете определенно, чего вы боитесь?

«Я никогда не был способен точно указать на это, и мои сны также очень неопределенны. Но страх пронизывает их всех. Я поговорил с друзьями и докторами об этом, но они или смеялись над этим, или не очень-то помогли. Это всегда ускользало от меня, а я хочу освободиться от этих ужасов».

Вы действительно хотите быть свободным или это только фраза?

«Я могу казаться небрежным, но я бы отдал многое, чтобы избавиться от этого страха. Я не особенно набожный человек, и это достаточно удивительно, но я молился, чтобы он оставил меня. Когда я увлечен своей работой или игрой, он часто отсутствует. Но как какой-то монстр он вечно выжидает, и вскоре мы снова попутчики».

Сейчас у вас есть этот страх? Вы осознаете сейчас, что он где-то поблизости? Этот страх осознанный или скрытый?

«Я могу ощущать его, но я не знаю, сознательный ли он или бессознательный».

Вы ощущаете его как что-то далекое или близкое, не в смысле пространства или расстояния, а в смысле чувства?

«Когда я осознаю его, он кажется совсем близким. Но что же делать с ним?»

Страх может возникнуть только по отношению к чему-то. Это может быть ваша семья, ваша работа, ваше беспокойство о будущем или смерти. Вы боитесь смерти?

«Не особенно, хотя я хотел бы умереть быстро, а не долго и мучительно. Я не думаю, что из-за моей семьи или из-за моей работы у меня возникает это беспокойство».

Тогда это должно быть кое-что глубже, чем внешние взаимоотношения, что вызывает эти страхи. Можно указать вам на них, но если вы сможете сами обнаружить их ради себя самого, это будет иметь намного большее значение. Почему вы не боитесь внешних взаимоотношений?

«Моя жена и я любим друг друга, она бы и не подумала посмотреть на другого мужчину, и меня не привлекают другие женщины. Мы дополняем друг друга. Дети — хлопоты, и, что можно сделать, делается. Но со всем этим экономическим беспорядком в мире нельзя обеспечить их финансовую безопасность, и им придется приложить все усилия, на которые они способны. Моя работа совершенно безопасна, но есть естественное опасение, что что-нибудь случится с моей женой».

Итак, вы уверены в ваших внутренних взаимоотношениях. Почему вы настолько уверены?

«Не знаю, но я уверен. Необходимо принимать некоторые вещи как должное, не так ли?»

Это не причина. Вникнем в это? Что делает вас таким уверенным в ваших близких отношениях? Когда вы говорите, что вы и ваша жена дополняете друг друга, что вы имеете в виду?

«Мы находим счастье в друг друге: дружеские отношения, понимание, ну, и остальное. В более глубоком смысле, мы зависим друг от друга. Это был бы огромный удар, если что-нибудь случилось бы с ней или со мной. В этом смысле мы зависимы».

Что вы подразумеваете под «зависимы»? Вы имеете в виду, что без нее вы были бы потеряны, вы бы чувствовали себя совершенно одиноким, это так? Она чувствовала бы то же самое, так что вы взаимно зависимы.

«Но что в этом плохого?»

Мы не осуждаем или судим, а только исследуем. Вы уверены, что вы хотите войти во все это? Вы совсем уверены? Хорошо, тогда давайте продолжим.

Без вашей жены вы были бы одиноким, вы были бы потеряны в самом глубоком смысле слова, так что она необходима вам, не так ли? Вы зависите от нее из-за вашего счастья, и эту зависимость называют любовью. Вы боитесь быть один. Она должна всегда быть здесь, чтобы прикрывать факт вашего одиночества, как вы прикрываете ее одиночество. Но факт все еще остается, не так ли? Мы используем друг друга, чтобы прикрыть это одиночество, мы убегаем от него такими многочисленными способами, такими различными формами взаимоотношений, и каждое такое взаимоотношение становится зависимостью. Я слушаю радио, потому что музыка делает меня счастливым, она уводит меня от самого себя, книги и знание — это также очень удобное бегство от самого себя. И от всех этих явлений мы зависим.

«Почему мне не следует убежать от самого себя? Мне нечем гордиться, а в солидарности с моей женой, которая намного лучше меня, я отдаляюсь от самого себя».

Конечно, подавляющее большинство убегает от себя. Но, убегая от себя самого, вы становитесь зависимы. Зависимость становится более сильным, более важным соизмеримо с страхом того, что есть. Жена, книга, радио становятся совершенно необходимыми. Эти бегства становятся наиболее важными, самой большой ценностью. Я использую мою жену как средство бегства от самого себя, и таким образом я привязан к ней. Я должен обладать ею, я не должен потерять ее, и ей нравится, чтобы ею владели, поскольку она также использует меня. Существует общая потребность убежать, и мы взаимно используем друг друга. Это использование называют любовью. Вам не нравится то, чем вы являетесь, и поэтому вы убегаете от себя самого, от того, что есть.

«Это довольно-таки понятно. Что-то в этом есть, это имеет смысл. Но мы убегаем? От чего мы убегаем?»

От вашего собственного одиночества, вашей собственной пустоты, от того, что вы есть. Если вы убегаете, не видя то, что есть, очевидно, вы не можете понять это. Поэтому сначала вы

должны прекратить убегать и избегать, и только тогда вы сможете наблюдать себя, какой вы есть. Но вам не удастся наблюдать то, что есть, если вы всегда критикуете это, если вам оно нравится или не нравится. Вы называете это одиночеством и убегаете от этого, и сам побег от того, что есть, — это страх. Вы боитесь этого одиночества, этой пустоты, а зависимость — это его прикрытие. Поэтому страх является постоянным. Он будет постоянно, пока вы убегаете от того, что есть. Быть полностью отождествленным с чем-то, с человеком или идеей, — это не гарантия окончательного спасения, поскольку этот страх всегда на заднем плане. Он проникает через сны, когда возникает перерыв в отождествлении, а в отождествлении всегда есть перерыв, иначе мы были бы неуравновешенными.

«Тогда мой страх возникает из-за моей собственной пустоты, моей недостаточности. Я это очень хорошо понимаю, и это истина, но что же мне делать с этим?»

Вы ничего не можете сделать с этим. Независимо от того, что вы делаете, — это деятельность ради бегства. Это самое важное для осознания. Тогда вы поймете, что вы не отличаетесь и неотделимы от той пустоты. Вы и есть эта недостаточность. Наблюдающий — это наблюдаемая пустота. Тогда, если вы продвинетесь далее, это больше нельзя назвать одиночеством, определение этого прекратилось. Если вы продвинетесь еще дальше, что довольно-таки трудно, явления, известного как одиночество, не существует. Есть полное прекращение одиночества и пустоты, мыслителя как мысли. Единственно только это кладет конец страху.

«Тогда, что является любовью?»

Любовь — это не отождествление, это не мысль о любимом. Вы не думаете о любви, когда она рядом. Вы думаете о ней только, когда она отсутствует, когда между вами и объектом вашей любви есть расстояние. Когда существует непосредственное единение, нет мысли, нет образа, нет возрождения памяти. Именно когда возникают перерывы в единении, на любом уровне, начинается процесс мысли, воображения. Любовь не исходит от ума. Ум создает дым из зависти, привязки, тоски, воспоминаний прошлого, желания завтра, горя и беспокойства. И это эффективно тушит огонь. Когда нет дыма, есть огонь. Эти двое не могут существовать вместе. Мысль о том, что они существуют вместе, — это просто несбыточное желание. Желание — это проекция мысли, а мысль — это не любовь.

Эксплуатация и деятельность

Это было рано утром, и веселые птицы создавали ужасную шумиху. Солнце едва касалось вершин деревьев, и в глубокой тени еще не проникало никаких лучей света. Змея, должно быть, недавно пересекла лужайку, так как образовалась длинная, узкая полоса без росы. Небо еще не потеряло его насыщенность, и собирались большие белые облака. Внезапно шум птиц приостановился, а затем крики усилились с ворчанием и недовольством, поскольку пришел кот и улегся под кустарником. Большой ястреб поймал черно-белую птицу, и рвал ее на части своим острым изогнутым клювом. Он держал свою добычу с нетерпеливой свирепостью и стал угрожающе недовольным оттого, что прилетели пара или тройка ворон. Глаза ястреба были желтыми, с узкими черными полосками зрачков, и они наблюдали за воронами и нами, не мигая.

«Почему я не должен быть эксплуатируемым? Я не возражаю, чтобы меня использовали ради цели, которая имеет большое значение, и я хочу полностью слиться с ней. То, что делают со мной, имеет небольшое значение. Понимаете, я не очень-то значим, я не могу сделать многое в этом мире, и поэтому я помогаю тем, кто может. У меня проблема личной привязанности, что отвлекает меня от работы. Именно эту привязанность я хочу понять».

Но почему вас должны эксплуатировать? Действительно ли вы не столь же важны как личность или группа, которая эксплуатирует вас?

«Я не возражаю, чтобы меня эксплуатировали ради цели, которая, как я считаю, имеет большую красоту и ценность в мире. Те, с кем я работаю, — это духовные люди с высокими идеалами, и они знают лучше, чем я, то, что нужно сделать».

Почему вы думаете, что они более способны творить добро, чем вы? Откуда вы знаете, что они «духовны», выражаясь вашими же собственными словами, и у них более широкое видение? В конце концов, когда вы предложили ваши услуги, вы, наверное, обдумали этот шаг, или вы были вовлечены, эмоционально возбуждены, и поэтому отдали себя работе?

«Это прекрасная цель, и я предложил свои услуги, потому что я почувствовал, что я должен помочь этому».

Вы ходите на тех мужчин, которые идут в армию, чтобы убить или быть убитым ради благородной цели. Они знают, что они делают? Вы знаете, что вы делаете? Откуда вы знаете, что цель, ради которой вы служите, «духовна»?

«Конечно, вы правы, я находился в армии в течение четырех лет во время последней войны. Я пошел туда, подобно многим другим мужчинам, из чувства патриотизма. Я не думаю, что я раздумывал тогда о значении убийства. Просто это было нужно, и мы пошли туда. Но люди, которым я сейчас помогаю, духовны».

Вы знаете, что означает быть духовным? С одной стороны, чтобы быть честлюбивым очевидно не означает быть духовным, а разве они не честлюбивы?

«Я боюсь, что да. Я никогда не задумывался об этом, я только хотел помочь чему-то прекрасному».

Разве это прекрасно быть честлюбивым и прикрывать это большим количеством звучных слов о мастерах, гуманности, искусстве, братстве? Разве духовно быть обремененным эгоцентричностью, которая распространяется, чтобы включить в себя соседа и человека по ту сторону океана? Вы помогаете тем, кто, как предполагается, является духовным, не зная, для чего все это, и хотите, чтобы вас эксплуатировали.

«Да, это весьма поспешно, не так ли? Я не хочу, чтобы меня тревожили по поводу того, что я делаю, и все же у меня есть проблема, а то, что вы говорите, еще более тревожащее».

Разве вас не необходимо потревожить? В конце концов, только, когда мы потревожены, пробуждены, мы начинаем наблюдать и узнавать. Нас эксплуатируют из-за нашей собственной глупости, которую умные люди используют во имя страны, бога, какой-то идеологии. Как глупость может творить добро в этом мире даже при том, что лицемеры используют ее? Когда хитрецы используют глупость, они также глупы, поскольку они тоже не знают, куда их действия приведут. Действие глупцов, тех, кто не осознает пути их собственной мысли, неизбежно приводит к противоречию, беспорядку и страданию.

Ваша проблема может не обязательно являться отвлечением внимания. Но так как она есть, откуда она взялась?

«Она мешает моей усердной работе».

Ваше преданность не является полной, так как у вас есть проблема, которую вы считаете отвлечением. Ваша преданность может быть бездумным действием, а проблема может быть признаком, предупреждением о том, что не следует загружаться вашей нынешней деятельностью.

«Но мне нравится то, что я делаю».

И в этом-то и может быть вся неприятность. Мы хотим забыться в каком-то виде деятельности, чем больше удовлетворяет та деятельность, тем больше мы цепляемся за нее. Желание быть поощренным делает нас глупыми, а поощрение на всех уровнях одинаковое, не существует более высокого или более низкого поощрения. Хотя мы можем сознательно или подсознательно маскировать наше удовлетворение с помощью благородных слов, само желание быть удовлетворенным делает нас тупыми, нечувствительными. Мы получаем удовлетворение и спокойствие, психологическую безопасность через некоторую деятельность. И получая это или воображая, что мы получили это, мы не желаем быть потревоженными. Но волнение есть всегда, иначе мы были бы мертвы, или бы все-таки поняли целостный механизм конфликта и борьбы. Большинство из нас хочет быть мертвым, быть нечувствительным, поскольку жизнь приносит боль. И против той боли мы строим стены сопротивления, стены обусловленности. Эти кажущиеся защитными стены только разводят дальнейший конфликт и страдание. Неужели важно не понять проблему, а найти выход из нее? Ваша проблема, возможно, — это реальность, а ваша работа, возможно, — это бегство, не имеющее особого значения.

«Это все очень тревожит, и я должен буду хорошенько подумать об этом».

Под деревьями становилось теплее, и мы ушли. Но каким образом поверхностный ум может творить добро? Разве творение «добра» — это не признак поверхностного мышления? Разве ум, как бы он ни был хитер, изощрен, обучен, не остается всегда поверхностным? Поверхностный ум никогда не сможет стать непостижимым, само становление — это поверхностный путь. Становление — это преследование собственной проекции. Проекция может быть в словесном выражении наивысшего значения, она может быть распространенным видением, схемой или планом. Все же это — это вечное дитя мелочности. Делайте, что хотите, поверхностное никогда не станет глубоким, любое действие с его стороны, любое движение ума на любом уровне все еще исходит от поверхностного. Поверхностному уму очень трудно понять, что его действия тщетны, бесполезны. Именно поверхностный ум является активным, и эта сама его деятельность удерживает его в том состоянии. Его деятельность — это создание его собственных условий. Создание условий, сознательное или скрытое, является желанием освобождения от конфликта, от борьбы, и это желание сооружает стены от движения жизни, от неизвестных ветров. И за этими стенами умозаключений, верований, объяснений, идеологий застаивается ум. Только поверхностное застаивается и умирает.

Само желание найти убежище через создание условий порождает еще большую борьбу и больше проблем, поскольку создание условий является отделяющим, а отделенное,

изолированное не может жить. Отделенное, соединяясь с другим отделенным, не становится целым. Отделенные — это всегда изолированные, хотя они могут скопиться и собраться, расшириться, включить в себя и быть солидарными. Создание условий является разрушительным, разлагающим. Но поверхностный ум не может понять суть этого, поскольку он занимается деятельностью в поисках сути. Сама эта деятельность препятствует постижению сути. Истина — это действие, не деятельность поверхностного, ищущего, честолюбивого. Истина — это добро, прекрасное, а не деятельность танцующего, планирующего, играющего словами. Именно истина освобождает поверхностное, а не его схема, как освободиться. Поверхностное, ум никогда не смогут сделать себя свободным, они могут двигаться только от одного создания условий к другому, думая, что другое более свободно. Более свободно — это не свободно никогда, это обусловлено, это расширение меньшего. Движение становления, человека, который хочет стать Буддой или менеджером, является деятельностью поверхностного. Поверхностные вечно боятся того, чем они являются, но то, чем они являются, — это истина. Истина скрывается в тихом наблюдении за тем, что есть, и именно истина преобразовывает то, что есть.

Ученые или мудрые?

Дожди смыли пыль и жару многих месяцев, и листва блестела чистотой, и уже начинали показываться новые листочки. На протяжении всей ночи лягушки заполняли воздух своим звучным кваканьем, бывало, они отдохнут, а потом начнут снова. Река быстро текла, а в воздухе была мягкость. Дожди ни в какую не хотели заканчиваться. Собирались черные тучи, и солнце спряталось. Земля, деревья и вся природа, казалось, ждали следующего очищения. Дорога была темно-коричневого цвета, а в лужах играли дети. Они делали пироги из грязи или строили замки и дома, окружая их стенами. После месяцев высокой температуры в воздухе царил радость, и зеленая трава начинала покрывать землю. Все обновляло себя.

Такое возобновление — это невинность.

Человек считал себя очень много знающим, и для него знание было самой сущностью жизни. Жизнь без знания была хуже смерти. Его знания не были об одном или двух явлениях, но охватывали очень много жизненных сфер. Он мог с уверенностью говорить об атоме и коммунизме, об астрономии и ежегодном падении воды в реке, о диете и перенаселенности. Он удивительно гордился своими знаниями и, подобно эрудированному шоумену, он выдавливал их из себя для того, чтобы впечатлить. Это заставляло других молчать и уважать его. Как пугаемся мы знаний, какое испуганное уважение мы проявляем к знающему! Его английский был порой довольно труден для понимания. Он никогда не был за пределами своей собственной страны, но у него было много книг из других стран. Он пристрастен к знаниям, как другой был бы пристрастен к выпивке или любой другой потребности.

«Что является мудростью, если это — не знание? Почему вы говорите, что нужно скрывать все знания? Разве знание не является необходимостью? Без знания где бы мы были? Мы все еще были бы как первобытные люди, не зная ничего об удивительном мире, в котором мы живем. Без знания было бы невозможно существование на любом уровне. Почему вы так настойчиво заявляете, что знания — это препятствие к пониманию?»

Знания создают условия. Знания не дают свободу. Можно знать, как построить самолет, и улететь на другой конец земного шара за несколько часов, но это не свобода. Знание — не творческий фактор, поскольку знание имеет продолжение, а то, что имеет продолжение, никогда не сможет привести к неясному, непредсказуемому, неизвестному. Знание — это помеха для открытого, неизвестного. Неизвестное никогда не сможет быть облачено в известное, известное всегда двигается к прошлому. Прошлое вечно затеняет настоящее, неизведанное. Без свободы, без открытого ума не может быть никакого понимания. Понимание не приходит со знанием. В промежутках между словами, между мыслями, возникает понимание. Этот промежуток — молчание, не нарушенное знаниями, он открыт, непредсказуем, неясен.

«Разве знание не полезно и необходимо? Без знаний как можно совершать открытия?»

Открытие происходит не когда ум переполнен знаниями, а когда знания отсутствуют. Только тогда есть спокойствие и открытое пространство, и в этом состоянии возникает понимание или открытие. Знание, несомненно, приносит пользу на определенном уровне, но на другом уровне оно однозначно вредно. Когда знание используется как средство самовозвеличивания, чтобы раздуть себя, тогда оно вредно, порождая разделение и вражду. Самовозвеличивание — это распад, во имя бога ли, государства или идеологии. Знание на определенном уровне, хотя оно и ставит в условия, является необходимым, например, язык, техника и тому подобное. Такое создание условий — это гарантия, основа для проживания на внешнем уровне. Но когда это создание условий используется в психологическом отношении, когда знание становится средством психологического комфорта, удовлетворения, тогда оно

неизбежно порождает конфликт и беспорядок. Кроме этого, что мы подразумеваем под знанием? Что вы знаете по-настоящему?

«Я знаю об очень многих вещах».

Вы имеете в виду, что у вас много информации, данных о многих явлениях. Вы собрали определенные факты и что потом? Разве информация о разрушениях войн предотвращает войны? Уверен, у вас имеется множество данных о последствиях вспышек гнева и насилия внутри нас самих и в обществе. Но положила ли эта информация конец ненависти и антагонизму?

«Знание о последствиях войны не может непосредственно положить конец войнам, но оно в конечном счете принесет мир. Люди должны быть образованы, им нужно показать последствия войны и конфликта».

Люди — это вы сами и кто-то еще. У вас имеется эта объемная информация, и вы от этого менее честолюбивы, менее жестоки, менее эгоцентричны? Из-за того, что вы изучили революции, историю неравенства, вы свободны от ощущения собственного превосходства, придания себе важности? Из-за того, что у вас имеются достаточные знания о всемирных бедствиях и катастрофах, вы любите? Кроме того, о чем же мы знаем, какие знания у нас имеются?

«Знание — это опыт, накопленный с веками. С одной стороны, это традиция, а с другой, это инстинкт, и сознательный и подсознательный. Тайные воспоминания и опыт или передаваемые из поколения в поколение, или приобретенные действуют как руководящий принцип и формируют наше действие. Эти воспоминания, как расовые, так и индивидуальные, являются необходимыми, потому что они помогают и защищают человека. Вы бы стали избавляться от таких знаний?»

Действие, сформированное и управляемое страхом, вообще не действие. Действие, которое является продуктом расовых предубеждений, страхов, надежд, иллюзий, зависит от условий, а любая зависимость от условий, как мы сказали, только порождает дальнейший конфликт и горе. Вы зависимы от условий, как брамин в соответствии с традицией, которая соблюдалась в течение многих столетий, и вы реагируете на стимулы, на социальные изменения и конфликты, как брамин. Вы реагируете согласно созданным вокруг вас условиям, согласно вашему прошлому опыту, знанию, таким образом, новый опыт только создает дальнейшие условия. Переживание в соответствии с верой, в соответствии с идеологией является просто продолжением этой веры и увековечиванием идеи. Такое переживание только усиливает веру. Идея является отделяющей, а ваше переживание в соответствии с верой, образцом, делает вас еще больше отделенным. Опыт как знание, как психологическое накопление только создает условия, и тогда опыт — это еще один способ самовозвеличивания. Знание как опыт на психологическом уровне — это препятствие для понимания.

«Разве мы переживаем в соответствии с нашей верой?»

А разве это очевидно? Вас вынуждают условия определенного общества (которым являетесь вы сами на ином уровне) верить в бога, в социальные разделения, а другого условия вынуждают считать, что никакого бога нет, следовать совершенно иной идеологии. Вы оба переживаете в соответствии с вашими верованиями, но такое переживание — это помеха для неизвестного. Опыт, знание, которые исходят от памяти, являются полезными на некоторых уровнях, но опыт как средство укрепления психологического «я», это только приведет к иллюзии и горю. А что мы можем познать, если ум заполнен опытами, воспоминаниями, знаниями? Может ли возникнуть переживание, если мы знаем? Разве известное не мешает переживанию? Вы можете знать название того цветка, но таким образом вы переживете цветок? Сначала возникает переживание, а обозначение только усиливает опыт. Обозначение мешает дальнейшему

переживанию. Разве для возникновения состояния переживания не нужно ли освободиться от, обозначений, ассоциаций, от процесса воспоминания?

Знание носит поверхностный характер, а может ли поверхностное привести к глубокому? Может ли ум, который является результатом известного, прошлого, когда-либо выйти за пределы и подняться над его собственными проекциями? Чтобы делать открытия, необходимо прекратить проецировать. Без своих проекций ум ничто. Знания, прошлое могут проецировать только то, которое является известным. Инструмент известного никогда не сможет быть исследователем. Для открытия необходимо прекратить известное, необходимо остановить опыт для переживания. Знание — это помеха для понимания.

«Что же от нас останется, уберете ли от нас знания, опыт, память? Тогда мы ничто».

А теперь вы что-то большее, чем это? Когда вы говорите «без знания мы ничто», вы просто делаете словесное утверждение, не переживая то состояние, не так ли? Когда вы делаете это заявление, есть ощущение страха, страха быть обнаженным. Без этих прилагательных вы ничто, что и есть истина. А почему не быть этим? К чему все эти претензии и тщеславие? Мы одели это небытие в фантазии, в надежды, в различные утешающие идеи, но под этим одеянием мы ничто, не как какая-то философская абстракция, но реально ничто. Переживание этого небытия есть начало мудрости.

Как стыдно нам, когда приходится говорить, что мы не знаем! Мы прикрываем факт незнания словами и информацией. Реально же, вы не знаете вашу жену, вашего соседа, но откуда вам это знать, когда вы не знаете себя? У вас много информации, умозаключений, объяснений о вас самих, но вы не осознаете то, что есть, неявное. Объяснения, умозаключения, названные знанием, препятствуют пониманию того, что есть. Без наивности как может быть мудрость? Не умерев по отношению к прошлому, как может возникнуть возобновление наивности? Умирание происходит от мгновения до мгновения, умереть означает не накопить. Переживающий должен умереть по отношению к опыту. Без опыта, без знания нет переживающего. Знать означает быть несведущим, не знать — это начало мудрости.

Спокойствие и воля

На длинном извивающемся пляже почти никого не было. Несколько рыбаков возвращались к своей деревне среди высоких пальм. Пока они шли, они делали нить, катая хлопок на своих голых бедрах и наматывая его на катушки. Это была очень надежная и крепкая нить. Некоторые из них шли с непринужденностью и изяществом, а другие волокли свои ноги. Они плохо питались, были худыми и очень загорелыми из-за солнца. Мальчик прошел мимо длинными бодрыми шагами, напевая, а море приближалось, накатываясь волнами. Сильного ветра не было, но море было тяжелым, с раскатистыми волнами. Луна, почти полная, только поднималась из сине-зеленой воды, и огромные пенные волны были белыми на фоне желтых песков.

Как удивительно проста жизнь, и как мы усложняем ее! Жизнь сложна, но мы не знаем, как быть простыми с нею. К сложности нужно подходить просто, иначе мы никогда не поймем ее. Мы знаем слишком много, и именно поэтому жизнь ускользает от нас, а слишком много — это так мало. С этим малым мы встречаем огромное, и как же нам измерить неизмеримое? Наше тщеславие оупляет нас, опыт и знание связывают нас, и воды жизни проходят мимо нас. Петь вместе с тем мальчиком, устало тащиться с теми рыбаками, пряхть нить на бедре, быть теми сельскими жителями и той парой в автомобиле, чтобы быть всем этим (не как трюк с идентичностью), необходима любовь. Любовь не сложна, но ум делает ее такой. Мы слишком умные, а движений любви мы не знаем. Мы знаем движения желания и волю желания, но мы не знаем любовь. Любовь — это огонь без дыма. Мы слишком близки с дымом, он заполняет наши головы и сердца, и мы видим неясно. Мы не просты по отношению к красоте огня, мы мучаемся от этого. Мы не живем с огнем, стремительно следуя всюду, куда он может привести. Мы знаем слишком много, что всегда мало, и мы создаем путь к любви. Любовь ускользает от нас, но у нас остается пустая форма. Те, кто знает, что ничего не знает, просты. Они идут далеко, поскольку у них нет бремени знаний.

Он был санньясом, как кто-то сказал. На нем была одежда цвета шафрана, и у него был отрешенный взгляд. Он рассказывал, что отрекся от мира много лет назад и теперь приближался к стадии, когда ни этот мир, ни другой мир не интересовали его. Он много занимался аскетизмом, управлял телом жестко и быстро и имел необычный контроль над своим дыханием и нервной системой. Это придало ему значительное чувство власти, хотя он не стремился к этому.

— Разве эта власть не столь же вредна для понимания, как власть амбиции и тщеславия? Жадность, подобно страху, порождает силу действия. Любое чувство власти, доминирования, придает силу «я», «мой» и «мне». А разве «я» — это не помеха для действительности?

«Нижнее нужно подавлять или заставить соответствовать высшему. Конфликт между различными желаниями ума и тела необходимо утихомирить. В процессе управления наездник вкушает власть, но власть используется, чтобы подняться выше или идти глубже. Власть вредна только, когда используется для себя, а не когда используется, чтобы очистить путь для наивысшего. Воля — это власть, это указание. Когда она используется в личных целях, она разрушительна, но когда используется в нужном направлении, она выгодна. Без воли не может быть действия».

Каждый лидер использует власть как средство для цели, таким же образом поступает обыкновенный человек. Но лидер говорит, что он использует ее на благо всех, в то время как обычный человек только для себя. Задача диктатора, человека у власти, лидера такая же, как и у ведомых. Они подобны, каждая — это расширение другой, и обе являются самоспроецированными. Мы осуждаем одну и хвалим другую, но разве не все цели — это

результат чьих-то предубеждений, склонностей, страхов и надежд? Вы применяете волю, усилие, власть, чтобы проложить путь для наивысшего. Это наивысшее вылеплено из желания, которое является волей. Воля создает свою собственную цель и жертвует или подавляет все ради этой цели. Цель — это есть цель, только ее называют наивысшим или государством, или идеологией.

«Можно ли положить конец противоречию без силы воли?»

Без понимания сути конфликта и того, как он возникает, из-за какой ценности, разве это не означает просто подавить или возвысить конфликт, или найти ему замену? Вы можете быть способны подавить болезнь, но она обязана показать себя снова в другой форме. Воля сама по себе — это конфликт, это результат борьбы. Воля — это целеустремленное, целенаправленное желание. Не постигнув механизм желания, просто управлять им — значит допустить дальнейшее сгорание, причинять дальнейшую боль. Контроль — это уклонение. Вы можете контролировать ребенка или проблему, но таким образом вы ничего не поняли опять же. Понимание имеет намного большее значение, чем достижение результата. Акт воли является разрушительным, поскольку действие ради цели замыкает в себе, отделяет, изолирует. Вы не можете заставить замолчать конфликт и желание, поскольку использующий усилия — сам продукт конфликта и желания. Думаящий и его мысли — это результат желания, а не понимание желания, что является «я», находящееся на любом уровне, высшем или низшем, ум вечно оказывается в ловушке невежества. Путь к наивысшему не лежит через волю, через желание. Наивысшее может возникнуть только, когда применяющий усилия отсутствует. Именно воля порождает конфликт, желание стать или проделать путь к наивысшему. Когда мышление, которое возникает благодаря желанию, перестает быть, не через усилие, тогда в том спокойствии, которое не есть цель, возникает действительность.

«Но разве простота не является необходимой для той неподвижности?»

Что вы подразумеваете под простотой? Вы подразумеваете отождествление себя с простотой или с тем, что является простым?

«Вы не можете быть просты, не отождествляя себя самого с тем, что является простым, как внешне, так и внутри».

Вы становитесь простым, не так ли? Вы сложны, но вы становитесь простым через отождествление, через отождествление с крестьянином или с одеждой монаха. Я есть это, и я становлюсь тем. Но разве этот процесс становления приводит к простоте или просто к идее простоты? Отождествление с идеей, которую называют простой, это не простота, не так ли? Действительно ли я прост, потому что я продолжаю утверждать, что я прост, или продолжаю отождествлять себя с образцом простоты? Простота находится в понимании того, что есть, а не в попытке заменить то, что есть, на простоту. Вы можете заменить то, что есть, чем-то, чего нет? Может ли жадность, до бога ли, до денег или выпивки когда-либо стать нежадностью? То, с чем мы отождествляем себя, всегда самоспроецировано, будь то наивысшее, государство или семья. Отождествление на любом уровне — это процесс «я».

Простота — это понимание того, что есть, каким бы сложным это ни казалось. То, что есть нетрудно понять, но что предотвращает понимание — это отвлечение внимания с помощью сравнения, осуждения, предубеждения, отрицательного или положительного и так далее. Это они придают сложность. То, что есть, никогда не бывает сложным само по себе, оно всегда просто. Чем вы являетесь, понять просто, но это становится сложным из-за вашего подхода к этому. Так что должно быть понимание целого механизма подхода, который порождает сложность. Если вы не осуждаете ребенка, тогда он то, чем он является, но можно и осудить. Действие осуждения приведет к сложности, действие того, что есть, является простотой.

Ничто не является таким необходимым для спокойствия, как само спокойствие. Оно — это

его собственное начало и его собственный конец. Никакие необходимые условия не породят его, поскольку оно просто есть. Никакие средства не смогут когда-либо привести к спокойствию. Средства становятся существенными только, когда спокойствие нужно завоевывать, достигать. Если спокойствие необходимо покупать, то деньги становятся важны. Но деньги и то, что на них покупают, это не спокойствие. Если средства шумные, жестокие или изощренно жадные, то и цель имеет подобную натуру, поскольку цель заложена в средствах. Если начало — это тишина, конец — также тишина. Нет никаких средств для достижения тишины, тишина — это когда нет шума. Шум не оканчивается благодаря дальнейшему усилению шума, дисциплины, строгости или воли. Поймите суть этого, и возникнет тишина.

Амбициозность

Грудной ребенок проплакал всю ночь, и бедная мать делала все возможное, чтобы утешить его. Она пела для него, она ругала его, она забавляла и качала его, но все без толку. У малыша должно быть резались зубки, и это была утомительная ночь для целого семейства. Но теперь заря поднималась над темными деревьями, и наконец ребенок затих. Когда небо становилось все светлее и светлее, стояла особая тишь. Усохшие ветви, стройные и голые, были четкими на фоне неба. Закричал ребенок, залаяла собака, прогрохотал мимо грузовик, и еще один день начался. Теперь мать вышла, неся тщательно укутанного малыша, и пошла по дороге мимо деревни, где она ждала автобуса. Возможно, она везла его к доктору. Она выглядела утомленной и измученной после той бессонной ночи, но ребенок спал крепко.

Вскоре солнце было уже над вершинами деревьев, и роса поблескивала на зеленой траве. Где-то далеко просвистел поезд, а отдаленные горы выглядели прохладными и темными. Большая птица шумно улетела прочь, оттого что мы потревожили ее полудрему. Наше приближение, должно быть, было очень внезапным, поскольку ей не хватило времени, чтобы прикрыть яйца сухими листьями. Их было больше дюжины. Даже притом, что они были не укрыты, их было едва видно. Она так хитро спрятала их и теперь наблюдала с отдаленного дерева. Мы увидели мать с ее выводком несколько дней спустя, а гнездо было пусто.

Вдоль тропинки было темно из-за тени и прохладно. Она вела через влажный лес к далекой вершине холма и через плетень, который был в цветах. За несколько дней до этого шел сильный дождь, и земля была мягкой и податливой. Виднелись поля молодого картофеля, а далеко внизу в долине был город. Это было прекрасное золотистое утро. За холмом дорожка вела назад к дому.

Она была очень умна. Она читала все последние книги, смотрела последние спектакли и была хорошо осведомлена о философии, которая стала последним повальным увлечением. Наверняка она побывала у психолога и, очевидно, прочитала многое по психологии, поскольку она знала специфическую лексику. Она считала обязательным для себя знакомиться со всеми важными людьми и случайно встретила того, кто привел ее сюда. Она говорила легко и выражалась с расстановкой и эффектом. Она была замужем, но не имела детей. И чувствовалось, что все это осталось позади нее, и что теперь она была на ином пути. Наверняка, она была богата, поскольку она была окружена той специфической атмосферой богатства. Она сразу же начала, спрашивая: «Каким образом вы помогаете миру в существующем сейчас кризисе?» Это, должно быть, был один из ее заготовленных вопросов. Она продолжала спрашивать более нетерпеливо о предотвращении войны, о последствиях коммунизма для будущего человечества.

Разве войны, увеличивающиеся бедствия и катастрофы не результат нашей повседневной жизни? Разве не мы, не каждый из нас, ответственен за этот кризис? Будущее находится в настоящем, будущее не будет очень отличаться, если нет понимания настоящего. Но разве вы не считаете, что каждый из нас ответственен за этот конфликт и беспорядок?

«Возможно это так, но к чему приведет это признание ответственности? Какую ценность имеет мое небольшое действие в глобальном разрушительном действии? Каким образом моя мысль повлияет на общечеловеческую глупость? То, что происходит в мире, — это сущая глупость, и мои умственные способности ни коим образом не повлияют на это. Кроме того, подумайте о времени, которое потребовалось бы для того, чтобы индивидуальное действие произвело бы какое-либо влияние на мир».

Разве мир отличается от вас? Разве структура общества не была построена людьми подобно вам и мне? Чтобы вызвать радикальную перемену в структуре, разве вы и я не должны

основательно преобразовать нас самих? Как может возникнуть глубокий переворот ценностей, если он не начнется с нас? Чтобы помочь в существующем кризисе, разве нужно искать новую идеологию, новый экономический план? Или нужно начинать понимать конфликт и беспорядок в пределах себя, который в его проецировании является миром? Могут ли новые идеологии породить единство между человеком и человеком? Разве верования не настраивают человека против человека? Разве не лучше отодвинуть наши идеологические барьеры (все барьеровывляются идеологическими) и рассматривать наши проблемы не через призму умозаключений и формул, а напрямую без предубеждения? Мы никогда не находимся в прямых отношениях с нашими проблемами, а всегда через какую-либо веру или формулировку. Мы сможем решить наши проблемы только, когда мы находимся в прямых отношениях с ними. Это не наши проблемы настраивают человека против человека, а наши идеи о них. Проблемы объединяют нас, а идеи разделяют нас.

Если можно спросить, почему вы так явно обеспокоены кризисом?

«Ну, я не знаю. Я вижу так много страданий, так много несчастья, и я чувствую, что что-то нужно с этим делать».

Вы действительно заинтересованы или вы просто амбициозны и жаждете сделать кое-что?

«Когда ставите вопрос таким образом, предполагаю, что я амбициозна, и желаю делать что-то, в чем я буду преуспевать».

Так немногие из нас честны в нашем размышлении. Мы хотим быть успешными, или ради нас самих непосредственно, или ради идеала, веры, с которой мы себя отождествили. Идеал — это наша собственная проекция, это — продукт нашего мышления, и наш ум переживает согласно нами созданным условиям. Ради этих собственных проекций мы и работаем, поработаемся и умираем. Национализм, подобно поклонению богу, — это только прославление себя. Именно вы сами важны, фактически или идеологически, а не бедствие и страдание. В действительности мы не хотим сделать что-нибудь с кризисом, это просто новая тема для умников, область действия для социально активных и для идеалистов.

Почему же мы амбициозны?

«Если бы мы не были такими, то в мире ничто бы не было сделано. Если бы мы не были амбициозны, мы все еще ездили бы на телегах с лошадьми. Амбиция — это другое название для прогресса. Без прогресса мы бы пришли к упадку, совершенно бы ослабли».

Творя что-то в мире, мы также порождаем войны и несказанные бедствия. Разве амбиция — это прогресс? С этого момента мы не рассматриваем прогресс, но лишь амбицию. Почему мы амбициозны? Почему мы хотим преуспеть, быть кем-то? Почему мы изо всех сил пытаемся превосходить? К чему все эти усилия самоутвердиться напрямую или через идеологию, или государство? А не является ли это самоутверждение главной причиной нашего конфликта и смятения? Мы действительно погибли бы без амбиции? Разве мы бы не выжили физически, не будучи амбициозными?

«Кому захочется выжить без успеха, без признания?»

Разве это желание успеха, одобрения не привносит внешний и внутренний конфликт? Означало ли бы быть свободным от амбиции распад? Разве это застой, когда нет никакого противоречия? Мы можем накачать себя наркотиками, погрузить себя в сон верованиями, доктринами и таким образом не иметь никаких глубоких противоречий. Для большинства из нас любой вид деятельности — это наркотик. Очевидно, что такое состояние — это один из видов распада, разлада. Но когда мы осознаем ложное как ложное, разве это приводит к гибели? Осознать, что это амбициозное стремление в любой форме к счастью ли, к богу или к успеху, это начало противоречия и внутри, и снаружи, конечно, не означает конец всего действия, конец жизни.

Почему мы амбициозны?

«Мне было бы скучно, если бы я не была поглощена стремлением достичь какого-нибудь результата, раньше я была амбициозна ради моего мужа, и я предполагаю, что вы сказали бы, что это было ради меня самой, но через моего мужа. А теперь я амбициозна ради себя, но через идею. Я никогда не думала об амбиции, я просто была амбициозна».

Почему мы умны и амбициозны? Разве амбиция — не побуждение избежать того, что есть? Разве не глупость на самом деле эта сообразительность, что и есть мы? Почему мы так боимся того, что есть? Что проку от бегства, если независимо от этого, что «мы есть» всегда рядом? Возможно, нам удастся убежать, но то, что мы есть, все еще здесь, порождая конфликт и страдание. Почему так боимся нашего одиночества, нашей пустоты? Любая деятельность, далекая от того, что есть, обязана принести горе и антагонизм. Конфликт — это отрицание того, что есть, или бегство от того, что есть. Нет никакого другого конфликта, кроме этого. Наш конфликт становится все более и более сложным и неразрешимым, потому что мы не сталкиваемся лицом к лицу с тем, что есть. В том, что есть, нет никакой сложности, а только во многих видах бегства, которые мы ищем.

Удовлетворение

Небо было заполнено облаками, и день был теплым, хотя ветер играл в листве. Где-то вдалеке послышался гром, и брызги дождя прибывали пыль на дороге. Попугаи дико кружились, визжа и пряча свои маленькие головы, а большой орел сидел на самой верхней ветке дерева, прихорашиваясь и наблюдая за всей игрой, происходящей внизу. Маленькая обезьяна сидела на другой ветке, и оба они наблюдали друг за другом на безопасном расстоянии. Теперь к ним присоединилась ворона. После своего утреннего туалета орел оставался очень спокоен в течение некоторого времени, а затем улетел прочь. Для всех, кроме людей, это был новый день. Ничто не походило на вчерашний день. Деревья и попугаи не были те же самые, трава и кусты имели совершенно иное свойство. Воспоминание о вчерашнем только затемняет сегодняшний день, а сравнение мешает восприятию. Как очаровательны были те красные и желтые цветы! Очарование не имеет времени. Мы несем наши ноши изо дня в день, и дня не проходит без тени многих прошедших дней. Наши дни — это одно непрерывное движение, вчера, смешивающееся с сегодня и завтра, и никогда нет окончания. Мы боимся окончания, но как может быть новое без окончания? Как может быть жизнь без смерти? И как мало мы знаем об обеих! У нас имеются все слова, все объяснения, и они удовлетворяют нас. Слова искажают окончание, а окончание возникает только тогда, когда нет слова. Мы знаем окончание на словах. Но окончание без слов, молчание, которое не имеет слов, мы не знаем никогда. Знать — это воспоминание. Память вечно продолжается, а желание — это нить, связывающая день за днем. Конец желания — это новое. Смерть — это новое, а жизнь как продолжительность — это только память, пустое. С возникновением новой жизни и смерть — это одно.

Мальчик шел большими шагами, напевая, пока он шел. Он улыбался всем тем, мимо кого он проходил, и казалось, у него было много друзей. Он был плохо одет, с грязной полоской тряпки вокруг головы, но у него было сияющее лицо и блестящие глаза. Своими быстрыми шагами он прошел мимо толстяка, носившего кепку. Толстяк ковылял с головой, опущенной вниз, взволнованный и обеспокоенный. Он не слышал песню, которую мальчик пел, и даже не взглянул на певца. Мальчик шагал вперед через большие ворота. Пройдя мимо прекрасных садов и пересекая мост по реке, он срезал расстояние к морю, где к нему присоединились несколько товарищей, и, как только наступила темнота, они все начали петь вместе. Огни автомобиля освещали их лица, а их глаза были полны неизведанного удовольствия. Сейчас шел сильный дождь, и все промокало.

Он был доктором не только по медицине, а также и по психологии. Худой, тихий и замкнутый, он приехал из-за моря и достаточно долго пробыл в этой стране, чтобы привыкнуть к солнцу и обильным дождям. Во время войны, сказал он, он работал врачом и психологом, и помог настолько, насколько позволяли его способности, но он был неудовлетворен тем, что он отдал. Он хотел дать намного больше, помогать намного глубже. То, что он дал, было так мало, и во всем этом чего-то не хватало.

Мы сидели, не проронив и слова в течение длительного периода, пока он осмысливал гнетущие причины его расстройства. Молчание — странная вещь. Мысль не содействует молчанию, и при этом она не создает его. Молчание не может быть смоделировано, не приходит оно и с волевым действием. Воспоминание о молчании не есть молчание. Молчание было тут в этой комнате с пульсирующей неподвижностью, и его не нарушал разговор. Разговор имел особое значение при том молчании, а молчание служило фоном слова. Молчание придавало выразительность мысли, но мысль не была молчанием. Размышления не было, но молчание было, и молчание проникало, вбирало в себя и придавало выразительность. Размышление

никогда не сможет проникать, а в молчании появляется общность.

Доктор рассказывал, что он был неудовлетворен всем: своей работой, своими способностями, всеми идеями, которые он так тщательно взращивал. Он побывал в различных философских школах и был неудовлетворен ими всеми. В течение многих месяцев, с тех пор, как он прибыл сюда, он посещал разных учителей, но уходил еще с большей неудовлетворенностью. Он перепробовал много учений типа «изм», включая цинизм, но неудовлетворенность все еще оставалась.

Именно удовлетворения вы ищете и до сих пор не нашли? Неужели желание удовлетворенности вызывает недовольство? Поиск подразумевает известное. Вы говорите, что вы не удовлетворены, но все же стремитесь к этому. Вы ищете удовлетворение, и вы еще его не нашли. Вы хотите удовлетворения, что означает, что вы не являетесь неудовлетворенным. Если бы вы были действительно не удовлетворены всем, вы бы не искали выход из этого. Неудовлетворенность, которая стремится быть удовлетворенной, скоро находит то, что требуется, в определенных взаимоотношениях с имуществом, с человеком или с какими-либо учениями типа «изм».

«Я прошел через все это, но все же я полностью не удовлетворен».

Вы можете быть не удовлетворены внешними отношениями, но, возможно, вы ищете некоторую психологическую привязку, которая даст полное удовлетворение.

«Я прошел через это тоже, но я все еще не удовлетворен».

Интересно, действительно ли вы не удовлетворены? Если бы вы были совершенно недовольны, с вашей стороны не было бы никакого движения в каком-либо определенном направлении, не так ли? Если вы полностью не удовлетворены тем, что в комнате, вы не ищете комнату побольше с более хорошей мебелью. Все же это желание найти комнату лучше является тем, что вы называете неудовлетворенностью. Вы не удовлетворены не всеми комнатами, а лишь этой одной единственной, из которой вы хотите убежать. Ваша неудовлетворенность возникает оттого, что вы не нашли полное удовлетворение. Вы постоянно стремитесь к вознаграждению, поэтому вы находитесь постоянно в движении, оценивая, сравнивая, взвешивая, отрицая, и, естественно, вы не удовлетворены. Разве это не так?

«Похоже, что так. Это правда?»

Так что на самом деле вы не являетесь неудовлетворенным. Просто пока вы не были способны найти в чем-нибудь полное и длительное удовлетворение. Именно это вы хотите: полное удовлетворение, некое глубокое внутреннее довольство, которое будет длиться.

«Но я хочу помогать, а это недовольство мешает мне этому полностью отдаться».

Ваша цель состоит в том, чтобы помогать и находить в этом полную удовлетворенность. В действительности вы хотите не помогать, а находить удовлетворение в помощи. Вы ищете удовлетворения в помощи, другой ищет его в некоем учении, а третий в некоем пристрастии. Вы ищете полностью удовлетворяющий наркотик, который в настоящее время вы называете помощью. В стремлении оборудовать себя для того, чтобы помогать, вы оборудуете себя, чтобы быть полностью удовлетворенными. Что вы действительно хотите, так это длительное самоудовлетворение.

У большинства из нас недовольство находит легкое удовлетворение. Недовольство быстро усыпляют, ему быстро вводят наркотики, заставляют быть тихим и уважаемым. На внешнем уровне вы, возможно, покончили со всеми учениями, но в психологическом отношении, глубоко внутри, вы ищете что-то, за что вы сможете схватиться. Вы говорите, что покончили со всеми личными взаимоотношениями с другими. Возможно, что в личных взаимоотношениях вы не нашли длительное удовлетворение, и поэтому вы ищете взаимоотношения с идеей, которая

всегда является самоспроецированной. В поиске взаимоотношений, которые будут полностью удовлетворять, в поиске безопасного убежища, которое выдержит все штормы, разве вы не теряете саму ту вещь, которая приносит довольство? Довольство, возможно, является уродливым словом, но настоящее довольство не подразумевает застой, смирение, успокоение, нечувствительность. Довольство — это понимание того, что есть, а то, что есть, никогда не статично. Ум, который интерпретирует, переводит то, что есть, оказывается в ловушке его собственного предубеждения относительно удовлетворения. Интерпретация — это не понимание.

С пониманием того, что есть, приходит неистощимая любовь, нежность, успокоение. Возможно, именно этого вы ищете, но это нельзя искать и найти. Делайте, что хотите, но вам никогда не найти это. Оно там, где заканчивается весь поиск. Вы можете искать только то, что вы уже знаете, то является большим вознаграждением. Поиск и наблюдение — это два различных процесса, один связывает, а другой приносит понимание. Поиск, имея всегда в поле зрения результат, вечно связывает. Пассивная наблюдательность приносит понимание того, что есть от мгновения до мгновения. В том, что есть от мгновения до мгновения, существует вечное окончание, в поиске же существует продолжение. Поиск никогда не сможет найти новое, только в окончании есть новое. Новое неистощимо. Одна любовь вечно самообновляющаяся.

Мудрость — это не накопление знаний

Будка находилась высоко в горах, и чтобы добраться туда, нужно было пересечь на машине широкую пустыню, проезжая через многие города, через богатые фруктовые сады и зажиточные фермы, которые возникли в пустыне благодаря орошению и усердной работе. Один город был особенно приятен, с зелеными лужайками и большими тенистыми деревьями, потому что вблизи была река, которая текла с отдаленных гор в самое сердце пустыни. За пределами этого города, следуя за каскадами реки, дорога вела к заснеженным вершинам гор. Теперь земля была скалистой, голой и выжженной солнцем, но вдоль берегов реки стояло много деревьев. Дорога изгибалась туда-сюда, поднимаясь все выше и выше и проходя через леса древних сосен с солнечными просветами среди них. Воздух стал прохладным и свежим, и вскоре мы достигли будки.

После нескольких дней, когда она привыкла к нам, рыжеватая-черная белка, бывало, придет и усядется на подоконнике и как-то по-своему начнет ворчать на нас. Она требует орехи. Должно быть, каждый посетитель кормил ее, но теперь посетители были редки, и она стремилась запастись на зиму, которая вот-вот наступит. Это была очень юркая, бодрая белка, и она была всегда готова собрать все, что могла, на много холодных и снежных месяцев вперед. Ее дом был в дупле дерева, которое, должно быть, усохло много лет назад. Бывало, она схватит орех, переметнется к огромному стволу, шумно вскарабкается вверх по нему, ругаясь и угрожая, и исчезнет в дупле. А затем она снижалась снова с такой скоростью, что можно было подумать, что она упадет, но этого никогда не случалось. Мы потратили все утро на то, что давали ей целый мешок орехов. Она стала очень дружелюбной и, бывало, она заходила прямо в комнату, ее шерстка блестела, а ее большие глаза, похожие на бусинки, искрились. У нее были острые когти и очень густой хвост. Это было веселое, ответственное маленькое животное, и оно, казалось, владело целой окрестностью, поскольку оно отгоняло отсюда всех других белок.

Он был приятным человеком, стремящимся к мудрости. Он хотел собрать ее, как та белка собирала орехи. Хотя он не был слишком зажиточен, он, должно быть, попутешествовал немало, поскольку, казалось, что он встречался со многими людьми во многих странах. К тому же, он, очевидно, очень много читал, поскольку он, бывало, произносил фразу или две какого-то философа или святого. Он сказал, что он мог легко читать на греческом и имел поверхностные знания санскрита. Он старел и стремился набраться мудрости.

Можно ли набраться мудрости?

«Почему бы и нет? Именно опыт делает человека мудрым, и знания необходимы для мудрости».

Может ли человек, который накопил что-то в себе, быть мудрым?

«Жизнь — это процесс накопления, постепенное укрепление личности, медленное раскрытие. Опыт, в конце концов, — это сохранение знаний. Знание необходимо для всякого понимания».

Неужели понимание приходит со знанием, с опытом? Знание — остаток опыта, набор из прошлого. Знание, сознание, — это всегда прошлое, а прошлое может когда-либо понимать? Разве понимание не входит в те промежутки, когда мысль молчит? И может ли усилие продлить или накопить те пространства молчания, принести понимание?

«Без накопления нас бы не было. Не было бы никакого продолжения мысли, действия. Накопление — это характерная особенность, накопление — добродетель. Мы не можем существовать без приобретения. Если бы я не знал устройство того двигателя, я был бы неспособен понять его, если бы я не знал строй музыки, я был бы неспособен оценить ее».

глубоко. Только недалекие наслаждаются музыкой. Чтобы оценить музыку, вам необходимо знать, как ее делают, создают. Знание — это накопление. Нет высокого понимания без знания фактов. Накопление чего-либо необходимо для понимания, что является мудростью».

Чтобы делать открытия, должна быть свобода, не так ли? Если вы связаны, пригнута к земле, вы не сможете уйти далеко. Как может возникнуть свобода, если есть накопление чего-либо? Человек, который накапливает или деньги, или знание, никогда не сможет быть свободен. Вы можете быть свободны от жадности по отношению к вещам, но жадность по отношению к знанию — это все еще неволя, она удерживает вас. Разве ум, который привязан к любому приобретению, способен к блужданию далеко и обнаружению? Разве добродетель — это накопление? Может ли ум, который накапливает добродетель когда-нибудь быть добродетельным? Разве добродетель — это не свобода от становления? Отличительная характеристика может также быть неволей. Добродетель никогда не сможет быть неволей, а любое накопление сможет.

«Как может быть мудрость без опыта?»

Мудрость — это одно, а знание другое. Знание — это накопление опыта, это — продолжение опыта, что является памятью. Память может быть искусственно выращена, укреплена, сформирована, обусловлена, но действительно ли мудрость — это расширение памяти? Разве мудрость — это то, что имеет продолжение? У нас есть знание, накопление веков, так почему же мы не мудры, счастливы, созидательны? Приведет ли знание к блаженству? Знание, которое является накоплением опыта, это не переживание. Знание мешает переживанию. Накопление опыта — это непрерывный процесс, и каждый опыт усиливает этот процесс, каждый опыт усиливает память, придает ей жизнь. Без этого постоянного воздействия на память, память вскоре исчезла бы. Мысль — это память, слово, накопление опыта. Память — это прошлое, так же, как и сознание. Это все бремя прошлого — ум, мысль. Мысль — это накопленное, и как же может мысль когда-либо быть свободной для открытия нового? Она должна остановиться для того, чтобы возникло новое».

«Я могу постичь суть этого, но без мысли как может быть понимание?»

Понимание — это процесс прошлого или оно всегда в настоящем? Понимание означает действие в настоящем. Разве вы не заметили, что понимание происходит в настоящий момент, что оно не имеет времени? Разве вы понимаете постепенно? Понимание всегда происходит немедленно, сейчас, разве не так? Мысль — это пережиток прошлого, она основана на прошлом, это отклик прошлого. Прошлое накапливается, а мысль — это отклик накопленного. Как же тогда мысль может понимать? Понимание — это сознательный процесс? Вы преднамеренно стараетесь понять? Вы выбираете наслаждение красотой вечера?

«Но разве понимание — это не сознательное усилие?»

Что мы подразумеваем под сознанием? Когда вы сознаете? Разве сознание — не отклик на брошенный вызов, на стимул, приятный или болезненный? Этот отклик на брошенный вызов — опыт. Опыт — это обозначение, определение, ассоциация. Без обозначения не было бы никакого опыта, не так ли? Весь этот процесс вызова, отклика, обозначения, опыта, является сознанием, не так ли? Сознание — это всегда процесс прошлого. Сознательное усилие, желание понять, собрать, воля быть — это продолжение прошлого, возможно, видоизмененного, но все еще прошлого. Когда мы предпринимаем усилие, чтобы быть или стать кем-то, это что-то является нашей собственной проекцией. Когда мы предпринимаем сознательное усилие, чтобы понять, мы слышим шум наших собственных накоплений. Именно этот шум мешает пониманию.

«Тогда что является мудростью?»

Мудрость — это, когда знание заканчивается. Знание имеет продолжение, без продолжения нет никакого знания. То, что имеет продолжение, никогда не может быть свободным, новым.

Свобода есть только у того, что имеет окончание. Знание никогда не может быть новым, это вечно становится старым. Старое вечно поглощает новое и таким образом приобретает силу. Старое должно прекратиться, чтобы возникло новое.

«Иными словами, вы говорите, что мысль должна закончиться для того, чтобы была мудрость. Но как может закончиться мысль?»

Ни через какой-либо вид дисциплины, практики, принуждения не появится окончание мысли. Думающий — это мысль, и он не может воздействовать на себя. Когда он делает, это всего лишь самообман. Он есть мысль, он не является отделенным от мысли. Он может полагать, что он отличен, притворяться, что он несхож с ней, но это лишь хитрость мысли, чтобы придать себе постоянство. Когда мысль пытается окончить мысль, она только усиливает себя. Она вольна делать, что угодно, но она не сможет закончить себя. Только, когда суть этого понята, мысль заканчивается. Свобода есть только в понимании сути того, что есть, а мудрость — это восприятие этой сути. То, что есть, никогда не статично, и, чтобы быть пассивно наблюдающим за этим, необходима свобода от всех накоплений.

Отвлечение

Это был длинный, широкий канал, ведущий от реки к землям, и в нем не было воды. Канал был выше, чем река, и вода, которая поступала в него, контролировалась системой блоков. Вдоль канала было спокойно. Тяжело груженные баржи двигались вверх и вниз по нему, и их белые треугольные паруса выделялись на фоне синего неба и темных пальм. Это был прекрасный вечер, спокойный и непринужденный, и вода была очень тихой. Отражения пальм и манговых деревьев были настолько четкими и ясными, что было затруднительно отличить реальное от отраженного. Садящееся солнце сделало воду прозрачной, и вечерний жар оказался на ее поверхности. Среди отражений начинала проглядываться вечерняя звезда. Вода была без движения, и несколько проходящих сельских жителей, которые обычно говорили так громко и долго, молчали. Даже шепот листвы прекратился. С луга пришло какое-то животное, оно напилось и исчезло так же тихо, как и пришло. Молчание сковало землю, оно, казалось, охватило все.

Шум заканчивается, но молчание проникающее и без конца. Можно отгородиться от шума, но от молчания нет никакого укрытия, никакая стена не сможет оградить от него, ему нет никакого противодействия. Шум не допускает все остальное, он исключает и изолирует; молчание же включает в себя все вещи. Молчание, подобно любви, является неделимым, у него нет никакого разделения на шум и тишину. Ум не может следовать ему, его нельзя заставить замолчать, чтобы получить его. Ум, который вынуждают замолчать, может только отражать свои собственные образы, и они четкие и ясные, шумные в свое замкнутости. Ум, который заставили замолчать, может только сопротивляться, а любое сопротивление — это волнение. Мнение, которое является молчаливым, а не вынужденным быть таковым, вечно переживает молчание. Тогда мысль, слово находятся в пределах тишины, а не вне ее. Удивительно, как в этом молчании ум спокоен тем спокойствием, которое не создается искусственно. Поскольку спокойствие не является предметом торга, не имеет никакой ценности и непригодно для использования, оно обладает качеством чистоты, уединения. То, что может использоваться, вскоре изнашивается. Спокойствие не начинается и не заканчивается, и ум, таким образом, спокойный, осознает блаженство, которое не является отражением его собственного желания.

Она сказала, что всегда была взволнованна тем или иным. Если это не была семья, это был сосед или какая-то общественная деятельность. Волнение заполняло ее жизнь, и она никогда не была способна найти причину этих постоянных сдвигов. Она не была особенно счастлива, да и как можно быть счастливым в мире таком, как этот? Она получила свою долю мимолетного счастья, но все это было в прошлом, а теперь она охотилась за тем, что придаст значение ее жизни. Она прошла через многие вещи, что в то время казалось стоящим, но что впоследствии постепенно превратилось в ничто. Она была вовлечена в различные виды серьезной общественной деятельности, она пылко верила в религиозные проявления, страдала из-за смерти в ее семье и перенесла опасную операцию. Жизнь не была проста для нее, добавила она, и в мире были миллионы других, подобных ей. Она хотела пойти за пределы всех этих дел, глупых или необходимых, и найти что-то, что действительно имело смысл.

Явления, которые имеют смысл, нельзя найти. Их нельзя купить, они должны происходить, и происходящее нельзя ловко спланировать. Разве это не так, что что-нибудь, что имеет глубокое значение, всегда происходит, его никогда не вызывают искусственно? Важен происходящий процесс, а не нахождение. Нахождение сравнительно просто, но происходящее — это совершенно другое дело. Не то, чтобы это было трудным, но побуждение искать и найти должно полностью прекратиться, чтобы возникло происходящее. Нахождение подразумевает

потерю, вы должны иметь, чтобы потерять. Обладать или принадлежать означает никогда не быть свободным для понимания.

Но откуда это вечное волнение, эта неутомимость? Прежде вы исследовали это серьезно?

«Я пыталась сделать это, но всегда без энтузиазма и нецеленаправленно. Я всегда отвлекалась».

Не отвлекались, если можно уточнить, просто это никогда не было жизненно важной для вас проблемой. Когда есть жизненно важная проблема, тогда никакого отвлечения нет. Отвлечение не существует; отвлечение подразумевает наличие основного интереса, от которого ум отклоняется. Но если есть основной интерес, никакого отвлечения нет. Отклонение ума от одного предмета к другому — это не отвлечение, это отстранение от того, что есть. Нам нравится уходить подальше, потому что проблема совсем рядом. Отклонение дает нам возможность чем-то заняться, например, беспокойством и домыслами. И хотя отклонение часто болезненно, мы предпочитаем его тому, что есть.

У вас действительно есть желание разобраться со всем этим или вы просто забавляетесь?

«Я действительно хочу до конца разобраться с этим, именно поэтому я пришла».

Вы несчастны, потому что нет ручья, который поддерживает полным колодец, не так ли? Вы, возможно, однажды слышали плеск воды по гальке, но теперь русло реки сухо. Вы познали счастье, но оно всегда отступало, оно всегда принадлежит прошлому. Тот ручей — это то, что вы все время нащупываете? А должны ли вы искать его или вы должны натолкнуться на него неожиданно? Если бы вы знали, где он, вы бы нашли средство, чтобы добраться до него, но без знания к нему нет никакого пути. Знать, это означает мешать этому случиться. В этом одна из проблем?

«Точно. Жизнь настолько уныла и однообразна, и, если бы это могло случиться, можно было бы не просить ни о чем больше».

Действительно ли одиночество — это проблема?

«Я не против быть одинокой, я знаю, как справиться с этим. Я или пойду прогуляться, или посижу спокойно, пока оно не пройдет. Кроме того, мне нравится быть одной».

Все мы знаем, что значит быть одиноким: болезненная, внушающая страх пустота, которую нельзя унять. Мы также знаем, как убежать от этого, поскольку все мы опробовали множество средств бегства. Некоторые поймались на одном каком-либо средстве, а другие продолжают опробовать, но ни один из них не находится в непосредственных отношениях с тем, что есть. Вы говорите, что знаете, как справиться с одиночеством. Если так сказать, это самое ваше воздействие на одиночество — ваш способ избежать его. Вы отправляетесь на прогулку или сидите в одиночестве, пока оно не пройдет. Вы всегда совершаете какие-то действия над ним, вы не позволяете ему рассказать свою историю. Вы хотите властвовать над ним, преодолевать его, убегать от него, поэтому ваши взаимоотношения с ним основаны на страхе.

Разве самореализация своих возможностей это тоже проблема? Самореализоваться в чем-то означает избегать того, чем каждый является, не так ли? Я маленький, но если я и отождествляю себя со страной, с семьей или с какой-то верой, я чувствую себя самовыраженным, полным. Такой поиск законченности — это отстранение от того, что есть.

«Да, это так, это тоже моя проблема».

Если мы сможем понять то, что есть, то, возможно, все эти проблемы прекратятся. Наш подход к любой проблеме состоит в том, чтобы избежать ее. Мы хотим сделать с ней что-то. Делание мешает нам быть в прямых взаимоотношениях с ней, и этот подход блокирует понимание проблемы. Ум занят обнаружением способа справиться с проблемой, что на самом деле является отстранением от нее, таким образом проблема остается непонятой, она все еще рядом. Для того, чтобы проблема, то, что есть, раскрыла себя и полностью рассказала свою

историю, ум должен быть чувствителен, быстр, чтобы проследить ее. Если мы делаем ум бесчувственным благодаря бегству, знанию, как справиться с проблемой, или благодаря поиску объяснения или ее причины, что является лишь словесным умозаключением, то ум станет отупленным и не сможет быстро следить за историей, которую проблема, то, что есть, будет рассказывать. Поймите суть этого, и ум будет чувствителен, и только тогда он сможет постигать. Любая деятельность ума по отношению к проблеме только делает его отупленным и поэтому неспособным следовать, прислушиваться к проблеме. Когда ум чувствителен (не вынужден быть чувствительным, что является только иным способом сделать его тупым), тогда то, что есть, пустота, возымеет совершенно иное значение.

Пожалуйста, переживайте, пока мы будем продвигаться дальше, не оставайтесь на словесном уровне.

Каково отношение ума к тому, что есть? Насколько известно, тому, что есть, дали название, определение, присвоили символ для ассоциации, и это обозначение мешает прямым отношениям, что делает ум отупленным, нечувствительным. Ум и то, что есть, — это не два отдельных механизма, но обозначение разделяет их. Когда такое обозначение перестает быть, появляются прямые взаимоотношения: ум и то, что есть, едины. То, что есть, теперь наблюдатель самого себя без присвоенного имени, и только тогда то, что есть, преобразуется. Это больше не явление, названное пустотой с ассоциациями о страхе и тому подобным. Тогда ум — это только состояние переживания, в котором нет ни переживающего, ни переживаемого. Тогда возникает неизмеримая глубина, поскольку тот, кто измеряет, исчез. То, что глубоко, является молчаливым, спокойным, и в этом спокойствии есть источник неистощимого. Волнение ума — это использование слова. Когда нет слова, есть неизмеримое.

Он был пожилым мужчиной, но хорошо сохранившимся, с длинными, седыми волосами и белой бородой. Он читал лекции по философии в университетах различных частей мира. Он был очень грамотен и спокоен. Он сказал, что он не медитировал, и при этом он не был религиозен в обычном смысле. Он был заинтересован только в знаниях, и хотя он читал лекции по философии и религиозным опытам, у него не было никакого собственного опыта в этом, и он даже не стремился к нему. Он пришел, чтобы обсудить вопрос времени.

Насколько трудно человеку, одержимому чем-то, быть свободным! Для богатого человека большое затруднение отказаться от своего богатства. Только когда есть иные и более значительные побуждения, он действительно воздержится от утешающего осознания, что он является богатым человеком. Он должен найти полную реализацию своих амбиций на другом уровне прежде, чем он отпустит то, что он имеет. Для богатого человека, деньги — это власть, и он, владелец этого, он может отдавать большие суммы, но он дающий.

Знание — это иная форма владения, и человек со знаниями удовлетворен этим, для него они сами по себе цель. У него есть чувство (по крайней мере, этот имел его), что знание так или иначе решит наши проблемы, если только его распространить обширно или чуть-чуть по всему миру. Для человека со знаниями намного более трудно быть свободным от своего богатства, чем для состоятельного человека. Удивительно, как легко знание занимает место понимания и мудрости. Если у нас имеется информация о чем-то, мы думаем, что мы понимаем. Мы думаем, что владеть знанием или быть информированным о причине проблемы значит сделать ее менее важной. Мы ищем причину наших проблем, а этот самый поиск означает отложить понимание на потом. Большинство из нас знает причину. Причина ненависти не скрыта очень глубоко, но в поиске причины мы сможем к тому же насладиться ее последствиями. Мы заинтересованы в сглаживании последствий, а не в понимании целостного процесса. Большинство из нас привязано к нашим проблемам, без них мы бы растерялись. Проблемы позволяют нам что-то делать, и движения вокруг проблемы заполняют наши жизни. Мы есть проблема и вызванная ею деятельность.

Время — это очень странное явление. Пространство и время едины, одного нет без другого. Время для нас необычно важно, и каждый придает ему свое собственное особое значение. Для дикаря время вряд ли имеет значение, но для цивилизованного человека оно имеет огромное значение. Дикарь со дня на день забывает, но если бы образованный человек делал это, его бы посадили в психушку или он бы потерял свою работу. Для ученого время — это одна вещь, для обывателя — другая. Для историка время — это изучение прошлого, для человека на фондовой бирже, это — биржевой тиккер. Для матери — это память о ее сыне, для утомленного человека — это отдых в тени. Каждый интерпретирует его согласно своим специфическим потребностям и удовлетворению, вылепливая его, чтобы удовлетворить свой собственный хитрый ум. Все же мы не можем обойтись без времени. Если нам суждено жить вообще, хронологическое время столь же существенно, как и сезоны. Но есть ли психологическое время или это просто вводящее в заблуждение приспособление ума? Конечно, существует только хронологическое время, а все остальное — обман. Приходит время расти и время умирать, время сеять и время пожинать. Но разве психологическое время, процесс становления, не является абсолютно ложным?

«А что для вас время? Вы думаете о времени? Вы осознаете время?»

Можно ли думать о времени вообще, кроме как в хронологическом смысле? Мы можем использовать время как средство, но само по себе оно имеет малое значение, не так ли? Время

как абстракция — это просто предположение, а всякое предположение тщетно. Мы используем время как средство достижения, материального или психологического. Время необходимо, чтобы прийти на вокзал, но большинство из нас использует время как средство для психологической цели, а цели различны. Мы осознаем время, когда возникает препятствие к нашему достижению, или когда существует интервал становления нас успешных. Время — это промежуток между тем, чем есть, и тем, что бы могло быть, должно бы быть или будет. Начало, идущее к окончанию — это время.

«Нет ли какого-нибудь другого времени? А как насчет научных выводов относительно пространства и времени?»

Существует хронологическое и психологическое время. Хронологическое время необходимо, и оно есть, но психологическое — это совершенно другой вопрос. Причинно—следственные отношения — это, как говорят, является процессом времени не только физически, но также и в психологическом отношении. Полагается, что интервал между причиной и следствием — это время, но разве есть интервал? Причина и следствие болезни могут быть отделены друг от друга во времени, которое является снова хронологическим. Но есть ли интервал между психологической причиной и следствием? Разве причинно-следственные отношения — это не единый процесс? Никакого интервала нет между причиной и следствием. Сегодня — это следствие вчера и причина завтра, это — единое движение, нескончаемый поток. Нет никакого разделения, никакой разграничительной линии между причиной и следствием. Но внутри мы отделяем их, чтобы становиться кем-то, чтобы достигать. Я есть это, и я стану тем. Чтобы стать тем, мне понадобится время, — это хронологическое время, используемое для психологических целей. Я невежда, но я стану мудрецом. Невежество, становящееся мудростью, — это всего лишь прогрессирующее невежество, поскольку невежество никогда не сможет стать мудростью, не больше, чем жадность сможет когда-либо стать нежадностью. Невежество — это сам процесс становления кем-то.

Разве мысль — это не продукт времени? Знание — это продолжение времени. Время — это продолжение. Опыт — это знание, а время — это продолжение опыта в виде памяти. Время как продолжение — это абстракция, а предположение — это невежество. Опыт — это память, мышление. Ум — это машина времени. Ум — это прошлое. Мысль вечно принадлежит прошлому. Прошлое — это продолжение знания. Знание вечно принадлежит прошлому. Знанию всегда хватает времени, но всегда вовремя и вне времени. Это продолжение памяти, знания является сознанием. Опыт находится всегда в прошлом, он есть прошлое. Это прошлое в соединении с настоящим — движение в будущее. Будущее — это прошлое, возможно, видоизмененное, но, тем не менее, прошлое. Весь этот целостный процесс является мыслью, мышлением. Мысль не может функционировать ни в какой другой области, кроме временной. Мысль может размышлять над безвременным, но это будет ее собственная проекция. Всякое предположение — это невежество.

«Тогда, почему вы даже упоминаете безвременное? Разве можно познать безвременное? Можно ли это признать как безвременное?»

Признание подразумевает наличие переживающего, а переживающий всегда принадлежит времени. Чтобы признавать что-то, мысль должна пережить это, и если она пережила это, тогда это известно. Известное — это, естественно, не безвременное. Известное — это всегда в пределах охвата времени. Мысль не может знать безвременное, это не еще одно приобретение, еще одно достижение, к этому нет никакого продвижения. Это состояние бытия, в котором нет времени и мысли.

«Какая его ценность?»

Никакой. Оно не предмет торга. Его нельзя специально взвесить. Его ценность неизвестна.

«Но какую роль оно играет в нашей жизни?»

Если о жизни думают, тогда никакую вообще. Мы хотим получить его как источник мира и счастья, как щит против всех неприятностей или как средство объединения людей. Его нельзя использовать ни для какой цели. Цель подразумевает средства для достижения результата, и так что мы снова вернулись к процессу мышления. Ум не может сформулировать безвременное, придать ему форму для его собственной цели. Его нельзя использовать. Жизнь имеет значение только тогда, когда есть безвременное, иначе жизнь — это горе, конфликт и боль. Мысль не может решить никакой человеческой проблемы, так как сама мысль — это проблема. Конец знания — это начало мудрости. Мудрость не принадлежит времени, она не продолжение опыта, знания. Жизнь во времени — это беспорядок и страдание, но когда то, что есть, является безвременным, появляется блаженство.

Вниз по реке плыло большое мертвое животное. На нем сидело несколько стервятников, разрывающих на части этот труп. Они будут отгонять других стервятников, пока не насытятся, и только тогда они улетят. Остальные ждали на деревьях, на берегах или парили в вышине. Солнце только что поднялось, и роса на траве была тяжелой. Зеленые поля по другую сторону реки были туманными, и голоса крестьян так ясно доносились через воду. Это было прекрасное утро, свежее и новое. Детеныш обезьяны играл вокруг матери среди ветвей. Он, бывало, разгонится вдоль ветки, перепрыгнет на следующую и снова устремится назад или подпрыгнет вверх и вниз около матери. Ей надоедали эти проделки, и она, было, спустится с дерева и поднимется на другое. Когда она начинала спускаться вниз, детеныш подбегал и цеплялся за нее, запрыгивая ей на спину или качаясь под нею. У него было такое маленькое лицо, с глазами, которые были полны задора и пугающего коварства.

Как мы боимся нового, неизвестного! Нам нравится оставаться замкнутыми в наших каждодневных привычках, рутине, ссорах и неприятностях. Нам нравится думать по-старому, идти той же самой дорогой, видеть те же самые лица и иметь те же самые заботы. Нам не нравится встречаться с незнакомцами, и, когда так происходит, мы отчужденны и раздражены. И как пугаемся мы, когда сталкиваемся с незнакомым животным! Мы двигаемся в пределах стен нашей собственной мысли, и, когда мы действительно решаемся выйти, это все еще в пределах распространения тех стен. Мы никогда не имеем окончания, но всегда подпитываем продолжение. Из дня в день мы несем бремя дня вчерашнего, наша жизнь — это одно длинное, продолжающееся движение, а наши умы оуплены и бесчувственны.

Он едва мог прекратить рыдание. Это не было управляемым или сдерживаемым плачем, а рыданием, которое сотрясало все его тело. Он был моложавым мужчиной, настороженным, с глазами, которые видели видения. В течение некоторого времени он не был способен говорить, и когда, наконец, заговорил, его голос задрожал, и он разрылся сильным рыданием, не стыдясь и раскрепощенно.

«Я вообще не плакал со дня смерти моей жены. Я не знаю, что заставило меня вот так разреветься, но это было облегчением. Прежде я плакал с нею вместе, когда она была жива, но тогда плач был очищающим, как смех. Но с ее смертью все изменилось. Раньше я рисовал, но теперь я не могу касаться кистей или смотреть на картины, которые я нарисовал. Последние шесть месяцев, кажется, я тоже умер. У нас не было детей, но она ждала ребенка, а теперь ее нет. Даже теперь мне едва удастся осознать это, потому что мы делали все вместе. Она была так красива и добра, а что теперь мне делать? Извините, что я так разрыдался, бог знает, что заставило меня сделать это. Но я знаю, что выплакаться — это хорошо. Но этого никогда не повторится снова. Что-то ушло из моей жизни. На днях я собрал щетки, и они были чужими для меня. Прежде я даже не чувствовал, что держал щетку в своей руке, но теперь она имеет вес, она тяжелая. Я часто ходил к реке, желая никогда не возвратиться, но я всегда возвращался. Я не мог видеть людей, поскольку ее лицо было всегда среди них. Я сплю, мечтаю и ем с нею, но я знаю, что это никогда не сможет повториться снова. Я трезво обдумал все это, пробовал разумом осмыслить и понять это событие. Но я знаю, что ее нет. Она мне снится каждую ночь, но я не могу все время спать, хотя я пробовал. Я не осмеливаюсь касаться ее вещей, и сам запах их почти сводит меня с ума. Я пробовал забыть, но что бы я ни сделал, это никогда не повторится снова. Я раньше слушал птиц, но теперь мне хочется уничтожить все. Я не могу продолжать вот так. Я не видел ни одного из наших друзей с тех пор, а без нее они ничего не значат для меня. Что мне делать?»

Мы молчали в течение долгого времени.

Любовь, которая оборачивается горем и ненавистью, — это не любовь. Мы знаем, что такое любовь? Разве это любовь, которая, когда прерывается, становится яростью? Есть ли любовь, когда есть приобретение и потеря?

«Когда я любил ее, все эти вещи прекратили существовать. Я полностью забыл о них всех, забыл даже о себе самом. Я познал такую любовь, и у меня все еще есть эта любовь к ней. Но теперь я осознаю и другие вещи, себя самого, мое горе, дни моих страданий».

Как быстро любовь превращается в ненависть, ревность, горе! Как сильно мы теряемся в дыме и насколько отдаленным становится то, что было так близко! Теперь мы осознаем другие вещи, которые внезапно стали настолько важными. Мы теперь знаем, что мы одиноки, остались без подруги, без улыбки и знакомого острого словца. Мы теперь осознаем нас самих, а не только другого. Другой был всем, а мы ничем. Теперь другого нет, и мы являемся тем, что есть. Другой — это мечта, а действительность состоит в том, каковы мы. Был ли этот другой когда-либо реален или это была мечта нашего собственного творения, одетая в красоту нашей собственной радости, которая вскоре исчезает? Исчезновение — это смерть, а жизнь — это каковы мы есть. Смерть не может всегда охватывать жизнь, как бы мы ни желали этого. Жизнь сильнее, чем смерть. То, что есть, сильнее, чем то, чего нет. Как же мы любим смерть, а не жизнь! Отрицание жизни настолько приятно, так располагает к забвению. Когда есть другой, нас нет, когда есть другой, мы свободны, мы отсутствуем. Другой — это цветок, сосед, запах, воспоминание. Все мы хотим другого, мы все отождествлены с другим, важен другой, не мы сами. Другой — это мечта о нас самих, а очнувшись, мы — это то, что есть. То, что есть, — бессмертно, но мы хотим положить конец тому, что есть. Желание покончить рождает продолжение, а то, что продолжается, никогда не сможет познать бессмертное.

«Я знаю, что не могу продолжать жить так, наполовину умершим. Я совсем не уверен, что понимаю, что вы говорите. Я слишком ошеломлен, чтобы принять что-нибудь».

Разве вы не часто обнаруживаете, что, хотя вы не уделяете полное внимание тому, что говорится, или тому, что вы читаете, однако слушание было, возможно, подсознательное, и кое-что проникло в вас без вашего ведома? Хотя вы преднамеренно не смотрели на те деревья, все же их образ внезапно возникает во всех подробностях, вы никогда не замечали, что это происходит? Конечно, вы ошеломлены недавним потрясением, но, несмотря на это, как только вы оправитесь от этого, то, о чем мы говорим, потом вспомнится и, возможно, поможет. Но что важно понять: когда вы оправитесь от удара, боль усилится, и вашим желанием будет избежать, убежать от вашего собственного страдания. Есть слишком много людей, которые помогут вам убежать. Они предложат любое возможное объяснение, умозаключение, которые они или другие постигли. Или же вы сами найдете некую форму ухода от себя, приятную или неприятную, чтобы утопить ваше горе. До настоящего времени вы были слишком близки к этому событию, но когда пройдут дни, вам ужасно захочется какого-нибудь утешения: религия, цинизм, общественная деятельность или любая идеология. Но любой вид спасения, в боге или в выпивке, только мешает пониманию горя.

Горе нужно понять, а не игнорировать. Игнорировать означает дать продолжение страданию, игнорировать значит убежать от страдания. Чтобы понять страдание, необходим оперативный экспериментальный подход. Экспериментировать — значит не искать определенного результата. Если вы ищете определенный результат, эксперимент невозможен. Если вы знаете то, чего вы хотите, погоня за этим — это не экспериментирование. Если вы стремитесь побороть страдание, что означает осудить его, то вы не понимаете его целостный процесс. Когда вы пытаетесь преодолеть страдание, ваша единственная задача — избежать его. Чтобы понять страдание, не должно быть никакого умственного действия, оправдывающего или

преодолевающего его. Ум должен быть полностью пассивен, молчаливо наблюдателен так, чтобы он мог следовать без колебания за раскрытием горя. Ум не может проследить за историей горя, если он привязан к любой надежде, умозаключению или воспоминанию. Чтобы следовать за быстрым движением того, что есть, ум должен быть свободен. Свобода не должна появиться в конце, она должно быть там, в самом начале.

«В чем смысл всего этого несчастья?»

Разве несчастье — не признак противоречия, противоречия боли и удовольствия? Разве несчастье — не намек на невежество? Невежество — это не недостаток информации о фактах, невежество — это непонимание целостного процесса внутри вас самих. Страдание будет, пока нет понимания внутренних движений «я», а движения «я» можно обнаружить только во взаимоотношениях в действии.

«Но мои взаимоотношения закончились».

У отношения нет конца. Возможно, есть конец у каких-то определенных взаимоотношений. Но отношение никогда не может закончиться. Быть означает соотноситься с чем-то, ведь ничто не может жить в изоляции. Хотя мы пытаемся изолировать себя через определенные отношения, такая изоляция неизбежно породит печаль. Печаль — это ход развития изоляции.

«Может ли быть жизнь такой, какая она была?»

Может ли когда-либо радость дня вчерашнего повторяться сегодня? Желание повторения возникает только, когда сегодня нет никакой радости. Когда сегодня пусто, мы принимаемся за прошлое или за будущее. Желание повторения — это желание продолжения, а в продолжении никогда нет нового. Счастье есть не в прошлом или в будущем, а только лишь в движении настоящего.

Ощущение и счастье

Мы были высоко наверху над зеленым морем. Шум пропеллеров, бьющих по воздуху, и рев выхлопной трубы затрудняли разговор. Кроме того, на остров летели несколько парней, учащих колледжа, собирающихся на спортивную встречу. У одного из них было банджо, и он играл на нем и пел в течение многих часов. Он подстрекал других, и все они вместе стали участвовать в пении. Мальчик с банджо имел хороший голос, песни были американскими. Это были песни эстрадных певцов и ковбоев или что-то из джаза. У них всех это очень хорошо получалось, точно так же, как на пластинках... Они были странной компанией, интересующейся только настоящим, у них даже и мысли не было ни о чем, кроме нынешнего удовольствия. Завтра содержало в себе все неприятности: работу, брак, старость и смерть. Но здесь, высоко над морем, это были американские песни и газеты с картинками. Молнию среди темных туч они не заметили, не увидели они никогда и изгиб земли, который врезался в море, а также отдаленную деревню в солнечном свете.

Теперь остров был почти под нами. Он был зеленым и сверкающим, недавно умытый дождями. Насколько опрятно и аккуратно все было с той высоты! Самый высокий холм был приплюснут, а белые волны, казалось, не двигались. Коричневая рыбацкая лодка с парусами торопилась к берегу до начала шторма. Она окажется вскоре в безопасности, поскольку порт находился в поле зрения. Извивающаяся река спускалась к морю, а почва была золотисто-коричневого цвета. С той высоты было видно, что происходило на обеих сторонах реки, и прошлое встретилось с будущим. Будущее не было скрыто, хотя оно лежало за изгибом. На той высоте не было ни прошлого, ни будущего, изгиб пространства не скрывал ни пору сеяния, ни пору жатвы.

Человек на соседнем месте начал говорить о трудностях жизни. Он жаловался на свою работу, непрерывные переезды, невнимание со стороны его семьи и бесполезность современной политики. Он направлялся к некоему отдаленному месту и сильно грустил оттого, что оставил свой дом. Пока он говорил, он становился все более серьезным, все более беспокоился о мире, а особенно о себе и своей семье.

«Я хотел бы уехать подальше от всего этого куда-нибудь в тихое местечко, работать немного и быть счастливым. Не думаю, что я был счастлив за всю свою жизнь, и я не знаю то, что это значит. Мы живем, размножаемся, работаем и умираем, подобно любому другому животному. Я потерял весь интерес, кроме зарабатывания денег, и это также становится довольно скучным. Я довольно-таки неплохо делаю свою работу и получаю хорошую зарплату, но к чему это все — я не имею ни малейшего понятия. Мне бы хотелось быть счастливым, и что, вы думаете, я смогу сделать для этого?»

Это сложная вещь для понимания, и это вряд ли место для серьезного разговора.

«Боюсь, у меня не будет другого раза, в момент, когда мы приземлимся, я должен буду уехать снова. Возможно, то, что я говорю, звучит несерьезно, но во всем этом есть серьезные моменты. Единственная неприятность в том, что они никогда, кажется, не собираются вместе. В душе я по-настоящему очень серьезен. Мой отец и моя родня славились своей серьезностью, но существующие экономические условия не позволяют быть полностью серьезным. Я далеко отошел от всего этого, но мне бы хотелось вернуться назад к этому и забыть всю эту глупость. Кажется, я слаб и жалуясь на обстоятельства, но все равно, мне хотелось бы быть по-настоящему счастливым».

Ощущение — это одно, а счастье — это другое. Ощущение всегда ищет следующее ощущение, вечно все более и более широкого охвата. Нет конца удовольствиям от ощущений,

они умножаются, но в их осуществлении всегда есть неудовлетворенность, всегда есть желание большего и требование большего — без конца. Ощущение и неудовлетворенность неотделимы, так как желание большего связывает их вместе. Ощущение — это желание большего и также желание меньшего. В самом акте осуществления ощущения рождается требование большего. Большее находится вечно в будущем, это постоянная неудовлетворенность тем, что только что было. Появляется противоречие между тем, что было и что будет. Ощущение — это всегда неудовлетворенность. Можно одеть ощущение в религиозный наряд, но все еще остается тем, что оно есть: порождением ума и источником конфликта и мрачных опасений. Физические ощущения всегда жаждут большего, и когда их обрывают, появляется гнев, ревность, ненависть. Есть удовольствие и в ненависти, а зависть удовлетворяет. Когда одно ощущение пресекается, удовлетворение находят в самом сопротивлении, которое принесло расстройство.

Ощущение — это вечно обратная реакция, и оно странствует от одной реакции к другой. Странник — это ум, ум — это ощущение. Ум — это склад ощущения, приятного или неприятного, и весь опыт — это обратная реакция. Ум — это память, которая в конце концов является обратной реакцией. Обратная реакция или ощущение никогда не могут быть удовлетворены. Отклик никогда не может быть доволен. Отклик — это всегда отрицание, а что не есть отрицание, то никогда не может быть. Ощущение не знает никакой удовлетворенности. Ощущение, ответная реакция всегда порождает конфликт, и сам конфликт — это дальнейшее ощущение. Беспорядок порождает беспорядок. Деятельность ума, на всех ее различных уровнях, является содействием ощущению, и когда ее распространение отклоняется, она находит удовлетворение в сокращении. Ощущение или ответная реакция является конфликтом противоположностей, и в этом конфликте отвержения и принятия, уступчивости и отрицания, есть удовлетворение, которое вечно ищет дальнейшее удовлетворение.

Ум никогда не сможет найти счастье. Счастье — это не то явление, к которому стремятся и находят, как ощущение. Ощущение можно находить снова и снова, поскольку оно вечно теряется, но счастье не может быть найдено. Вспоминаемое счастье — это всего лишь ощущение, ответная реакция за или против настоящего. Что является законченным — не счастье. Пережитое счастье, которое является законченным, — это ощущение, поскольку воспоминание — это прошлое, а прошлое — это ощущение. Счастье — это не ощущение.

Вы когда-нибудь осознавали о том, что вы счастливы?

«Конечно, да, слава богу, иначе бы я не знал, что значит быть счастливым».

Конечно, то, что вы осознавали, было ощущением переживания, которое вы называете счастьем, но это не счастье. То, что вы знаете, — это прошлое, не настоящее. А прошлое — это ощущение, ответная реакция, память. Вы помните, что вы были счастливы, а может ли прошлое рассказать, что такое счастье? Оно может вспомнить, но оно не может быть им. Узнавание — это не счастье, знать, что значит быть счастливым, — это не счастье. Узнавание — отклик памяти, а может ли ум, состоящий из множества воспоминаний, опытов, когда-либо быть счастливым? Само узнавание препятствует переживанию.

Когда вы осознаете, что вы счастливы, в этом ли счастье? Когда есть счастье, осознаете ли вы это? Сознание возникает только с противоречием, противоречие из-за воспоминания о чем-то большем. Счастье — это не воспоминание о большем. Где есть противоречие, там нет счастья. Противоречие там, где есть ум. Мысль на всех уровнях — это отклик памяти, и поэтому мысль неизменно порождает противоречие. Мысль — это ощущение, а ощущение — это не счастье. Ощущения вечно стремятся к удовлетворению. Цель — это ощущение, но счастье — это не цель, его нельзя найти.

«Но как заканчиваются ощущения?»

Покончить с ощущением — значит пригласить смерть. Умерщвление — это всего лишь

другая форма ощущения. При умерщвлении, физическом или психологическом, уничтожается чувствительность, но не ощущения. Мысль, которая умерщвляет себя, только ищет дальнейшее ощущение, поскольку сама мысль — это ощущение. Ощущение никогда не может положить конец ощущению, оно может превратиться в различные ощущения на других уровнях, но не существует никакого окончания для ощущения. Уничтожить ощущение означает быть нечувствительным, мертвым. Не видеть, не чувствовать запаха, не чувствовать прикосновения означает быть мертвым, что является изоляцией. Наша проблема совершенно в другом, не так ли? Мысль никогда не сможет принести счастье, она может только вспомнить ощущение, поскольку мысль — это ощущение. Нельзя искусственно вырастить, произвести счастье или продвинуться к нему. Мысль может только двигаться к тому, что она знает, но известное — это не счастье, известное — это ощущение. Делайте, что хотите, а мысль не может быть счастьем или найти его. Мысль может только осознавать свою собственную структуру, свое собственное движение. Когда мысль предпринимает усилие, чтобы положить самой себе конец, она только лишь стремится быть более успешной, достигать цели, результата, который будет удовлетворять ее больше. Больше — это знание, но не счастье. Мысли необходимо осознать ее собственные движения, ее собственные хитрые обманы. При осознании себя самого, без какого-либо желания быть или не быть, ум пребывает в состоянии бездействия. Бездействие — это не смерть, это пассивная наблюдательность, при которой мысль является совершенно бездействующей. Это состояние наивысшей чувствительности. Когда ум является полностью бездействующим на всех его уровнях, только тогда происходит действие. Любая деятельность, исходящая от ума, является просто ощущением, реакцией на стимуляцию, на влияние, и поэтому не действие вообще. Когда ум без деятельности, возникает действие. Это действие без причины, и только тогда возникает блаженство.

Понимать ложное как ложное

Это был красивый вечер. Небо пылало красным позади рисовых полей, а высокие, стройные пальмы колебались на ветру. Автобус, загруженный людьми, создавал много шума, пока он поднимался на небольшую гору, а река обвилась вокруг горы, когда она проделывала свой путь к морю. Домашние животные были откормленными, растительность росла густо, и было изобилие цветов. Пухлые маленькие мальчики играли в поле, и маленькие девочки поглядывали глазами, полными удивления. Поблизости находилась маленькая святыня, и кто-то зажигал лампу перед образом. В уединенном домике читали вечерние молитвы, и комната была освещена лампой, которая была не слишком яркой. Целое семейство собралось там, и все они, казалось, наслаждались своими молитвами. По середине дороги крепко спала собака, и велосипедисту пришлось ее объехать. Теперь начинало смеркаться, и светлячки освещали лица людей, которые молча проходили мимо. Один очутился в женских волосах, придавая голове нежное сияние.

Как добродушны естественно мы, особенно далеко от городов, в полях и маленьких деревнях! Жизнь более близка среди менее образованных, где лихорадка амбиций еще не распространилась. Вам улыбается мальчик, старуха удивляется, мужчина стесняется и обходит стороной. Компания прекращает свой громкий разговор и оборачивается, чтобы взглянуть с удивленным интересом, а женщина ждет, когда вы пройдете мимо нее. Мы знаем так мало о себе, мы знаем, но мы не понимаем, мы знаем, но у нас нет никакой общности с другими. Мы не знаем себя. А как же мы можем знать других? Мы никогда не сможем узнать других, мы можем только образовать общность с другими. Мы можем знать мертвое, но никогда живое. То, что мы знаем, — это мертвое прошлое, не живое. Чтобы осознать живое, мы должны похоронить мертвое в нас самих. Мы знаем названия деревьев, птиц, магазинов, но что мы знаем о нас самих, кроме некоторых слов и предпочтений? У нас есть информация, умозаключения о многих предметах, но нет счастья, нет покоя, которые бы не являлись застоявшимися. Наши жизни унылы и пусты, или настолько полны слов и деятельности, что они ослепляют нас. Знание — это не мудрость, а без мудрости нет никакого покоя, никакого счастья.

Он был молодым человеком, каким-то профессором, неудовлетворенным, взволнованным и обремененным обязанностями. Он начал, рассказывая о своих неприятностях, о тягостном уделе человека. Он был хорошо образован, сказал он (что является главным образом вопросом умения читать и собирать информацию из книг). Он заявил, что побывал на стольких многих переговорах, на каких только смог, и продолжил, объясняя, что в течение многих лет пробовал бросить курить, но не был способен сделать это окончательно. Он хотел бросить курить, потому что это было дорого, так же как и глупо. Он сделал все, что мог, чтобы прекратить курить, но всегда возвращался к этому. Помимо других, это было одной из его проблем. Он был напряженным, нервным и худым.

Разве мы понимаем что-либо, если мы это осуждаем? Отодвинуть это в сторону или принять, является нетрудным делом, но само осуждение или принятие — побег от проблемы. Осуждать ребенка означает отгородить себя от него, чтобы он не беспокоил вас, но ребенок все еще остается. Осуждать значит игнорировать, не уделять внимания, и через осуждение не может быть никакого понимания.

«Я осуждал себя за курение снова и снова. Трудно за это не осудить».

Да, трудно не осудить, поскольку нами созданные условия основываются на отрицании, оправдании, сравнении и отвержении. Это наша основа, созданные условия, с которыми мы подходим к каждой проблеме. Эти самые созданные условия порождают проблему, конфликт. Вы пробовали дать рациональное объяснение курению, не так ли? Когда вы говорите, что это

глупо, вы тщательно обдумали все это и пришли к выводу, что это глупо. И все же рациональное объяснение не заставило вас бросить курить. Мы считаем, что мы можем быть свободны от проблемы, зная ее причину, но знание — это просто информация, словесное умозаключение. Это знание, очевидно, препятствует пониманию проблемы. Знать причину проблемы и понимать проблему — это две полностью разных вещи.

«Но как еще можно подойти к проблеме?»

Именно это мы и собираемся узнать. Когда мы обнаружим, какой подход ложный, мы будем осознавать только единственный подход. Понимание ложного — это открытие истинного. Понять ложное как ложное трудно. Мы смотрим на ложное с помощью сравнения, с помощью мысленной меры. А может ли ложное быть понято как ложное с помощью любого мыслительного процесса? Разве сама мысль не обусловлена и поэтому ложна?

«Но как мы можем узнать ложное как ложное без процесса мышления?»

В этом вся наша проблема, не так ли? Когда мы используем мысль, чтобы решить проблему, конечно, мы используем инструмент, который несколько не соответствует, поскольку сама мысль — это продукт прошлого опыта. Опыт всегда находится в прошлом. Чтобы понять ложное как ложное, мысли необходимо осознать себя как мертвый процесс. Мысль никогда не сможет быть свободной, а, чтобы обнаружить это должна быть свобода, свобода от мысли.

«Я не совсем понимаю то, что вы имеете в виду».

Одна из ваших проблем — это курение. Вы подходили к ней с осуждением или вы пытались дать этому рациональное объяснение. Этот подход ложен. Как вы обнаруживаете, что он ложен? Конечно, не через мысль, а пассивно наблюдая то, как вы подходите к проблеме. Пассивной наблюдательности не требуется мысль, напротив, если мысль функционирует, то никакой пассивности не может быть. Мысль функционирует только, чтобы осуждать или оправдывать, сравнивать или принимать. Если при этом процессе есть пассивная наблюдательность, то тогда он воспринимается таким, какой он есть.

«Да, я понимаю это. Но как это применить к моему курению?»

Давайте экспериментировать вместе, чтобы узнать, можно ли подойти к проблеме курения без осуждения, сравнения и так далее. Можем ли мы взглянуть на проблему заново, без тени прошлого на ней? Чрезвычайно трудно рассматривать ее без любой ответной реакции, не так ли? Мы кажемся неспособными осознать ее пассивно, всегда есть некий отклик из прошлого. Интересно видеть, насколько неспособны мы наблюдать за проблемой, как если бы она была новой. Мы несем с собой все наши прошлые попытки, умозаключения, намерения, мы не можем смотреть на проблему, кроме как через эти ширмы.

Никакая проблема не является вечно старой, но мы подходим к ней со старыми формулировками, которые мешают нашему пониманию ее. Будем пассивно наблюдающими за этими откликами. Просто пассивно осознавайте их, понимайте, что они не смогут решить проблему. Проблема реальна, она — это действительность, но подход совершенно не соответствующий. Несоответствующий отклик на то, что есть, порождает конфликт. А конфликт — это проблема. Если есть понимание всего этого процесса, тогда вы обнаружите, что вы действуете соответственно по отношению к курению.

Маленький ручеек тек очень легко вдоль тропинки, которая вилась вокруг рисовых полей, и он был переполнен лотосами. Они были темно-фиолетовые с золотыми сердцевинами, и на них не было воды. Их аромат оставался рядом с ними, и они были очень красивы. Небо было пасмурным, начинался дождь, а среди облаков грянул гром. Молния была все еще далеко, но она приближалась к дереву, под которым мы укрылись. Начался сильный дождь, и листья лотоса собирали капли воды. Когда капли стали слишком большими, они соскальзывали с листьев, чтобы снова стать каплями. Молния сверкала теперь над деревом, и домашние животные испугались и напряженно натянули свои веревки. Черный теленок, влажный и дрожащий, жалобно мычал, он порвал свою веревку и побежал к близлежащей хижине. Лотосы плотно закрывались, пряча свои сердцевинки от надвигающейся темноты. Надо было бы оторвать фиолетовые лепестки, чтобы добраться до золотой сердцевинки. Они останутся плотно закрытыми до восхода солнца. Даже в их дреме они были прекрасны. Молния надвигалась на город, теперь было совсем темно, и можно было только слышать журчание ручья.

Тропинка вела мимо деревни к дороге, которая вернула нас назад к шумному городу.

Он был молодым человеком лет двадцати, хорошо питался, немного путешествовал и закончил колледж. Он нервничал, и в его глазах было беспокойство. Было поздно, но он хотел поговорить, он хотел, чтобы кто-то исследовал его ум за него. Он рассказывал о себе очень просто, без особого колебания или притворства. Его проблема была ясна, но не для него, он продолжал нащупывать решение.

Мы не слушаем и не открываем то, что есть, мы навязываем наши идеи и мнения другим, пробуя заставить других всунуться в рамки нашей мысли. Наши собственные мысли и суждения более важны для нас, чем выяснение того, что есть. То, что есть, всегда просто, сложны именно мы. Мы делаем простое, то, что есть, сложным, и мы теряемся в этом. Мы слушаем только увеличивающийся шум нашего собственного замешательства. Чтобы слушать, мы должны быть свободны. Не то, чтобы не должно быть никаких отвлечений, поскольку само мышление — это форма отвлечения. Мы должны быть свободны, чтобы молчать, и только тогда можно слышать.

Он рассказывал, что как только он отправлялся спать, он вставал с приступом обнаженного страха. Тогда комната меняла свои размеры, стены становились плоскими, крыши не было, а пол исчезал. Он становился напуган и обливался потом. Так продолжалось много лет.

Чем вы испуганы?

«Я не знаю, но когда я просыпаюсь с страхом, я иду к моей сестре или моему отцу и матери и разговариваю с ними некоторое время, чтобы успокоиться, и затем ухожу спать. Они-то понимают, но мне двадцать, и это становится довольно глупым».

Вы беспокоитесь о будущем?

«Да, немного. Хотя у нас есть деньги, тем не менее, я все-таки беспокоюсь о нем».

Почему?

«Я хочу жениться и обеспечить комфорт для моей будущей жены».

Зачем беспокоиться о будущем? Вы совсем молоды и можете работать и дать ей, что необходимо. Зачем быть столь озабоченным этим? Вы боитесь потери вашего социального положения?

«Частично. У нас есть автомобиль, некоторая собственность и репутация. Естественно, я не хочу все это потерять, что может быть причиной моего страха. Но это не совсем то. Это страх не быть. Когда я просыпаюсь со страхом, я чувствую, что потеряю, что я никто, что я распадаюсь на части».

В конце концов, может прийти новое правительство, и вы можете потерять вашу собственность, ваши накопления. Но вы совсем молоды, и вы всегда можете заработать. Миллионы теряют свое нажитое добро, и вам, возможно, тоже придется столкнуться с этим. Кроме того, все в мире необходимо делить, а не быть исключительным владельцем. В вашем возрасте зачем быть столь консервативным и так бояться потерь?

«Понимаете, я хочу жениться на одной девушке, и я беспокоюсь, чтобы ничто не помешало этому. Ничто, вероятно, не мешает этому, но я скучаю по ней, и она тоскует без меня, и это может быть еще одной причиной моего страха».

И это причина вашего страха? Вы говорите, что, вероятно, ничего из ряда вон выходящего не случится, чтобы помешать вашему с ней бракосочетанию, так к чему этот страх?

«Да, верно, мы можем пожениться, когда мы решим это, так что это не может быть причиной моего страха, по крайней мере, не теперь. Мне кажется, что в действительности я пугаюсь небытия, потери моей индивидуальности, моего имени».

Даже если бы вам было безразлично ваше имя, но у вас оставалась ваша собственность и так далее, разве вы все еще не боялись бы? Что мы подразумеваем под индивидуальностью? Это значит быть отождествленным с именем, с собственностью, с человеком, с идеями, это значит ассоциировать себя с чем-то, быть признанным как это или то, иметь ярлык как символ принадлежности специфической группе или стране и так далее. Вы боитесь потерять ваш ярлык, так?

«Да. Иначе, чем я являюсь? Да, именно этим».

Итак, вы есть ваше имущество. Ваше имя и репутация, ваш автомобиль и другая собственность, девушка, на которой вы собираетесь жениться, ваши амбиции, вы есть все эти вещи. Эти вещи, все вместе, с некоторыми характеристиками и ценностями, годятся для того, чтобы составить то, что вы называете «я». Вы — это общее суммарное количество всего этого, и вы боитесь потери этого. Как и у любого другого, у вас всегда есть вероятность потери. Может начаться война, может произойти революция или изменение в правительстве в сторону левых. Может случиться что-то, что лишит вас этих вещей, сегодня или завтра. Но зачем бояться ненадежности? Разве ненадежность — это не сама природа всех вещей? Отгораживаясь от этой ненадежности, вы строите стены, которые защитят вас, но эти стены могут быть разрушены и разрушаются. Вы можете убежать от этого на какое-то время, но опасность ненадежности — всегда рядом. Вам не избежать того, что есть, ненадежность существует, нравится ли вам это или нет. Это не подразумевает, что вы должны подчиниться ей или что вы должны принять или отвергнуть ее, но вы молоды, и зачем бояться ненадежности?

«Теперь, когда вы изложили это таким образом, мне не кажется, что я боюсь ненадежности. На самом деле я не против поработать. Я работаю более восьми часов в день на моей работе, и хотя она мне не особенно нравится, я могу продолжить. Нет, я не боюсь потерять собственность, автомобиль и прочее. И мы с моей невестой можем пожениться в любой момент, когда мы захотим. Теперь я понимаю, что ни одно из этого не внушает мне страх. Тогда что это?»

Давайте вместе выясним. Я мог бы сказать вам, но это не будет вашим открытием, это было бы только на словесном уровне, и поэтому совершенно бесполезно. Обнаружение этого будет вашим собственным переживанием этого, и именно это является действительно важным. Обнаружение — это переживание, мы обнаружим это вместе.

Если ни одна из этих вещей не пугает вас потерей, если вы не боитесь внешней небезопасности, то тогда о чем вы беспокоитесь? Не отвечайте сразу же, просто послушайте, понаблюдайте, чтобы узнать это. Вы совершенно уверены, что это не физическая небезопасность, которой вы напуганы? Насколько можно убедиться из этого, вы говорите, что не боитесь ее. Если вы уверены, что это не просто голословное утверждение, тогда чего вы

боитесь?

«Я совершенно уверен, что не боюсь быть не в безопасности на физическом уровне, мы можем пожениться и иметь все, что нам нужно. Я боюсь чего-то большего, чем просто потеря вещей. Но что это?»

Мы выясним, но давайте спокойно разберемся в этом. Вы ведь действительно хотите узнать, не так ли?

«Конечно, хочу, особенно теперь, когда мы зашли так далеко. Что же это, чего я боюсь?»

Чтобы выяснить, нам надо быть спокойными, наблюдательными, но не давить. Если вы не боитесь физической ненадежности, боитесь ли вы быть внутренне не в безопасности, быть неспособным достичь результата, который вы для себя установили? Не отвечайте, просто прислушайтесь. Вы чувствуете себя неспособным стать кем-то? Возможно у вас есть религиозный идеал, и, может, вы чувствуете, что у вас нет возможности соответствовать ему или достичь его? Ощущаете ли вы чувство безнадежности по поводу этого, чувство вины или разочарования?

«Вы совершенно правы. С тех пор, как я услышал вас несколько лет назад, когда был еще мальчиком, у меня возникла идея, если можно сказать так, походить на вас. У нас в крови быть религиозным, и я почувствовал, что я мог бы походить на вас. Но всегда оставался сильный страх, что я даже никогда не приближусь к этому».

Давайте двигаться медленно. Хотя вы не напуганы внешней небезопасностью, вы боитесь внутренней небезопасности. Кто-нибудь другой окружает себя внешней безопасностью в виде репутации, известности, денег, и так далее, в то время как вы хотите внутренней безопасности через идею. И вы чувствуете, что не имеете никакой возможности стать тем идеалом. Зачем вы хотите стать тем идеалом или достичь его? Разве это не только для того, чтобы быть уверенным, чувствовать себя в безопасности? Это убежище вы называете идеалом. Но, фактически вы хотите быть уверенным, защищенным. Так ли это?

«Теперь, когда вы указали на это, это точно так».

Вы обнаружили это сейчас, не так ли? Но давайте дальше продолжим. Вы понимаете очевидную бесполезность внешней безопасности, но видите ли вы также ошибочность стремления к внутренней безопасности через становление идеалом? Идеал — это ваше убежище, вместо денег. Понимаете ли вы это на самом деле?

«Да, действительно понимаю».

Тогда будьте тем, кто вы есть. Когда вы осознаете ошибочность идеала, он улетучивается от вас. Вы — то, что есть. Отсюда продолжите понимать то, что есть, но не ради какого-то специального результата, поскольку цель, результат являются всегда далекими от того, что есть. То, что есть, это вы сами, не в какой-то определенный период или в каком-то определенном настроении, а такой, какой вы есть от мгновения до мгновения. Не осуждайте себя и не становитесь покорным тому, что вы узнаете, но просто наблюдайте, не интерпретируя движение того, что есть. Это будет трудным, но в этом есть восторг. Только свободному дается счастье, а свобода приходит вместе с сутью того, что есть.

Надменный и склонный быть циничным, он был каким-то министром в правительстве. Его привел с собой друг или, более вероятно, притащил, и он казался совершенно удивленным, обнаружив себя здесь. Друг хотел обсудить кое-что и очевидно думал, что тот также мог бы прийти и послушать о его проблеме. Министр был любопытен и довольно-таки заносчив. Он был крупным мужчиной, обладал острым зрением и был легок в разговоре. Он прибыл в жизнь и собирался назад. Путешествовать — это одно, а прибывать — другое. Путешествие — это постоянное прибытие, а прибытие, за которым не следует никакого дальнейшего путешествия, — это смерть. Как легко мы удовлетворяемся, и как быстро недовольство находит удовлетворенность! Все мы хотим какое-нибудь убежище, приют от всякого конфликта, и обычно находим его. Умные, подобно глупцам, находят свой приют и в его пределах осторожны.

«Я пробовал разобраться в своей проблеме в течение множества лет, но я оказался неспособен добраться до сути ее. Своей работой я всегда порождал антагонизм. Вражда так или иначе закрадывалась во всех людей, которым я пробовал помочь. Помогая одним, я сею противостояние среди других. С одной стороны, я даю, а с другой я, кажется, наношу вред. Так продолжается дольше, чем я могу вспомнить. А сейчас возникла ситуация, в которой я должен действовать очень решительно. В действительности я не хочу никому причинить вреда, и я в растерянности, что же мне делать».

Что важнее: не причинять вред, не сеять вражду или сделать некоторую часть работы?

«В ходе своей работы я действительно травмирую других. Я из тех людей, которые отдаются своей работе. Если я что-либо предпринимаю, я хочу довести это до конца. Я всегда так поступал. Считаю, что я довольно продуктивен, и я испытываю крайне неприятное чувство, когда не вижу продуктивности. В конце концов, если мы беремся за какую-то общественную работу, мы должны довести ее до конца. А те, кто не добивается результатов или слабы, естественно становятся уязвленными и превращаются в антагонистов. Работа, обеспечивающая помощь другим, важна. И, помогая нуждающимся, я вредил тем, кто мешал. Но на самом деле я не хочу травмировать людей, и я начал понимать, что я должен что-то с этим делать».

Что для вас важно: работать, или не травмировать людей?

«Когда кто-то видит такое огромное страдание и погружается в деятельность реформы, в ходе этой деятельности этот кто-то причиняет вред некоторым людям, хотя по большей части невольно».

При спасении одной группы людей другие группы разрушаются. Одна страна выживает за счет другой. Так называемые духовные личности в своей жажде реформы спасают одних и уничтожают других. Они приносят благословения и так же, как и проклятия. Всегда кажется, что мы добры к одним и грубы с другими. Почему?

Что для вас важно: работать или не травмировать людей?

«В конце концов приходится травмировать определенных людей, неряшливых, непродуктивных, эгоистичных, это кажется неизбежным. Разве вы не травмируете людей вашими разговорами? Я знаю одного богатого человека, которому вы сделали больно тем, что вы говорите о богатстве».

Я не хочу причинять боль кому-либо. Если люди травмированы в процессе определенной работы, то, по мне, такая работа должна быть отложена. У меня нет никакой работы, нет никаких планов для какого-либо вида реформы или революции. Для меня не работа на первом месте, а то, как не повредить другим. Если богатый человек чувствует себя уязвленным тем, что было сказано, его травмировал не я, я суть того, что есть, что ему не нравится. Он не хочет

открыться. Это не мое намерение заставить другого открыться. Если человек временно открылся сути того, что есть, и рассердился на то, что он видит, он возлагает вину на других. Но это всего лишь бегство от факта. Глупо быть рассерженным на факт. Избегать факт, через гнев — это одна из самых общепринятых и наиболее бездумных ответных реакций.

Но вы не ответили на мой вопрос. Что для вас важно: работать или не травмировать людей? «Работу нужно делать, разве вы так не думаете?» — вставил министр.

Почему ее нужно делать? Если в ходе извлечения пользы из чего-то вы травмируете или уничтожаете других, какая у этого ценность? Вы можете спасти вашу страну, но вы эксплуатируете или калечите другую. Почему вы столь печетесь о вашей стране, вашей партии, вашей идеологии? Почему вы так отождествили себя с вашей работой? Почему работа так много значит?

«Мы должны работать, быть активными, иначе мы могли бы с таким же успехом быть мертвы. Когда дом горит, мы в тот момент не можем волноваться о фундаментальных проблемах».

Для просто активных основные принципы никогда не являются проблемой. Они только обеспокоены деятельностью, которая приносит поверхностные выгоды и глубокий вред. Но можно мне спросить нашего друга: почему определенный вид работы является столь важным для вас? Почему вы так привязаны к ней?

«Ну, я не знаю, но она приносит мне огромное счастье».

Итак, на самом деле вам не интересна работа, а интересно то, что вы получаете от этого. Вы можете не зарабатывать деньги на ней, но вы получаете от нее счастье. Как кто-то другой получает власть, положение и престиж, спасая свою партию или свою страну, так и вы получаете удовольствие от вашей работы. Как кто-то другой находит большое удовлетворение, которое он называет благословением, в служении своему спасителю, своему гуру, своему мастеру, так и вы находите удовлетворение в том, что вы называете альтруистической работой. На самом деле это не страна, работа или спаситель, что является для вас важным, а то, что вы извлекаете из этого. Существенно важным является ваше собственное счастье, а ваша специфическая работа дает вам то, что вы хотите. В действительности вас не интересуют люди, которым вы, якобы, помогаете, они только лишь средство для вашего счастья. И очевидно, что те, кто бесполезен, те, кто стоит на вашем пути, травмируются, поскольку работа имеет значение, она является вашим счастьем. Это — жестокий факт, но мы ловко прикрываем его звучными словами подобно служению, стране, миру, богу и так далее.

Итак, если позволите сказать, на самом деле вы не против вредить людям, которые препятствуют эффективности работы, приносящей вам счастье. Вы находите счастье в определенной работе, а та работа, неважно какая, это вы. Вы заинтересованы в получении счастья, и работа предлагает вам средства. Потому-то работа становится очень важна, и тогда, конечно же, вы очень продуктивны, беспощадны, властвуя ради того, что дает вам счастье. Так что вы не возражаете причинять людям боль, порождать вражду.

«Я никогда прежде не понимал это таким образом, и это совершенно верно. Но что же мне делать с этим?»

Разве также не важно выяснить, почему это заняло у вас так много лет, чтобы понять такой простой факт, как этот?

«Наверное, как вы говорите, я по-настоящему не заботился о том, травмировал ли я людей или нет, пока я продолжал идти своим путем. Я обычно действительно иду своим путем, потому что я всегда был очень продуктивным и прямым, что вы назвали бы беспощадностью, и вы совершенно правы. Но теперь что мне делать?»

Вам понадобились все эти годы, чтобы понять этот простой факт, потому что до сих пор вы не желали понимать его, поскольку при понимании его вы нападаете на самую основу вашего существа. Вы искали счастье и находили его, но это всегда приносило конфликт и антагонизм. И теперь, возможно впервые, вы сталкиваетесь с фактами о самом себе. Что вы собираетесь делать? Разве нет иного подхода к работе? Разве невозможно быть счастливым и работать, вместо того, чтобы искать счастье в работе? Когда мы используем работу или людей как средство для достижения цели, тогда очевидно у нас нет никаких взаимоотношений, никакой общности как с работой, так и с людьми, и тогда мы неспособны любить. Любовь — это не средство для достижения цели, она — собственная вечность. Когда я использую вас, а вы используете меня, что обычно называют взаимоотношениями, мы важны друг для друга только как средство для чего-то еще, таким образом, мы вообще не важны друг для друга. Из-за этого взаимного использования неизбежно возникают конфликт и антагонизм. Так что же вы собираетесь делать? Давайте оба выясним, что делать, а не будем искать ответ у другого. Если вы сможете выяснить это, ваше обнаружение этого будет вашим переживанием этого, тогда это будет реальным, а не просто подтверждением, умозаключением или простым устным ответом.

«В чем тогда моя проблема?»

Можно не ставить вопрос так? Спонтанно, какова ваша первая реакция на вопрос: на первом месте работа? Если не она, то что тогда?

«Я начинаю понимать то, на что вы пытаетесь намекнуть. Моя первая реакция — это шок. Я действительно в ужасе, понимая, что же я творил на своей работе в течение многих лет. Это первый раз, когда я столкнулся с фактом того, что есть, как вы это называете, и я уверяю вас, что это не очень-то приятно. Если я смогу продвинуться за пределы этого, возможно, я пойму, что является важным, а за этим естественным образом последует работа. Но то ли работа на первом месте, то ли что-то еще, это мне все еще неясно».

Почему это неясно? Является ли ясность вопросом времени или желанием понять? Исчезнет ли желание не понимать само по себе со временем? Разве ваша нехватка ясности не благодаря простому факту, который вы не хотите, чтобы был понятным, потому что это опрокинуло бы весь ваш образ повседневной жизни? Если вы осознаете, что вы преднамеренно откладываете это, разве вам не станет тут же понятно? Именно этот побег порождает замешательство.

«Теперь все это становится совершенно понятным мне, и то, что я буду делать, является несущественным. Вероятно, я буду делать то, что я делал, но с совершенно иным настроением. Посмотрим».